

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

37
ЧАСТЬ II
2022

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 37 (432) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Элино́р Остро́м* (1933–2012), американский политолог и экономист, первая женщина — лауреат Нобелевской премии по экономике (за 2009 год), основательница Блумингтонской школы.

Элино́р Остро́м (урожденная Аван) родилась в Лос-Анджелесе в еврейско-протестантской семье. Её отец, Эдриан Аван, был оперным художником-постановщиком и сценографом в Hollywood Bowl and Civic Light Opera. Мать, музыкант из Южной Дакоты Лия Клэр Аван, работала менеджером Сан-Францисского симфонического оркестра.

Элино́р поступила в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (UCLA) против воли своей матери. Никто в семье не получал высшего образования, в этом, казалось, не было особого смысла, и её мать отказалась обеспечивать финансовую поддержку. Полная решимости, мисс Аван все же стала учиться, оплачивая учебу случайными заработками.

Элино́р получила степень бакалавра искусств в 1954 году, степень магистра искусств в 1962 году и степень доктора философии в 1965 году в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Была профессором Университета Индианы в Блумингтоне с 1974 до 2012 года.

На одном из семинаров в аспирантуре мисс Аван увлекся вопросом о том, как люди действуют сообща с целью устойчивого управления общими природными ресурсами. Вместе с группой коллег-аспирантов и научных сотрудников она исследовала бассейны подземных вод в южной Калифорнии. Местные жители выкачивали слишком много подземных вод, и в бассейн просачивалась соленая вода. Элино́р была впечатлена тем, как люди из конфликтующих юрисдикций, которые зависели от этого источника воды, нашли стимулы, чтобы уладить противоречия и решить проблему. Она сделала исследование этого сотрудничества темой своей диссертации, заложив основу для дальнейшего изучения того, что она назвала ресурсами общего пользования.

Семинар для аспирантов вел Винсент Остро́м, адъюнкт-профессор политологии, старше её на 14 лет, за которого она вышла замуж в 1963 году. Это стало началом партнерства длиной в жизнь, в котором смешивались «любовь и соперничество», как обозначила это Остро́м в посвящении к своей главной книге, вышедшей в 1990 году, — «Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности».

В её ранних работах подчеркивается роль общественного выбора в решениях, влияющих на производство общественных благ и услуг (например, исследования полицентризма полицейских функций в районах Сент-Луиса). Более поздние работы были сосредоточены на том, как люди взаимодействуют с экосистемами для поддержания долгосрочных и устойчивых ресурсов урожая. В своих исследованиях по управлению пастбищами в Африке и управлению оросительными системами в селениях Западного Непала Остро́м рассматривала, как общество разрабатывает различные институциональные механизмы

управления природными ресурсами и в некоторых случаях избегает коллапса экосистем, отмечала многофакторный характер взаимодействия человека и экосистемы и выступала против любых «панaceй» для отдельных социально-экологических проблем в системе.

Остро́м работала в комитете национальной городской политики США, возглавляла Общество совместного выбора и Американскую ассоциацию политических наук, а в последнее десятилетие XX столетия по заказу ООН занималась разработкой инновационной системы надзора за использованием лесных ресурсов Земли.

Вероятно, больше всего она известна развенчанием так называемой «трагедии общего пользования» — теории, предложенной биологом Гарретом Хардином в 1968 году. В одноименной статье, опубликованной в журнале *Science*, Хардин выдвинул положение о том, что, если бы каждый скотовод, пользующийся частью общего пастбища, принимал на индивидуальном уровне рациональное экономическое решение об увеличении поголовья скота, которое он пасет на данной земле, коллективный результат привел бы к истощению или уничтожению ресурсов общего пользования. Другими словами, множество индивидуумов, действующих независимо и рационально в собственных интересах, в конечном итоге истощат общий ограниченный ресурс, даже если очевидно, что это не отвечает долгосрочным интересам ни одного из них. Элино́р Остро́м установила, что общими ресурсами — лесными угодьями, рыбными хозяйствами, пастбищами и водой, используемой для ирригации, — могут успешнее управлять те люди, которые их используют, а не государственные органы или частные компании.

В 1965 году Остро́мы переехали в город Блумингтон, штат Индиана, где Винсент занял должность профессора в Университете Индианы, а Элино́р начала обучать работников американского правительства, в конечном итоге получив преподавательскую должность, предшествующую заключению бессрочного контракта. Несколькими годами позже они организовали цикл коллоквиумов, на которых собирались научные работники для обсуждения тем, представляющих взаимный интерес, особенно относящихся к управлению ресурсами.

Этот неформальный «коллоквиум по понедельникам» перерос в Мастерскую политической теории и анализа политики, ставшую процветающим научно-исследовательским центром, который привлекает ученых всего мира в области политологии, экономики, антропологии, экологии, социологии, права и других областей.

В 2010 году Элино́р Остро́м попала в список журнала *Utne Reader* «25 фантазеров, которые меняют мир», а в 2012 году, в последний год ее жизни, журнал *Time* включил ее в список «100 самых влиятельных людей в мире».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдувалиева К. У.

Некоторые проблемы правового регулирования естественных монополий в России69

Анпилогов С. Е.

Насущность исследования проблемных аспектов института судебного представительства по гражданским делам71

Баштавой Р. А.

Естественное и позитивное право как единое целое современной юриспруденции73

Бодаровская Д. В.

Особенности процесса виктимизации женщин... 76

Воронюк О. И., Ушакова Е. В.

Административная ответственность. Цель и основания применения административных наказаний79

Горожанова О. А.

Общество с ограниченной ответственностью как приоритетная организационно-правовая форма для управляющей организации. Корпоративный договор82

Жеребова А. С.

Законная сила судебного решения85

Занина Д. Н.

Апелляционный пересмотр принятых решений в арбитражном судопроизводстве и проблемы представительства86

Зобина Н. А.

Необеспечение права лиц, участвующих в деле и не владеющих языком, на котором ведется административное судопроизводство, пользоваться услугами переводчика как основание к безусловной отмене решения суда первой инстанции89

Иванихин А. А., Сухорукова А. А.

Проблемы современной системы обязательного медицинского страхования в России и пути ее совершенствования.....90

Кузнецов П. Н.

Изменение разграничения компетенции органов прокуратуры Российской Федерации в сфере оборонно-промышленного комплекса как способ повышения эффективности надзорной деятельности.....92

Кузнецов П. Н.

К вопросу об определении места Главной военной прокуратуры в структуре Генеральной прокуратуры Российской Федерации93

Курочкин С. И.

Сравнительно-правовая характеристика института ОСАГО в Российской Федерации и в Республике Беларусь.....95

Лобанов Н. В.

Эффективность конфискации в российском уголовном праве: о постановке проблемы99

Лукин Д. А.

Роль адвоката при пересмотре гражданских дел в суде апелляционной инстанции 102

Лукин Д. А.

Роль адвоката при пересмотре гражданских дел в суде кассационной инстанции 104

Михайлова А. А.

Судебная система Великобритании..... 105

Нещиров В. А.

Сравнительный анализ состояния нормирования в области охраны окружающей среды в Российской Федерации и ряде зарубежных государств 107

Нурмагамбетов Т. М.

Юридическая ответственность за разглашение государственной тайны по законодательству Российской Федерации 109

Потапенко Е. Г., Муханова Д. Г.

Доказывание отрицательных фактов по делам об установлении фактов владения, пользования и распоряжения недвижимым имуществом в арбитражном суде 111

Рыбко Е. С. Проблемы извещения должника о возбуждении исполнительного производства посредством портала «Госуслуги».....	113
Рынке Е. Е. Диффамация в интернет-пространстве	116
Трямкина Н. В. Теоретические аспекты абсолютных и относительных прав как классификации субъективных прав.....	117
Трямкина Н. В. Абсолютные права в Конституции Российской Федерации и зарубежном законодательстве ..	119
Хмель А. Н. Субъекты, к которым применяется дисквалификация как административное наказание, их особенности.....	120
Цыганков А. В. Процессуальные особенности рассмотрения трудовых споров с участием иностранных работников	123
Цыганков А. В. О некоторых аспектах рассмотрения судами дел об обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях за незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина	125
Шалимова А. А. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение действий сексуального характера в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет	129
Шарапов С. А. К вопросу о реализации права на защиту на стадии исполнения приговора	131
Экономюк В. С. Типичные следы и причинно-следственные связи как структурные элементы криминалистической характеристики телефонного мошенничества, осуществляемого с территории учреждений уголовно-исполнительной системы	133

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Некоторые проблемы правового регулирования естественных монополий в России

Абдувалиева Камилла Улугмирзаевна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В статье автор предлагает рассмотреть некоторые аспекты правового регулирования естественных монополий, при этом определяя ключевые признаки, позволяющие относить хозяйствующих субъектов к субъектам естественных монополий. Также выявляется ряд проблем существующего на данном этапе правового регулирования естественных монополий, в связи с чем рассматривается вопрос о необходимости и целесообразности реформирования законодательства о естественных монополиях в России. В этой связи проводится анализ предлагаемых изменений как на легальном, так и на доктринальном уровнях.

Ключевые слова: естественная монополия, рынок, хозяйствующие субъекты, субъекты естественных монополий, Закон о естественных монополиях, реформирование правового регулирования деятельности естественных монополий.

На современном этапе развития подавляющая часть государств избрала рыночные отношения в качестве модели функционирования и совершенствования экономики. Как известно, одним из ключевых признаков рыночной экономики является наличие конкуренции, выражающейся в некоем экономическом соперничестве хозяйствующих субъектов «за ограниченный объем платежеспособного спроса потребителей, ведущуюся на доступных им сегментах рынка» [9]. Тем не менее, для ряда подобных рынков существование на основе конкуренции представляется либо экономически нецелесообразным, либо вовсе невозможным. Такое явление вступает в противоречие с традиционной рыночной моделью, а также приводит к монополизации рынка и появлению так называемых «естественных монополий».

В научном сообществе нередкой является точка зрения, что монополизация рынка распространяет негативное влияние не только на экономику, но и на другие сферы общественной жизни в силу их тесной взаимозависимости, поскольку снижается степень экономической эффективности и общественного благосостояния [8]. Как следствие, одной из приоритетных задач государств в сфере экономики становится регулирование деятельности естественных монополий, в том числе на нормативно-правовом уровне. По пути становления и развития такого регулирования идет и Российская Федерация (далее — «Россия»).

Прежде всего, для выявления особенностей правового регулирования естественных монополий в России необходимо обратиться к нормативно-правовому акту, обладающему высшей

юридической силой — Конституции Российской Федерации (далее — «Конституция РФ»), которая содержит в себе основополагающие положения, на которых и строится и все последующее правовое регулирование деятельности естественных монополий. Так, согласно части 1 статьи 8 Конституции РФ в качестве одной из экономических основ конституционного строя выделяется гарантирование поддержки конкуренции, в то же время часть 2 статьи 34 Конституции РФ провозглашает недопущение осуществления экономической деятельности, направленной на «монополизацию и недобросовестную конкуренцию» [1]. В совокупности данные конституционные положения определяют государственную политику по защите конкуренции. Тем не менее, все же нельзя отрицать факт наличия естественных монополий в некоторых отраслях современной российской экономики.

Легальное определение понятия «естественная монополия» содержится в Федеральном законе от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» (далее — «Закон о естественных монополиях»). В соответствии со статьей 3 данного закона естественная монополия есть «состояние товарного рынка, при котором удовлетворение спроса на этом рынке эффективнее в отсутствие конкуренции в силу технологических особенностей производства (в связи с существенным понижением издержек производства на единицу товара по мере увеличения объема производства), а товары, производимые субъектами естественной монополии, не могут быть заменены в потреблении другими товарами, в связи с чем спрос на данном товарном рынке на товары, производимые субъектами естественных мо-

нополий, в меньшей степени зависит от изменения цены на этот товар, чем спрос на другие виды товаров» [2]. На основании данного определения можно сделать вывод, что зачастую сама специфика некоторых отраслей экономики способствует возникновению и дальнейшей деятельности естественных монополий.

На данном этапе российское законодательство пошло по пути легального закрепления тех сфер экономики, где осуществляют свою деятельность субъекты естественных монополий. К числу таковых статья 4 вышеуказанного закона относит услуги по передаче электрической и тепловой энергии, транспортировку газа, нефти и нефтепродуктов по трубопроводам, железнодорожные перевозки и т.д., причем перечень указанных сфер деятельности является закрытым. При буквальном толковании данной нормы закона можно сделать вывод, что при условии, что хозяйствующий субъект отвечает всем признакам естественных монополий, перечисленным в легальном определении данного понятия, главным критерием определения принадлежности хозяйствующих субъектов к субъектам естественных монополий является сфера их деятельности.

Например, по одному из дел Федеральный арбитражный суд Поволжского округа принял решение лишь на основании вывода о том, что ответчик не относится к субъектам естественных монополий, поскольку его деятельность — предоставление услуг по подаче воды для нужд орошения, не входит в перечень установленных Законом о естественных монополиях сфер деятельности субъектов естественных монополий [6].

Такая позиция подтверждается рядом актов федеральных органов исполнительной власти. Так, в письме Федеральной антимонопольной службы от 6 июля 2018 г. № АЦ/51469/18 указывается, что необходимо соблюсти два ключевых критерия, и это будет достаточным для отнесения того или иного хозяйствующего субъекта к субъектам естественных монополий:

1. «Наличие у хозяйствующего субъекта во владении на праве собственности или ином законном основании объектов имущества, используемого для осуществления регулируемой деятельности и в сферах, указанных в статье 4 Закона о естественных монополиях;

2. Наличие факта осуществления регулируемой деятельности в сферах, указанных в статье 4 Закона о естественных монополиях» [3].

В научном сообществе такая модель определения принадлежности к субъектам естественных монополий нередко подвергается критике. С одной стороны, установление законодателем исчерпывающим образом сфер деятельности субъектов естественных монополий позволяет ограничить чрезмерное вмешательство государства в рыночную экономику, которая основана на идеях свободы при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности, что корреспондирует и с положениями Конституции РФ о наличии у каждого права свободно использовать имеющиеся способности и имущество в этих целях.

С другой стороны, четкое установление государством сфер деятельности субъектов естественных монополий влечет необоснованное регулирование некоторых рынков, которые выходят на конкурентный уровень. Нельзя отрицать тот факт, что по мере развития общественных отношений, научно-тех-

нического прогресса положение хозяйствующего субъекта как субъекта естественных монополий становится все менее и менее устойчивым, а отдельные ранее монополизированные рынки постепенно утрачивают свой естественно-монопольный статус. Подтверждение данного тезиса можно найти при анализе изменений в сфере железнодорожных перевозок. Зачастую в качестве яркого примера субъекта естественных монополий приводится ОАО «Российские Железные Дороги» (далее — «ОАО »РЖД«). Действительно, на протяжении продолжительного количества времени ОАО »РЖД« относилось к субъекту естественных монополий, что не раз подтверждалось судебной практикой. В частности, в Постановлении Пленума ВАС РФ от 06 октября 2005 г. № 30 указывается, что ОАО »РЖД« относится к субъектам естественных монополий на транспорте [5]. Такой статус данной организации обосновывался спецификой железнодорожного бизнеса, поскольку создание соответствующей инфраструктуры является достаточно трудоемким процессом во всех его аспектах, а для новой компании вход на такой рынок может быть экономически крайне неэффективным. Тем не менее, на сегодняшний день в реестр субъектов естественных монополий помимо ОАО »РЖД« включено немало иных компаний, которые осуществляют свою деятельность в сфере железнодорожных перевозок, например, ООО »Аэроэкспресс«, ООО »Южная пригородная пассажирская компания» и прочие. Данный факт наталкивает на вывод о появлении и постепенном становлении конкурентного рынка в сфере железнодорожных перевозок, отсюда теряет свою смысл один из ключевых признаков естественной монополии — отсутствие товаров-заместителей. Аналогичных примеров в других сферах экономической деятельности субъектов естественных монополий немало.

Отсюда видится, что ряд положений Закона о естественных монополиях не отвечает современным реалиям. Во избежание необоснованного причисления тех или иных хозяйствующих субъектов к числу субъектов естественных монополий и, как следствие, наложения на их деятельность существенных ограничений, дополнительного государственного регулирования, предлагается реформировать данную систему и внести изменения в соответствующие нормативно-правовые акты.

Так, некоторые исследователи высказывают предложения по разделению внутри не раз упоминаемой ранее статьи 4 Закона о естественных монополиях сфер деятельности субъектов естественных монополий на несколько категорий, то есть на те, где:

— «государственное регулирование вводится в момент установления факта осуществления деятельности в данной сфере;

— отнесение хозяйствующего субъекта и введение в отношении него государственного регулирования будет происходить только по результатам анализа рынка (анализа состояния конкуренции)» [7].

Отсюда видно, что данное деление основано на принадлежности той или иной сферы деятельности субъектов естественных монополий к той, где создание конкурентного рынка либо не представляется возможным, либо имеются все предпосылки для его возникновения.

Также в научном сообществе имеется точка зрения, что необходимо изменить сам подход к понятию «естественная мо-

нополия», а именно дать новое определение с учетом изменившихся условий существования естественных монополий, а именно в научной литературе предлагается исключить из числа признаков естественных монополий такую черту как отсутствие на рынке товаров-заменителей, поскольку, как не раз уже отмечалось выше и подтверждалось примером, ряд сфер деятельности субъектов естественных монополий теряет свой естественно-монопольный статус.

Необходимость реформирования правового регулирования деятельности естественных монополий подтверждается не только в доктрине. Так, направления такого реформирования содержатся в 6 разделе Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года. Среди основных положений одним из наиболее значимых является введение в антимонопольное за-

конодательство нового понятия «естественная монополия», базирующееся на связи с использованием сетевых активов, а также сокращение «сфер деятельности естественных монополий только сферами деятельности хозяйствующих субъектов, обладающих сетевыми активами» [4]. Однако пока остается неясным, что подразумевают под собой «сетевые активы», отсутствие толкования вводимого понятия обосновывается тем, что он является новым для текущего российского законодательства.

При этом сама идея реформирования правового регулирования естественных монополий уже позволяет надеяться, что потенциальные изменения позволят укрепить дальнейшее развитие конкуренции, реализовать конституционное право каждого на свободу осуществления экономической деятельности, а также определить разумные рамки для последующего регулирования деятельности естественных монополий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) «О естественных монополиях» // СПС «Консультант Плюс».
3. Письмо Федеральной антимонопольной службы от 6 июля 2018 г. № АЦ/51469/18 Об отнесении организации к субъектам естественной монополии в случае отсутствия указанной организации в реестре субъектов естественных монополий // СПС «Консультант Плюс».
4. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. протоколом Президиума ФАС России от 03 июля 2019 г. № 6) // СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 06 октября 2005 г. № 30 (ред. от 01 июля 2010 г.) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 9 декабря 2008 г. по делу № А12-4263/08 // СПС «Гарант».
7. Волов И. П. Некоторые проблемы нормативно-правового регулирования естественных монополий в Российской Федерации // Юридическая наука. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-normativno-pravovogo-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy-v-rossiyskoy-federatsii>.
8. Оспанова А. З. Теоретические аспекты государственного регулирования естественных монополий // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2004. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-gosudarstvennogo-regulirovaniya-estestvennyh-monopoliy>.
9. Юданов А. Ю. Конкуренция: теория и практика. М., 1996. С. 37.

Насущность исследования проблемных аспектов института судебного представительства по гражданским делам

Анпилогов Сергей Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Бурмистрова Светлана Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

Насущность исследования проблемных аспектов института судебного представительства по гражданским делам определяется большой значимостью гражданского процесса для каждого из нас, поскольку, так или иначе, затрагивается конституционное право на доступ к судебной защите и на получение квалифицированной юридической помощи (ст. ст. 46,

48 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) [1].

Право на судебную защиту является личным неотчуждаемым правом каждого человека как по смыслу Конституции РФ, так и в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права. Реализации этого права в значи-

тельной степени служит институт судебного представительства, который позволяет, с одной стороны, получить квалифицированную юридическую помощь, а с другой — реализовать те права участника судебного процесса, которые по какой-либо причине затруднительно реализовать лично.

Стремительное развитие законодательства приводит к тому, что разобраться в огромном массиве нормативно-правовых актов может только лицо, обладающее соответствующими знаниями и умениями. Указанные функции может выполнить именно представитель — лицо, имеющее непосредственные навыки и опыт в данной области. Участие представителя в процессе повышает эффективность юридической помощи по охране прав лица или защите уже нарушенных прав.

Также проблемы института судебного представительства всегда актуальны потому, что в условиях появления новых потребностей в обществе появляются новые сложные категории дел, которые требуют при рассмотрении и разрешении определенной квалификации (например, с участием граждан, в хозяйственных обществах и товариществах и т.д.).

Задача законодателя состоит в том, чтобы предусмотреть такое регулирование вопросов представительства, которое учитывало бы особенности различных категорий судебных дел, а также отдельных категорий граждан.

Вместе с тем, институт представительства в процессуальном праве России претерпевает изменения с учетом увеличения оказывающих юридические услуги лиц, при этом до настоящего времени не выработан единый нормативный подход к видам представительства и требованиям к представителям.

Следует отметить, что нет четкой позиции о месте представителя среди других участников судебного процесса, а также нет единого мнения касательно вопроса процессуальных полномочий.

Анализ норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее — ГПК РФ), других нормативных правовых актов, регулирующих рассматриваемые правовые отношения, и правоприменительной практики свидетельствует о том, что имеются резервы по совершенствованию законодательства в этой сфере, ликвидации некоторых правовых пробелов. Также, в юридической теории наблюдаются различные подходы к различным аспектам изучаемого правового явления.

Устранение пробелов в процессуальном законодательстве по вопросам судебного представительства позволит повысить

доверие общества к указанному институту, что отразится и на желании обращаться за квалифицированной юридической помощью.

По указанным обстоятельствам системное исследование проблем института представительства в гражданском процессуальном праве представляется актуальным и назревшим.

Отметим, что различным аспектам процессуального представительства в науке гражданского процессуального права посвящались многочисленные исследования, в том числе, фундаментального характера.

Анализ развития этого процессуального института, научных трудов, позволяет констатировать, что изучение обозначенного правового явления было и остается актуальным и представляющим интерес для исследования в различные временные периоды нашего государства, в том числе, в современный реформаторский период.

Наблюдается научный интерес к этой проблематике и в самые последние годы, о чем свидетельствует значительное число научных работ на эту тему, раскрывающие различные аспекты указанного института, за 2020–2022 годы.

Таким образом, вопросы процессуального представительства по гражданским делам весьма обстоятельно раскрыты в изученной научной литературе, в том числе, имеет место ряд научных трудов по этой проблематике, опубликованных в самое последнее время.

Прежде всего, следует выделить авторов, научные изыскания которых послужили теоретической основой для написания данной выпускной квалификационной работы, а именно, таких как Н. В. Алексеева, А. В. Аргунов, А. А. Арифалин, Р. А. Ахмеров, М. В. Богомолов, О. И. Вилияк, М. А. Гурвич, А. Ф. Клейнман, Я. А., Колесникова, В. В. Королева, В. М. Кузьмина, А. Г. Кучерова, А. Я. Неверов, С. В. Никитина, А. М. Сулимова, М. К. Треушников, С. А. Халатов, С. Ю. Чаусов, М. С. Шакарян, Г. В. Шевченко, В. М. Шерстюк. Также использовались труды некоторых других ученых.

Неоспоримо, что научные работы указанных авторов вносят серьезный вклад в раскрытие теоретических аспектов и совершенствование правового регулирования обозначенного процессуального института.

Однако наличие проблемных вопросов в этой сфере диктует необходимость проведения новых научных исследований.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532;
3. Неверов А. Я., Колесникова Я. А. Представительство в гражданском процессе: актуальные проблемы и пути решения // Аспирант. 2021. № 1. С. 192. 2 Шевченко Г. В., Чаусов С. Ю., Сулимова А. М. Судебное представительство: актуальные вопросы профессионализации института // Современные перспективные исследования: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск: Новая наука, 2020. С. 83;
4. Гражданский процесс: хрестоматия / под ред. М. К. Треушникова. М.: Городец, 2005. С. 327. 2 Там же. С. 333. 3 Халатов С. А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М.: НОРМА, 2020. С. 47;
5. Вилияк О. И. О конституционализации юридического образования // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 8. С. 16.;

6. Кучерова А. Г. Проблемы представительства в гражданском процессе // Академическая публицистика. 2022. № 2–1. С. 138;
7. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. 2-е испр. и доп. изд. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1874–1879. С. 208.
8. Шакарян М. С. Представительство в суде // Советское гражданское процессуальное право / под ред. М. А. Гурвича. М.: Высшая школа, 1964. С. 120.
9. Шерстюк В. М. Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства: сборник статей. М.: Статут, 2015. С. 23;
10. Богомолов М. В. Институт судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук.: Саратов, 2014. С. 3;
11. Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1940. С. 103.
12. Ивакин В. Н. Представительство в советском гражданском процессе. Вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 14.
13. Кузьмина В. М. Правовая природа институтов правозаступничества и судебного представительства в историческом измерении // История государства и права. 2013. № 12. С. 54.
14. Королева В. В. Судебное представительство в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск: Наука, 2018. С. 108.
15. Алешина А. А. Проблемы представительства // Периодика. 2021. № 6. С. 7.
16. Гриценко Д. В. Проблемы определения понятия судебного представительства в гражданском процессе // Эпомен. 2021. № 55. С. 125;
17. Арбитражный процесс / Н. В. Алексеева, А. В. Аргунов, А. А. Арифюлин и др.; под ред. С. В. Никитина. М.: РГУП, 2017. С. 143.

Естественное и позитивное право как единое целое современной юриспруденции

Баштавой Рэм Александрович, студент

Филиал Российского государственного гуманитарного университета в г. Домодедово

В основе современных интегративных тенденций лежит представление о праве как исключительно сложном и многоаспектном социальном явлении. Дискуссии и споры о том, какая концепция права, естественная или позитивная главенствует, какая приоритетнее и важнее, не может быть объективной, так как естественное право и позитивное право идут рука об руку друг с другом, и направлены на регулирование общественных отношений и самой жизни социума в целом, и человека в частности.

Вопрос о соотношении естественного и позитивного права всегда был центральным в доктрине естественного права. Исходя из соотношений естественного и положительного права, делается упор на то, что «положительное право некорректно противопоставлять естественному праву, так как и оно может содержать морально верные нормы» [1, с. 78]. Говоря о роли естественного права, говорится о том, что «ценность, лежащая в основе естественного права, есть достойная, внутренне самостоятельная и внешне свободная жизнь всего множества индивидуальных духов, составляющих человечество» [2, с. 53]. При разговоре о взаимодействии рассматриваемых категорий нельзя не брать в расчет тот факт, что естественное право несет в себе, по большей части, теоретические аспекты права, реализация которых возможна лишь посредством ее практической части, а именно позитивного права. И, напротив, ставить во главу угла позитивное право так же некорректно, по причине

того, что позитивное право не ставит перед собой цель определения конечной цели, да и построения самой траектории, стремящейся к этой цели, что делает естественное право. Оно лишь множество точек, составляющих эту траекторию.

То есть, можно прийти к выводу о неизбежном сочетании потенциалов естественного и положительного права, поскольку положительное право «по самой природе своей сохраняет в себе основное ядро естественного права, для служения которому оно призвано в жизнь» [2, с. 59]. Основная задача положительного права состоит в том, чтобы «принять в себя содержание естественного права» [2, с. 202]. Стоит сделать небольшую, но весьма важную ремарку, касательно этого суждения. Заключается она в том, что принять в источниках позитивного права содержание естественного права, недостаточно. Эти права должны работать, а не быть «мертвыми» или иметь некое «примечание», которое нейтрализует/снижает уровень значимости естественного права. В качестве примера, который показывает, что позитивное право пусть и сохраняет в себе ядро естественного права, но не работает по тем требованиям, какие в естественном праве в себе заложены, считаю правильным рассмотреть ст. 126 «Похищение человека», Уголовного кодекса РФ. В данной статье имеется примечание, которое, на мой взгляд, необходимо исключить. Оно звучит следующим образом: «Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности,

если в его действиях не содержится иного состава преступления» [3].

Речь идет о таком естественном праве как свобода личности. То есть, если человек похитив другого человека, лишив его тем самым естественного права на свободу, одумается и вернет его, что называется в целостности и сохранности, не должен понести уголовного наказания? Естественное право в данном случае должно преобладать, а не принижаться, и санкция за преступление должна быть в том или ином виде.

Чем больше положительное право обогащается ценностями естественного права, тем более эффективно и целенаправленно оно обслуживает жизненно важные интересы и потребности членов общества.

Идеи и принципы естественного права, адресованные правам и свободам человека, обретают практический смысл, только будучи воспринятыми нормами позитивного права. Усиленное ценностями естественного права позитивное право в процессе осуществления своих функций становится более притягательным для членов общества, стремящихся посредством правомерного поведения добиваться реализации соответствующих прав и свобод.

«Позитивистское понимание имело множество недостатков, включая предоставление о праве как инструменте государства». [4, с. 10] В таком качестве право отграничивается от ценностей естественного права, пренебрегает интересами и потребностями членов общества. На этом фоне объективно укрепляются позиции доктрины естественного права, отстаивающей права, свободы, честь и достоинства человека.

В настоящее время, начиная с середины XX века, наблюдается тенденция сближения естественного и позитивного права. Речь идет не о слиянии, а выравнивании потенциалов так, чтобы ценности естественного права существенно повышали качество действующего законодательства, приближали его к потребностям членов гражданского общества. «Естественное право, как и мораль, регулирует поведение изнутри, то есть его требования исполняются добровольно, без принуждения, а положительное право основывается на внешних по отношению к человеку предписаниях» [5, с.120].

Естественное право не отчуждаемо от человека и независимо от усмотрения государственных органов, оно как социальное явление, опосредованное природой человека, включает в себя необходимые для полноценной жизни людей свободы и сформированные человеческим сообществом права.

Можно ли, и правильно ли синтезировать естественное и позитивное право? Вопрос, на который дать ответ, без его анализа не представляется возможным. Беря за основу, тот факт что теория и практика идут, скажем так, по дорожкам, пролегающим весьма близко друг к другу и то, что они зачастую пересекаются, можно сделать вывод, что да их синтез вполне возможен. В данном случае, каждая из этих концепций несет в себе некий принцип сдержек и противовесов, не дающий впасть в крайность, уйти за пределы права к беззаконию и произволу.

Естественное и позитивное право — особые, специфические, автономные явления. Естественное право — явление более емкое, многогранное, исходящее исключительно из жизненных притязаний человека, поэтому его нельзя объединять

с потенциалом позитивного права, обслуживающего, в первую очередь, интересы государства, представителей привилегированных структур общества. Естественное право при наличии благоприятных условий может лишь трансформировать свои ценности в потенциал позитивного права. Высшей формой такой трансформации выступает внедрение правовых законов в систему права. Позитивное право может либо приближаться, либо отдаляться от ценностей естественного права. Для самого позитивного права, развивающегося в условиях гражданского общества и правового государства, важно то, что над ним постоянно довлеет естественное право, избирательно направляющее свои ценностные импульсы в правовую действительность. Естественное право остается неисчерпаемым колодезем, аккумулятором для обновления и совершенствования позитивного права.

«Только естественное право всегда помнит о возвышенных целях человеческого существования. Позитивное же право преимущественно инструментально и поэтому, в силу своей приземленности склонно забывать об этих целях» [6, с. 86]. Анализируя данное мнение, учитывая, сущность позитивного права и кто является его творцом, полагаю необходимо внести коррективы. Само позитивное право не склонно, что-либо забывать, склонны забывать его творцы, а порой, наоборот, очень хорошо помнить, и не включать ту или иную необходимую норму в источники позитивного права, в силу того, что для государства, а скорее для ее правящей элиты, это «неудобно».

Обогащение позитивного права ценностями естественного права придает большую силу законам и юридическим нормам, формирует более уважительное к ним отношение со стороны членов общества. Естественное право, не обладая нормативностью, может стать частью жизнедеятельности общества только на базе существующего позитивного права — конкретного регулятора общественных отношений. По своей природе естественное право не осуществляет функции, присущие позитивному праву, не выступает регулятором общественных отношений, не является критерием оценки правового поведения субъекта права. Оно выражает требования и идеалы, основанные на естественных условиях жизнедеятельности людей, выступает в качестве ценностного плацдарма для такого качественного преобразования позитивного права, при котором человек его права и свободы становятся реальной социальной ценностью. Естественное право в своем ценностном выражении — особое, специфическое, первичное и обособленное от системы позитивного права, явление. В то же время оно «по самой своей природе мыслимо только как нечто такое, что «стремится» и «должно» по конечным своим потенциям стать также и позитивным правом». [7, с. 427] В своем практическом предназначении естественное право призвано накладываться на соответствующие стороны позитивного права.

В процессе развития гражданского общества и становления правового государства постепенно утрачивается острота дискуссии о том, что естественное право и юридический позитивизм диаметрально противоположны друг другу, а поэтому практически несовместимы. В современных условиях становится более ясным, что действующее законодательство необходимо «насыщать» ценностями естественного права и тем самым

повышать эффективность обеспечения прав и свобод человека и гражданина. На практике это означает, что государство как творец юридического позитивизма становится все более открытым для восприятия ценностей естественного права и инициирования правовых законов. «Естественное право — это »не действующий, а потому принудительный, закон, а система юридических норм, вытекающих из человеческого разума, которая должна служить мерилем и руководством для положительного законодательства» [8, с. 94]. В гражданском обществе естественное право призвано служить эффективным способом проверки на прочность действующих законов и норм позитивного права.

Таким образом, вне соотношения с потенциалом позитивного права естественное право не может изменять жизнедеятельность членов гражданского общества в лучшую сторону. Только контактируя с позитивным правом, естественное право вносит свежую струю в потенциал действующих законов и юридических норм, придает им ценностно-уважительный характер.

Право в виде системы установленных государством законов и право по природе образуют цельное понимание права как непреходящей социальной ценности, мощного средства воздействия на сознание, мышление, поведение членов общества.

В условиях развития гражданского общества противостояние естественного и позитивного права подменяется совместным приложением их потенциала к потребностям каждого человека. Трансформированный в потенциал позитивного права ценности свободы, равенства, справедливости, гуманизма, чести, достоинства, созвучные природе естественного права, получают должное признание членов общества.

Для наглядности, приведем несколько аналогий, с помощью которых проиллюстрируем необходимость и неотъемлемость взаимодействия позитивного и естественного права.

Если считать право в целом как человеческий организм, то естественное право смело можно назвать хребтом человеческого организма, поддерживающий целостность и устойчивость самого организма. Тогда позитивное право — это остальные кости, мышцы, нервы, суставы и сухожилия, ну и конечно сама оболочка, то есть кожа человека. Мышцы, помогают позвоночнику сохранять равновесие мощь и статность организма. За всю свою жизнь организм может испытывать множе-

ство различного рода болей, перегрузок, мышечных, костных и так далее, что в весьма существенно, влияет на здоровье позвоночника. Но все же говоря объективно, триггерные точки подобного рода решить в процессе жизни представляется возможным, хотя и с большими затратами. Но вот если возникают проблемы с позвоночником, то вот здесь начинаются огромные, зачастую непоправимые проблемы, перекосы в жизнедеятельности как отдельных мышц, нервов и суставов, так и организма в целом. Анализируя представленный пример, невольно напрашивается вывод, что взаимодействия естественного и позитивного права — это этакий биоценоз права, отделять которые друг от друга, как минимум, некорректно.

Подчеркивая важность и необходимость как естественного, так и позитивного права, и необходимости их совместного использования и применения можно привести еще одну аналогию. Право в любом социальном, правовом государстве является огромной квартирой. В связи с неработоспособностью законов, или же наличия «мертвых» законов, и в связи с этим расшатыванием, деградацией, и расщеплением социума правовому государству, требуется ремонт. Отождествим законотворчество неким мастером, производящим ремонт. Что необходимо для проведения ремонта? Конечно материал, который будет использоваться при ремонте, ну и инструменты, которыми будет производиться ремонт. Так вот материалом будет служить естественное право, так как оно основа всей постройки, без него невозможно что-либо построить. Инструментами, в свою очередь будут служить позитивное право. Только так, сочетая естественные и позитивные права, работая слаженно друг с другом можно возродить разваливающеся правовое государство.

Делая выводы, нужно сказать о том, что ни естественное право ни право позитивное не являют собой идеальную модель реализации и отражения права. Но только в сочетании друг с другом, при правильном сочетании недостатков одного и достоинств другого, которым в той или иной степени можно дополнить, возможно развитие продуктивно направленного инструмента укрепления авторитета государства и общества, причем одного в другом, которым является феномен права. Возможно, в этом самом сочетании, в нахождении золотой середины взаимодействия естественного и позитивного права и заключается этот самый феномен.

Литература:

1. Ильин И. А. Основы законовещения: общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. М., 1915–418с;
2. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10т. М., 1994. Т 4, — 234с.;
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N25, ст. 2954.
4. Козлихин И. Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3.-333с.;
5. Зырянов М. Ю. Развитие правосознания как одно из ключевых условий стабильности в российском обществе // Философия права 2008. № 4–122с;
6. Бачинин В. А. Антитеза естественного и позитивного права: философско-культурологический анализ // Общественные науки и современность 1999. № 6. с. 76–87;
7. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001, — 752с;
8. Чичерин Б. Н. Философия права. [соч.] Б. Чичерина. — М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. — 336 с;

Особенности процесса виктимизации женщин

Бодаровская Дарья Витальевна, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В данной статье излагается несколько из возможных объяснений динамики виктимизации женщин с использованием феминистской точки зрения. Исследуется взаимосвязь между сексизмом и насилием в современном обществе с использованием концепции жестокого обращения как расширения различий во власти между мужчинами и женщинами в целом.

Внимание уделяется истории и типам механизмов, используемых специалистами в области психического здоровья, в частности социальной работой, для отрицания частоты, интенсивности и последствий насилия для женщин.

Общий обзор современной литературы представляет новую информацию для социального работника о частоте и этиологии женской виктимизации и о том, как эта новая информация может быть применена в клинической практике и разработке программ.

Ключевые слова: виктимизация, виктимологические факторы, процесс виктимизации, преступления, насилие в отношении женщин, вуайеризм, валидация, регрессия, уголовное правосудие, межличностное насилие, сексуальное насилие, избиения, преследование.

Насилие в отношении женщин является одним из факторов растущей волны тревоги по поводу насилия в обществе. Громкие дела, связанные с данным фактом, привлекают внимание к тысячам менее известных, но не менее трагических ситуаций, в которых жизни женщин разрушаются в результате избиений или сексуального насилия.

Понимание виктимизации имеет решающее значение для практики неотложной психиатрии.

Истории виктимизации тревожно распространены среди женщин, обращающихся в Центры поддержки жертв насилия, особенно среди частых пользователей услуг.

Последствия виктимизации носят как психологический, так и физический характер и часто наносят ущерб здоровью и функционированию во многих областях.

Посттравматическое стрессовое расстройство, БЛД и расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, часто наблюдаются у женщин с историей виктимизации, что может быть особенно сложным для поставщиков Центров поддержки жертв насилия.

Скрининг на наличие травмы при наличии ПЭС или в анамнезе не следует упускать из виду ни у одного человека, включая тяжелобольных, бездомных, инвалидов или пожилых женщин. Клиницисты Центров поддержки жертв насилия должны помнить, что нужно спрашивать о виктимизации и задавать вопросы в частном порядке в прямом и открытом формате, передавая эмпатическую валидацию.

Клиническая оценка женщин с историей виктимизации в Центрах поддержки жертв насилия должна проводиться в соответствии с принципами стандартной неотложной психиатрии и основываться на понимании травмы. Это включает в себя практическое знание динамики травмы, соблюдение разумных профессиональных границ и заботу о том, чтобы не подвергать пациентов повторной травме или не воспроизводить динамику преступник-жертва.

Следует избегать вуайеризма и регрессии, особенно при выяснении истории травм. Центр поддержки жертв насилия должен быть местом для скрининга и неотложного вмешательства, а не для проведения интенсивной травматологической терапии.

В Центрах поддержки жертв насилия основное внимание должно по-прежнему уделяться приоритетам сортировки

и лечения, безопасности и стабилизации, а также тщательной оценке на предмет употребления психоактивных веществ и психозов.

Базовые знания о когнитивно-поведенческих вмешательствах, обеспечивающих «стратегии выживания в кризисных ситуациях», такие как DBT, могут быть особенно полезны клиницистам с Центров поддержки жертв насилия.

Клиницистам также необходимо следить за проблемами контрпереноса и возможностью пренебрежительного отношения к этим женщинам со сложными, сопутствующими и хроническими проблемами и заболеваниями.

Роль использования психотропных препаратов в когортах с Центрами поддержки жертв насилия с историей виктимизации должна быть направлена на острые симптомы. Рекомендуется привлекать постоянных поставщиков этих решений для координации ухода и минимизации расщепления и рисков полипрагмазии.

Хотя СИОЗС эффективны в лечении симптомов расстройств, связанных с виктимизацией, пациентам необходимо напоминать о профиле побочных эффектов, особенно сексуальной дисфункции и синдромах отмены.

Средства правовой защиты в дополнение к усилиям по просвещению, профилактике и прямому вмешательству постепенно становятся реальностью в обществе, которое медленно признает насилие в отношении женщин.

Тем не менее насилие со стороны интимного партнера остается фактом жизни слишком многих женщин. Не все насильственные отношения перерастают в ситуацию убийства, но примерно 33% всех убитых женщин убиты их мужем или партнером.

Для сравнения, только 3% всех убитых мужчин были убиты интимным партнером. Кроме того, из всех случаев, идентифицированных как убийства со стороны интимного партнера, три из каждых четырех жертв были женщинами.

Поиск решений высветил не только то, что мы знаем о насилии в отношении женщин, но и то, чего мы не знаем. Как мы можем достичь наилучшего понимания этой проблемы и ее сложных последствий? Какие исследовательские усилия приносят наибольшую пользу? На какие вопросы необходимо ответить?

Понимание насилия в отношении женщин представляет собой всеобъемлющий обзор современных знаний и определяет четыре области с наибольшей потенциальной отдачей от инвестиций в исследования за счет улучшения понимания бытового насилия и изнасилований и реагирования на них:

- для чего предназначены вмешательства, кого они охватывают и как охватить многих жертв, которые не обращаются за помощью;
- факторы, которые подвергают людей риску насилия и провоцируют насилие, включая характеристики правонарушителей;
- масштабы бытового насилия и сексуальных посягательств в мире и их последствия для отдельных лиц, семей и общества, включая издержки.

Как структурировать изучение насилия в отношении женщин, чтобы получить больше полезных знаний.

Несмотря на освещение в новостях и ток-шоу, реальная фундаментальная природа насилия в отношении женщин остается неисследованной и часто неправильно понимаемой. Понимание насилия в отношении женщин дает направление для расширения знаний, которые могут помочь в решении этой национальной проблемы.

Учитывая множество ошибок в понимании виктимности, феминистские теоретики сформулировали необходимость взгляда на виктимизацию и жертв, который выходит за рамки дуалистического определения, встречающегося в доминирующих культурных дискурсах. Адекватная концепция виктимизации должна быть отделена от гендера и избегать упрощенных противопоставлений между жертвой/агентом, пассивным/активным, бессильным/могущественным, слабым/сильным и женским/мужским.

Термин «жертва» должен быть переосмыслен как «тот, который признает активность, а также пассивность, силу, а также уязвимость, сопротивление, а также диссоциацию» [5, с. 12].

Не менее важным является императив отделить пассивность и бессилие, обычно ассоциирующиеся со статусом жертвы, от женственности, а также от тел и сексуальности женщин. Переосмысление виктимизации вне дихотомий пассивный/активный, уязвимый/агентный, объект/субъект представляет собой сложную задачу.

Действительно, идея о том, что уязвимость является фундаментальным онтологическим условием, указывает именно на эту реальность. В той мере, в какой телесность делает нас доступными для других и действует как предварительное условие социальной конституции «я», автономия и свобода действий не так традиционно автономны; мы никогда не можем быть полностью самоопределяющимися, и, поскольку мы социальные, наши тела никогда не могут быть полностью нашими собственными. Более того, такие понятия, как индивидуальная автономия, свобода действий и целостность, могут выступать в качестве основных частей дискурсов, которые закрепляют неуязвимость как идеал и отрицают конститутивную взаимосвязь [3, с. 45].

Таким образом, существует противоречие между необходимостью критиковать стремление к самоконтролю, самоопределению и независимости (т.е. индивидуальной телесной авто-

номии), с одной стороны, и необходимостью сохранения этих ценностей как важнейших для реагирования на сексуальное насилие, с другой.

В то время как интуитивно понятно, что уязвимость амбивалентна, ее двусмысленность менее очевидна. Тем не менее, поскольку часть того, что определяет уязвимость как потенциальную, — это ее неопределенность, уязвимость также неоднозначна, а не просто амбивалентна. Его последствия, способы, которыми мы можем его испытать, и ценность, которой он может обладать, неопределены.

Однако, как амбивалентность уязвимости указывает на ее разнонаправленный потенциал, на то, как она может открыть нас как для заботы, так и для насилия, ее двусмысленность указывает на то, что мы не можем отделить эти различные измерения друг от друга.

Наше существование, по этой причине, является двусмысленно уязвимым, поскольку мы не можем отделить нашу материальность от нашей интеллектуальности, нашу историчность от нашей ориентации на будущее, нашу индивидуальность от нашей социальности, нашу способность к выбору от нашей невольной фактичности и так далее. Соответственно, двусмысленность — это не расплывчатость, а скорее нечеткость и смешение качеств и ценностей, которые обычно противопоставляются традиционной дуалистической структуре.

Двусмысленность уязвимости заключается в сосуществовании и переплетении пассивности и активности, силы и слабости, самоутверждения и восприимчивости, свободы воли и отсутствия контроля.

Редуктивное понимание уязвимости фрагментирует это фундаментальное условие, отделяя эти измерения человеческого опыта друг от друга. Осуществляемая через подчинение одного измерения человеческого опыта другому, проявляется в нашей неспособности принять двусмысленность, которая неизбежно характеризует наше существование. Этика предполагает признание и проживание в пространстве, где переплетаются эти два измерения, в то время как угнетение сводится к ограничению других фактичностью и материальностью и использованию других в качестве средств для собственных целей.

Привязка уязвимости, по определению, к женственности и специфике женского тела является одним из распространенных способов устранения ее двусмысленности. Только в контексте культурного воображения, в котором женщины рассматриваются как пассивные, слабые и нуждающиеся в защите, а мужчины — как активные, сильные и обеспечивающие защиту, изнасилование во время войны приводит не только к позору и изоляции жертвы, но и к социальной дезинтеграции ее сообщества.

Мужчин можно пристыдить за их неспособность быть защитниками, а женщин — за их неспособность быть носителями целостности и чести сообщества: Гендерное различие между теми, кто нуждается в защите, и теми, кто ее обеспечивает, создает мир, в котором женщины должны нести уязвимость человеческого состояния как бремя, чтобы мужчины могут представить, что они могут избежать уязвимости, связанной с тем, чтобы быть людьми.

Гендерная уязвимость таким образом лишает ее человеческого достоинства и позволяет эксплуатации уязвимости,

уже нормализованной в гендерных отношениях, стать эффективной тактикой военного времени [1, с. 56].

Уменьшение уязвимости к фиксированному женскому и женскому атрибуту фрагментирует то, что в опыте не может быть разделено, приписывая одну сторону дуалистической иерархии мужчинам, а другую — женщинам, в попытке устранить ее двусмысленность. Через ассоциацию с женственностью уязвимость подтверждается как пассивность, слабость, зависимость и восприимчивость к вреду, в то время как неуязвимость утверждается как область мужественности. Уязвимость становится эксплуатируемой слабостью, а не сложным, двусмысленным состоянием.

Таким образом, переосмысление уязвимости как двусмысленной позволяет нам более четко сформулировать, в чем заключается ошибка в использовании уязвимости. Вместо того, чтобы быть способом воспользоваться ранее существовавшим состоянием слабости, эксплуатация уязвимости сводится к присвоению и уменьшению пластического потенциала. Это включает в себя узурпацию двусмысленного означаемого потенциала тела, превращение тела другого человека в то, что он хочет, чтобы оно означало, и лишение этого человека телесной целостности.

В более общем плане, использовать уязвимость означает присвоить базовую способность влиять и быть затронутым для конкретной узкой цели.

Такое присвоение ограничивает переживание человеком уязвимости — то, что чувствует и передает его тело, — и устраняет его двусмысленность и пластичность, формируя не только то, что она испытывает, но и то, как другие воспринимают ее и реагируют на нее.

В этом заключается ошибка сексуальной виктимизации: эксплуатация уязвимости делает эту уязвимость основой для причинения вреда. Кроме того, эксплуатация, связанная с сексуальной виктимизацией, опирается на и, таким образом, поддерживает угнетающее гендерное разделение уязвимости и редуцированно-негативный взгляд на нее.

Таким образом, фундаментальная двусмысленность уязвимости стирается, чтобы представить уязвимость просто как возможность эксплуатации, восприимчивость к вреду и средство для деспотичного утверждения другого о неуязвимости.

Однако реальность такова, что опыт многих людей не подпадает под эти категории. Виктимизация со стороны знакомых и партнеров, сексуальные контакты, характер которых меняется в середине акта, а также секс по принуждению или под воздействием алкоголя представляют собой не серую зону, в которой неясно, было ли совершено что-то плохое, а скорее область неоднозначного опыта. Это вторичная виктимизация, когда жертве причиняется дополнительный вред не в результате прямого преступного деяния, а из-за того, как учреждения и другие лица обращаются с жертвой.

Вторичная виктимизация может быть вызвана, например, повторным контактом жертвы с преступником, повторным допросом об одних и тех же фактах, использованием неподобающих выражений или бесчувственных комментариев со стороны всех тех, кто вступает в контакт с жертвами

Подводя итог, следует отметить, что социальным работникам предлагаются: принять участие в изменении сексист-

ского порядка; уделять приоритетное внимание специализированным, доступным службам восстановления для женщин, подвергшихся жестокому обращению; выступать в защиту женщин на индивидуальной и системной основе; мотивировать женщин бороться за эти изменения самостоятельно; интегрировать свои знания о виктимизации в широкий спектр практических условий; и пересмотреть свои ценности в отношении вмешательства семьи и виктимизации.

Если уязвимость является особенно опасной концепцией для феминистской теории, то это происходит из-за пагубного гендерного подхода к этой концепции. Ассоциация уязвимости с женственностью, женским телом и женской сексуальностью пагубна по двум причинам: во-первых, потому что она включает в себя дифференцированное распределение общего состояния (уязвимости) и, во-вторых, из-за того, как преобладающие иерархии социального значения делают уязвимость слабостью и, следовательно, бременем. В этом контексте уязвимость вызывает тревогу: определение женского тела как изначально восприимчивого к вреду натурализует насилие, интерпретируя его как неизбежный результат мужской агрессии и женской жестокости. Это усиливает оппозиционные и гетеронормативные концепции гендера, сексуальности и желания.

Как повышение ценности неуязвимости, так и обесценивание уязвимости, чему способствует редуцированно-негативное понимание, влияют на то, как мы понимаем сексуальную виктимизацию и реагируем на нее. Это традиционное понимание подкрепляет доминирующие концепции виктимности, которые неадекватны опыту людей, лишают жертв полномочий, закрепляют проблематичные гендерные нормы и гендерное распределение вредной уязвимости, а также препятствуют признанию виктимизации тех, кто выходит за рамки нормы.

Таким образом, они делают возможной эксплуатацию уязвимости: присвоение, придание значения и уменьшение потенциала неоднозначной уязвимости другого человека.

Однако более всеобъемлющая, детализированная и не сводящая к минимуму концепция уязвимости позволяет переосмыслить виктимизацию таким образом, чтобы смягчить эти пагубные последствия.

Это понимание не должно раздражать феминисток, а скорее служить ценным концептуальным ресурсом.

Это обеспечивает основу, которая позволяет нам подвергать сомнению и оспаривать предполагаемую корреляцию между гендером и уязвимостью /неуязвимостью и понимать эксплуатацию уязвимости более сложным образом, а не представлять ее как естественную реакцию на ранее существовавшее состояние слабости.

Это призывает подвести итоги двусмысленности сексуальной уязвимости (вместо того, чтобы требовать четкой категоризации, которая противоречит сложности опыта) и признать сосуществование как силы, так и восприимчивости, восприимчивости и утверждения, свободы действий и ущемления.

Наконец, это требует внимания к тому, как понимание людьми виктимизации может меняться с течением времени. Хотя двусмысленность уязвимости также делает ее неприятной — трудной из-за своей сложности, вариативности и изменчивости, — этот способ испытывать досаду продуктивен.

Это может обогатить наши обсуждения опыта уязвимости, сексуальной виктимизации женщин и способов, которыми мы должны реагировать на них, уводя нас от простой, но в то же

время упрощенной концептуальной концепции, которая несправедлива по отношению к тем, чья уязвимость эксплуатируется.

Литература:

1. Алиев, Р.Х. Виктимологическая профилактика насильственных преступлений / Р.Х. Алиев // Общество и право.— 2018.— № 3.
2. Алиева, М.А., Гришанович Т.В., Лобанова Л.В., Травникова Н.Г., Трошихина Е.Г. Я сам строю свою жизнь. / под ред. Е.Г. Трошихиной.— Спб.: Речь, 2017.— 216 с.
3. Глухова, А. А. Виктимологические факторы преступности / А. А. Глухова //.— Н. Новгород, 2019.— 345с.
4. Морчев, И. А. Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений / И. А. Морчев // Российский следователь.— 2016.— № 11.
5. Орлов, В.В. Предупреждение преступности: преступник и жертва / В.В. Орлов // Адвокатская практика.— 2018.— № 6.
6. Побегайло, А. Э. О законодательной регламентации профилактики семейного неблагополучия как криминогенного фактора / А. Э. Побегайло// Законы России: опыт, анализ, практика.— 2016.— № 12.
7. Полубинский, В.И. Виктимология и профилактика правонарушений / В.И. Полубинский // — Омск, 2020.— 456с.

Административная ответственность.

Цель и основания применения административных наказаний

Воронюк Ольга Игоревна, студент магистратуры;
Ушакова Екатерина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье дается общая характеристика административной ответственности, раскрывается понятие административной ответственности, а также определяются признаки, функции, причины, цели и характеристики административной ответственности. Административная ответственность существует для предотвращения незаконных действий и поощрения юридических лиц к соблюдению закона. Ее неотъемлемой частью является нравственное воспитание личности с целью предотвращения его противоправного поведения.

Ключевые слова: правоотношения, отрасли права, административное право, административная ответственность, административное правонарушение, административное принуждение, административное наказание.

Административная ответственность является наиболее суровой мерой административно-правового принуждения. Кроме того, это наиболее сложная, объективная и стандартизированная группа административно-правовых отношений, образующая отдельный административно-правовой объект — административную ответственность.

В связи с непрерывным развитием общественных отношений и возрастающим интересом граждан необходимо всесторонне переосмыслить социальную роль, природу, признаки, причины возникновения и другие виды юридической ответственности понятия административной ответственности. Как основной свод административного права, стабильно защищающий права граждан и свободы, важность национальных связей с ответственностью была подтверждена стабильным и интенсивным развитием нормативно-правовой поддержки в последние годы, поскольку количество совершенных административных преступлений в настоящее время достигло почти 75%.

Ввиду частых изменений в нормативно-правовой базе действующее административное и деликтное законодательство не всегда выполняет возложенные на него функции. Таким об-

разом, социальная ценность административной ответственности заключается не только в профилактических и защитных функциях, но и в активном стимулировании правового поведения, полезного для общества.

Изучение административной ответственности должно быть тесно связано с концепцией общеправовой ответственности, поскольку это аналогичный вид ответственности. Поэтому, чтобы раскрыть административную ответственность Российской Федерации, мы рассмотрим основные характеристики общеправовой ответственности, которые одинаковы для всех ее разновидностей.

Юридическая ответственность — это многомерная категория. Сущность этого института можно определить как определенный метод правового контроля, реализуемый посредством реализации запретов, метод укрепления законности, важное средство воспитания законопослушных лиц, метод значительного повышения правосознания и правовой культуры, один из принципов верховенства права и важным средством защиты и восстановления нарушенных гражданских прав и свобод.

По мнению О. А. Кожевникова «административная ответственность выступает сложным социально-правовым феноменом современной юридической действительности, в котором воплощена острая насущная потребность общества и государства в эффективном противодействии административным правонарушениям, уровень которых с каждым годом не растёт» [1].

Рассматривая мнение А. С. Дугенец, следует обратить внимание на то, что «административная ответственность выражена как мера государственного принуждения, это основной инструмент в государственном управлении» [2, с. 36].

П. П. Серков, рассматривая административную ответственность «как категорию, предлагает формирование комплексной правовой реакции страны на формирование административной противоправности» [3, с. 52].

А. В. Руденко обращает внимание, что «законодатель, формируя свою нормотворческую деятельность, устанавливая административные наказания по определенным правонарушениям, обозначает уровень соотношения между ними, характер, степень общественной опасности по административному правонарушению, формируя разумные сдерживающие эффекты, чтобы соблюдать нормы административно-деликтного законодательства по запретам» [4, с. 35].

Административная ответственность представляет собой сложную категорию административного права, и существует много причин, требующих углубленного изучения.

Прежде всего, административная ответственность предусматривает назначение и приведение в исполнение административных взысканий, а также применение государственного принуждения в виде принудительных административных методов.

Во-вторых, определение норм процедур подотчетности и описание процедур административной ответственности являются неотъемлемой и важной частью административного законодательства, а административный процесс регулируется как особая форма производства.

В-третьих, административная ответственность предусматривает дифференцированное назначение наказания в зависимости от подсудности, а Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП Российской Федерации) содержит виды наказаний, которые ограничивают конституционные права и свободы граждан и могут назначаться только судьями.

Целью административной ответственности является достижение результата, то есть, когда к правонарушителю применяются меры административного принуждения в качестве меры административной ответственности, направляется административная юрисдикция. Эти цели выражают стремление предотвращать и пресекать преступность. Такой вывод можно сделать на основании ст. 3.1 КоАП Российской Федерации, которая также показывает, что моральное унижение человеческого достоинства, неуважение к физическому лицу, совершившему административное правонарушение, или причинение ему физической боли и страданий, а также ущерб деловой репутации юридического лица не может быть использовано в качестве цели административного наказания [5].

Основаниями административной ответственности выступает совокупность следующих факторов:

— «нормативное основание — наличие законов и норм, которые устанавливают административную ответственность за то или иное деяние, а также наличие состава административного правонарушения;

— фактическое основание — совершение конкретными лицами или лицом действий или бездействия, нарушающего административное законодательство, охраняемого и наказуемого административными санкциями;

— процессуальное основание — акт компетентного судьи, органа или должностного лица о назначении административного наказания конкретного лица за совершение административного правонарушения» [6, с. 47].

Следовательно, административная ответственность — это разновидность юридической ответственности, которая проявляется в применении административных взысканий к лицам, совершившим административные правонарушения.

В свою очередь, административное наказание является одним из правовых средств, непосредственно направленных на предупреждение административных преступлений, а также восстановление общественных отношений и наказание преступников. Поэтому можно сказать, что административные наказания являются одним из главных эффективных инструментов построения страны в условиях верховенства закона [7, с. 8].

Согласно части 1 статьи 3.1 КоАП Российской Федерации, «административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами» [5].

Административное наказание — это не что иное, как законное средство. Государство не только ограничивает отдельных лиц и граждан, но и ограничивает права и свободы юридических лиц. Исходя из этого, можно сделать вывод, что неправильное применение административных взысканий может привести к нарушениям верховенства закона, тем самым разрушая авторитет государства и государственную власть.

Административное наказание является превентивной мерой и считается юридической обязанностью по исправлению преступников и защите граждан и общественной безопасности от незаконных нарушений. Административные наказания в основном направлены на просвещение отдельных граждан и общества в целом, с тем чтобы преследовать позитивные намерения и цели.

Административные наказания оказывают серьезное влияние на участников правоотношений, поскольку применение взысканий влияет на правовой статус субъекта и каким-либо образом ограничивает его поведение. Таким образом, заинтересованные стороны понимают, что государство негативно относится к такого рода поведению, и выражают негативную оценку совершенного поведения.

Административные наказания существенно влияют на состояние правопорядка в стране, а также помогают предотвращать преступность.

В литературе выделяют следующие цели административного наказания:

— цель воспитания состоит в том, чтобы применение наказания повлекло за собой различные (моральные, материальные и физические) определенные негативные последствия для нарушителей. Однако правовые ограничения, составляющие содержание наказания, не являются целью административного наказания. Они используются только как средство воспитания людей в духе уважения к закону, а закон — это способ формирования законопослушных граждан. Воспитательная цель административного наказания доказывает истинный гуманизм демократических стран. В процессе борьбы с преступностью демократические страны исходят из задач личного нравственного воспитания [8, с. 52];

— цель частных предупреждений состоит в том, чтобы конкретно ориентироваться на людей, которые были подвергнуты административным наказаниям за преступления, что означает предотвращение их рецидива. Эта цель достигается путем применения административных санкций и имеет неблагоприятные последствия для преступников, от которых он пострадает. Похоже, что страх быть наказанным снова помешает человеку снова совершить преступление. Важно также отметить, что чувство страха усугубляется еще и тем фактом, что повторное совершение аналогичных преступлений может привести к более суровым административным наказаниям;

— целью общего предупреждения является предоставление информации о самом законе, который предусматривает возможность наложения наказаний за административные преступления. Санкции правовых норм удерживают неуравновешенных людей от совершения преступлений, а страх перед административными наказаниями удерживает их от совершения преступлений [8, с. 53].

Факторы, определяющие эффективность административных наказаний, можно разделить на четыре группы.

Набор факторов в правовых нормах, предусматривающих санкции за административные нарушения, включает в себя: отсутствие или существование лазеек в законе; определенность или неопределенность признаков нарушений; и полноту или безрезультатность надзора за охраняемыми общественными отношениями.

Совокупность факторов правоприменения. Закон ограничивает круг лиц, которые имеют право применять административные взыскания. В такой круг входят учреждения и должностные лица, уполномоченные законом, которые могут принять решение о привлечении преступников к ответственности [9, с. 50].

В набор факторов правонарушителя могут входить: возраст; род занятий; образование; трудовая дисциплина; семейное положение; жилищные условия; знание правовых норм; заработная плата; моральный облик; общественная деятельность; отношение к ее содержанию; общая культура и т.д.

Набор факторов, применимых к наказаниям, включает ситуацию, которая характеризует выбор нормы права, соответствующей конкретному преступлению, фактическое исполнение или неисполнение наложенных административных наказаний, а также осуществление или неисполнение превентивных мер, предусмотренных законом.

Законодателем определены четыре принципа (правила) наложения административного наказания: равенства перед законом; презумпции невиновности; законности; индивидуализации.

В правовой нормативной системе равенство всех людей перед законом имеет основополагающее значение. В конце концов, нормы регулируют и определяют всех людей, независимо от их статуса в обществе, пола, религии, места жительства, языка и т.д. Юридические лица, независимо от их формы собственности, подчиненности и других обстоятельств, обязаны нести перед законом одинаковую ответственность за деяния, подпадающие под действие КоАП Российской Федерации.

Презумпция невиновности — это принцип, который выражает главное, то есть до того, как будет установлено преступление лица, совершившего административное преступление, это лицо считается невиновным. В то же время ответственность за доказывание вины в административном правонарушении всегда будет нести должностное лицо, в компетенцию которого входит данное преступление [10, с. 71].

Законность. При применении административных наказаний этот принцип будет означать, что судьи или другие должностные лица могут налагать наказания на правонарушителей только в пределах своей юрисдикции. Законность административных наказаний — это всегда процесс обеспечения законности. В КоАП Российской Федерации четко прописана система административных наказаний, и сотрудники правоохранительных органов обязаны не иметь права игнорировать и нарушать их ни при каких обстоятельствах.

Индивидуализация относится к совокупности факторов, которые всегда учитываются при вынесении приговора, материальных условий физического и юридического лица, самого физического лица, степени опасности и тяжести совершенного им преступления, всех отягчающих или смягчающих административные преступления, имущественных и финансовых условий, а также обстоятельств, снижающих и усугубляющих вину юридического лица.

Следовательно, у исследователей существуют различные подходы к вопросу административного наказания, однако в российском законодательстве закреплено понятие «административное наказание», а не как ранее «административное взыскание», которое обозначает меру административной ответственности за совершение административного правонарушения.

Таким образом, административная ответственность обладает всеми признаками юридической ответственности, но у нее есть отличительные характеристики, которые могут отличать ее от других видов ответственности. Ведь этот вид административной ответственности применяется за большое количество преступлений в Российской Федерации. В то же время нормы административного и деликтного права также влияют на надзор за различными общественными отношениями, связанными с различными правовыми субъектами, такими как законы о бюджете, природных ресурсах, налогообложении, таможене, окружающей среде и административном надзоре. Вот почему характеристики административной ответственности многогранны и универсальны.

Литература:

1. Кожевников, О. А. Анализ отдельных аспектов концепции нового кодекса российской федерации об административных правонарушениях в части нормативного закрепления административной ответственности / О. А. Кожевников // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. URL: <https://clck.ru/TiwaY> (дата обращения: 28.08.2022).
2. Дугенец, А. С. Административная ответственность в российском праве / А. С. Дугенец: дис. ... д-ра юрид. наук.— М., 2016.— 133 с.
3. Серков, П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования / П. П. Серков: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук.— М., 2017.— 139 с.
4. Руденко А. В. Проблемы института административной ответственности на современном этапе в научных трудах профессора Н. Г. Салищевой / А. В. Руденко // Административное право и процесс.— 2017.— № 6.— С. 34–37.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Российская газета.— 2001.— № 654.
6. Административная ответственность: Учебное пособие.— Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2018.— 134 с.
7. Соколов, В. А. Ответственность, меры наказания и особенности производства по делам об административных правонарушениях по региональному законодательству Республики Крым / В. А. Соколов, А. И. Котляр // Военно-юридический журнал.— 2022.— № 6.— С. 6–10
8. Клычева, А. А. Административная ответственность / А. А. Клычева, О. В. Яценко // Наука XXI века: теория, практика, перспективы развития: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Кишинев, 09 марта 2022 года.— Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич), 2022.— С. 50–55.
9. Якимова, В. Н. Административное наказание: понятие, цели, и виды / В. Н. Якимова // Студенческий форум.— 2022.— № 19–5(198).— С. 49–51.
10. Шатохина, Е. А. Административное наказание: понятие, признаки и цели / Е. А. Шатохина // Правовые основы становления и укрепления Российской государственности: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 01 июня 2021 года.— Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2021.— С. 70–73.

Общество с ограниченной ответственностью как приоритетная организационно-правовая форма для управляющей организации. Корпоративный договор

Горожанова Ольга Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ефимцева Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Управление многоквартирным домом управляющей организацией — это один из способов такого управления, предусмотренного статьей 161 Жилищного кодекса Российской Федерации [1], наряду с непосредственным управлением собственниками помещений многоквартирного дома и управлением ТСЖ или ЖК. Также стоит отметить, что на настоящий момент данный способ является наиболее распространенным и используемым среди собственников помещений многоквартирного дома.

Проанализировав соответствующий рынок жилищно-коммунальных услуг г. Гая, расположенного на территории Оренбургской области, я пришла к однозначному выводу, что все управляющие организации осуществляют свою деятельность в форме общества с ограниченной ответственностью. На мой взгляд, сама сфера жилищно-коммунального хозяйства, которая характеризуется как достаточно рискованная, нерентабельная и нестабильная, обуславливает выбор её «игроков».

Во-первых, общество с ограниченной ответственностью достаточно легко зарегистрировать. Данную процедуру заметно

облегчает, к примеру, отсутствие необходимости в эмиссии акций (что характерно для акционерных обществ). Кроме того, если в составе управляющей организации будет более 50 участников (учредителей), т.е. если управляющая организация выберет форму акционерного общества, работа организации просто остановится, и ни о какой эффективности говорить не придется. Это обусловлено тем, что управляющая организация ежедневно сталкивается с вопросами и задачами, требующими незамедлительного принятия решения и выполнения конкретных действий. Такая форма как акционерное общество явно бы затруднила и затормозила работу такой организации.

Во-вторых, ввиду того, что сфера жилищно-коммунальных услуг достаточно сложная и противоречивая, учредители (участники) управляющих организаций, которые все-таки взяли за данную сферу, должны иметь определенные имущественные гарантии, которые бы защитили их собственные денежные средства от негативных последствий, которые очень часто встречаются в работе управляющей организации. При выборе общества с ограниченной ответственностью участ-

ники (учредители) организации получают те самые гарантии, а именно то, что ответственность учредителей (участников) такой организационно-правовой формы ограничена исключительно суммой вклада в уставный капитал общества. Это очень большой плюс для учредителей управляющих организаций, поскольку в любой момент может оказаться, что денег у управляющей организации на покрытие образовавшихся долгов уже нет. Учредители (участники) управляющей организации будут отвечать по обязательствам кредиторов только той суммой, которая была вложена ими в уставной капитал.

В-третьих, законодатель предусмотрел дополнительную гарантию для участников (учредителей) общества с ограниченной ответственностью, которая также актуальна и для деятельности управляющих организаций. Учредитель (участник) имеет право выхода из общества, причем он оставляет за собой право требования его вклада, внесенного в уставный капитал.

В-четвертых, срочные вопросы и задачи требуют оперативного принятия решения. Простая система управления, как правило, используемая в обществах с ограниченной ответственностью, отвечает таким потребностям в деятельности управляющих организаций. Управление, обычно, осуществляется единоличным исполнительным органом (директором).

В-пятых, дополнительное финансирование в процессе деятельности управляющей организации выступает спасательным кругом, который может быть использован в любой момент. Общество с ограниченной ответственностью, к примеру, имеет более облегченную процедуру увеличения уставного капитала, в отличие от акционерных обществ, что опять же является огромным плюсом для управляющей организации.

Все вышеприведенные аргументы объясняют выбор управляющими организациями такой организационно-правовой формы как общество с ограниченной ответственностью для осуществления своей деятельности.

Гражданский кодекс Российской Федерации [2] в статье 67.2 закрепляет за участниками хозяйственных обществ право на заключение между собой корпоративного договора об осуществлении своих корпоративных прав. Таким образом, для управляющей организации, функционирующей в форме общества с ограниченной ответственностью, заключение корпоративного договора обязательного характера не имеет.

Обращаясь к отношениям, которые складываются между участниками (учредителями) организации нельзя быть уверенным на сто процентов в том, что сегодняшние друзья завтра не превратятся в лютых врагов, а причиной этого станут вопросы управления. Именно поэтому помимо личных взаимоотношений, в отношениях между участниками (учредителями) должно преобладать законодательное регулирование, одним из средств которого и является корпоративный договор.

Как показывает практика, в том случае, когда в организации больше одного участника (учредителя) целесообразно заключение корпоративного договора для исключения возможности возникновения всех потенциальных рисков. Проанализировав состав участников (учредителей) управляющих компаний, осуществляющих деятельность на территории города Гая, я определила, что в каждой из них имеется от 1 до 3 участников (учредителей). Нужно отметить, что в некоторых из управляющих

организаций корпоративные договоры между участниками (учредителями) не заключены.

Противоречия между участниками (учредителями) управляющих организаций возникают как по субъективным, так и по объективным причинам, среди которых можно выделить следующие:

- один из участников (учредителей) имеет намерение покинуть организацию, но не согласен с условиями, касающимися продажи собственной доли, которые предлагает другой участник (учредитель);

- из двух участников компании один считает нужным привлечь средства за счет инвестирования, другой отказывается рисковать, — соотношение голосов 50/50.

Корпоративный договор, как таковой, позволяет конкретизировать и упростить решение вопросов, с которыми участники (учредители) ежедневно сталкиваются в процессе деятельности организации.

Резонно возникает вопрос о том, почему устав, который содержит всю основную информацию о деятельности организации, не регулирует вышеописанные ситуации? Это объясняется тем, что сам по себе устав не может полностью обеспечить регулирование всех взаимоотношений между участниками (учредителями), которые возникли, возникают сейчас или могут возникнуть в будущем. В свою очередь, корпоративный договор дополняет и конкретизирует устав организации, но эти два документа нельзя считать взаимозаменяемыми. Кроме того, как пишет А. В. Асташкина: «Корпоративный договор не должен содержать положения, противоречащие уставу хозяйственного общества. Однако возникновение таких противоречий не влечет недействительность данного договора, что снижает значение устава как учредительного документа» [3].

Корпоративный договор по своей природе является сделкой. Согласно позиции Степанова Д. И.: «Вероятно, никто не будет спорить с признанием корпоративного договора разновидностью гражданско-правовой сделки, соглашения двух и более лиц, что предполагает применение к такому договору общих положений о договоре и (договорных) обязательствах» [5].

Участники корпоративного договора — это, как правило, соучредители компании. Но одной из сторон может быть и третье лицо, например банк, предоставивший организации кредит. Интересы его в данном случае понятны: гарантия исполнения долговых обязательств и, тем самым, защита от финансовых рисков.

Законодатель практически не ограничивает содержание корпоративного договора, однако есть несколько положений, включение которых в корпоративный договор не допустимо:

- корпоративный договор не может содержать положения, которые бы обязывали участников (учредителей) голосовать, руководствуясь требованиями общего собрания, совета директоров, правления и других органов общества;

- корпоративный договор не может содержать положения, которые бы определяли полномочия и структуру исполнительных органов организации.

Так, Степкин С. П. пишет: «Включение в соглашение обязанности голосовать определенным образом или согласовать вариант голосования противоречит праву граждан и юри-

дических лиц по своему усмотрению осуществлять свои права и обязанности (ст. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации), а также принципу недопустимости отказа от правоспособности (ст. 22 Гражданского кодекса Российской Федерации) [6]. С данной позицией сложно не согласиться.

Необходимо выделить и назвать приоритетные направления и аспекты деятельности, которые должны быть определены и урегулированы корпоративным договором.

1. Финансирование. Корпоративный договор может содержать в себе, помимо сведений о размере уставного капитала, информацию о долях в уставном капитале каждого участника (учредителя). Данное положение относится как к основному финансированию организации, так и к тем денежным средствам, которые используются в инвестировании. В некоторых случаях стороны определяют в корпоративном договоре сроки внесения денежных средств участниками (учредителями) организации.

2. Распоряжение долями. Имеет смысл включить в корпоративный договор положения, которые бы ограничивали действия участников (учредителей) по самовольному распоряжению своей долей в уставном капитале. Можно определить условия выхода участника (учредителя) из организации, определив, какой объем денежных средств последний получит за свою долю в уставном капитале. Данные моменты лучше оговорить в корпоративном договоре, ведь эффективная и благополучная деятельность управляющей организации это продукт плодотворной и разумной работы всех её участников (учредителей), которые должны поступать разумно, учитывая интересы каждого.

3. Распределение прибыли. Обязательным пунктом корпоративного договора является распределение прибыли, ведь управляющая организация представляет собой коммерческое юридическое лицо, основной целью которого является получение прибыли. Можно предусмотреть определенную модель, к примеру, участник (учредитель), который внес большую долю, ежемесячно получает 40% прибыли, второй совладелец — 20%, а половина от общей выручки расходуется на развитие управляющей организации.

4. Голосование и принятие решений. Стороны могут очертить круг вопросов, которые будут входить в компетенцию общего собрания, утвердить порядок принятия решений по крупным сделкам, определить лиц, чье мнение обязательно должно учитываться при голосовании.

5. Инвестирование. Инвесторы охотнее будут вкладывать свои деньги в те управляющие организации, в которых имеется корпоративный договор, конкретно и четко защищающий интересы инвесторов. Например, корпоративный договор может содержать в себе положение о том, что в случае отсутствия

ожидаемой прибыли за определенный период участники (учредители) управляющей организации обязуются вернуть вложенные средства либо продать свои доли инвестору, чтобы возместить его имущественные потери.

6. Тупик. На практике нередко возникают ситуации, когда участники (учредители) не могут принять то или иное решение ввиду равного количества противоположных голосов. Чтобы избежать подобных ситуаций, в корпоративных договорах может быть предусмотрено обращение за помощью к третьей стороне, не имеющей личной заинтересованности в решении вопроса, а также иные способы разрешения конфликта.

7. Права участников корпоративного договора. Данная область правоотношений для включения в корпоративный договор является достаточно спорной и противоречивой. В Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» определен ряд прав участников общества с ограниченной ответственностью. В той же статье законодатель закрепляет возможность наделения участников дополнительными правами непосредственно в корпоративном договоре. Таким образом, заключив корпоративный договор, участники имеют право легальным образом расширить свою правоспособность.

В свою очередь, Д. В. Ломакин верно утверждает, что «стороны корпоративных соглашений регламентируют лишь процедуру осуществления корпоративных прав, и не могут породить новые корпоративные права и обязанности» [4].

На мой взгляд, расширение правоспособности участников (учредителей) управляющей организации в корпоративном договоре может быть оправданно той специфической сферой деятельности, которой занимается организация, т.е. это те случаи, которые законодатель не может предусмотреть все права участников (учредителей) в одной статье закона.

Таким образом, корпоративный договор является эффективным средством для разрешения самых разнообразных споров в организации, постоянно возникающих в процессе её функционирования. Как правило, корпоративный договор предусматривает ответственность для тех участников (учредителей) организации, которые не исполняют обязательства, взятые на себя после подписания данного документа. Но корпоративный договор не может в принудительном порядке обязать сторону совершить то или иное действие. Такое возможно только по решению суда. На практике не редки случаи, когда одна из сторон корпоративного договора обращается в суд за защитой своих прав, которые были ограничены или ограничиваются положениями корпоративного договора. В таких случаях арбитражные суды руководствуются условиями корпоративного договора, учитывая их соответствие законодательству и уставу компании.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 22 декабря 2004 г.: одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 г.: по состоянию на 02 августа 2018 г.] — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [федер. закон: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.: одобрен Советом Федерации 08 декабря 2006 г.: по состоянию на 12 мая 2020 г.] — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>
3. Асташкина, А. В. Особенности корпоративного договора // Юрист. 2015. № 9. — 136 с.

4. Ломакин, Д. В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вест. Высш. Арбитражного суда РФ. 2009. № 8. — 97 с.
5. Степанов, Д.И., Фогель, В.А., Шрамм, Х. И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестн. Высш. арбитражного суда Российской Федерации. 2012. № 10. — 254 с.
6. Степкин, С. П. Гражданско-правовой институт акционерных соглашений. М.: Петруш, 2011. — 221 с.

Законная сила судебного решения

Жеребова Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

«Для прочности юридического порядка необходимо, чтобы юридическое отношение между сторонами определялось судебным решением твердо и окончательно. Поэтому судебное решение становится для сторон как бы частным законом» [8] — указанная цитата принадлежит Нефедьеву Е. А., который таким образом высказывал свое мнение, относительно законной силы судебного решения.

Безусловно, вступление решения суда в законную силу регламентировано нормами действующего процессуального права, из которых следует, что судебные акты, в случае если они не были обжалованы в вышестоящую инстанцию, вступают в законную силу по истечении срока на обжалование. Указанное правило закреплено положениями ч. 1 ст. 209 ГПК РФ, ч. 1 ст. 180 АПК РФ и ч. 1 ст. 186 КАС РФ.

Порядок вступления в законную силу решения арбитражного суда, регламентированный ч. 1 ст. 186 АПК РФ, законодателем описан более подробно: «Решение арбитражного суда первой инстанции, за исключением решений, указанных в частях 2 и 3 настоящей статьи, вступает в законную силу по истечении месячного срока со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба. В случае подачи апелляционной жалобы решение, если оно не отменено и не изменено, вступает в законную силу со дня принятия постановления арбитражного суда апелляционной инстанции».

Порядок вступления решения суда в законную силу нормами действующего законодательства определен конкретно, однако само понятие законной силы законодательно не закреплено, что порождает различные варианты толкования указанного понятия в юридической науке. Позиции научных деятелей на этот счет различны. По мнению одних ученых законная сила судебного решения — это обеспеченная законом обязательность действий [4], по мнению других — это совокупность правовых свойств решения суда, которые состоят в общеобязательности, неопровержимости, преюдициальности, исключительности и исполнимости, третьи же сходятся во мнении о том, что законная сила судебного решения — это «установленная государством его общая обязанность, основанная на силе применяемых судом норм права к достоверно установленным фактам и властным полномочиям суда» [5].

Так, по мнению Треушниковой М.К. законная сила решения суда позволяет итоговому акту по делу стать своеобразным законом для конкретного случая, рассмотренного судом [1]. По

его мнению, указанное свойство решения суда обусловлено спецификой судебного решения, как самого акта правосудия.

Осокина Г.Л. определяет законную силу судебного решения, как «совокупность его свойств (или качеств), обеспечивающих стабильность подтвержденных судом фактов и правоотношений, а также защиту действительно нарушенных (оспоренных) прав, свобод и законных интересов субъектов материальных правоотношений» [9].

По мнению Гурвич М.А., законная сила судебного решения — это его неизменность, которая обеспечивается исключительностью и неопровержимостью, иными словами — это момент, с которого начинается реальное действие решения суда, как последствие принятого решения [3].

У Гурвич М. А. сформировался особый взгляд на сущность законной силы судебного решения, поскольку, по его мнению, законная сила судебного решения и его общеобязательность являются различными правовыми свойствами, которым обладает судебное решение. По его мнению, после вступления решения суда в законную силу, устраняется спорность имеющегося правоотношения, возникает возможность принудительного исполнения решения суда, решение становится общеобязательным. Момент вступления решения суда в законную силу, представляет собой неизменяемость судебного решения, но в то же время является моментом, с которого действие суда проявляется в той мере, в какой оно предписано судом [3].

В юридической науке соотношение понятий обязательности судебного решения и его законной силы однозначно не определено, поскольку некоторые научные деятели в области процессуального права утверждают, что законная сила судебного решения есть наделение его свойством общеобязательности, указанной точки зрения придерживаются Плетнева О.Е., Семенов В.М., Чан И. и другие.

Такого мнения, в том числе, придерживается Клейнман А. Ф., который указывает на то, что: «Законная сила судебного решения проявляется в его юридическом действии, в обязательности как для сторон и других лиц, участвующих в деле, так и для постановившего его суда, и, наконец, для всех должностных лиц, учреждений, предприятий, организаций и для граждан». Автор усиливает понятие законной силы судебного решения употреблением такого термина как общеобязательность, которая может проявляться в преюдициальности [6].

Зейдер Н. Б. также придерживается указанной точки зрения, определяя сущность законной силы судебного решения он указывает на то, что законная сила судебного решения — это «особое качество постановленного по делу судебного решения, заключающееся в том, что решение становится обязательным как для сторон и других участников дела, так и для самого суда, постановившего решение, а также для всех государственных учреждений, должностных лиц, организаций, хотя они в деле и не принимали участия».

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что общеобязательность вступившего в законную силу судебного решения выражается через иные процессуальные средства, которые предназначены для обеспечения стабильности указанного решения суда, такие как неопровержимость, исключительность, исполнимость.

По мнению Скобелева В. П., какую бы степень общеобязательности ни закрепляло бы действующее процессуальное законодательство, в отсутствие правовых норм, указывающих на исключительность и преюдициальность судебного решения, не существовало бы реального механизма контроля за поведением лиц по возобновлению спора по одному и тому же вопросу не-

однократно, что могло бы привести к затягиванию исполнения судебного решения, что в свою очередь нарушало бы права лиц, участвующих в деле, поскольку вынесенное решение суда могло бы быть никогда не исполнено [10].

Справедливо согласиться с мнением Клиновой Е. В., относительно надления решения суда законной силой, которая указывает: «Факт надления законной силой решения суда объясняется тем, что без такой силы само решение осталось бы благим пожеланием суда, а его исполнение целиком бы зависело от волеизъявления обязанных субъектов» [7].

Из анализа приведенных точек зрения юристов-теоретиков единогласно следует, что после вступления решения суда в законную силу, факты, лежащие в основе принятого решения, устанавливаются окончательно, следовательно, решение суда становится общеобязательным как для лиц, участвующих в деле, так и для государственных органов.

На основании изложенного, можно прийти к выводу о том, что законная сила судебного решения — это принятие решением суда особого свойства, благодаря которому, оно приобретает признак общеобязательности для всех субъектов права, в том числе и для суда.

Литература:

1. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М. К. Треушникова. — М., 2007. — 582 с.
2. Гурвич, М. А. Решение советского суда в исковом производстве, М., 1961. 96 с.
3. Гурвич, М. А. Судебное решение. Теоретические проблемы / Гурвич М. А. — М.: Юрид. лит., 1976. — 176 с.
4. Демичев, А. А. Гражданское процессуальное право России: Учебник / А. А. Демичев, О. В. Исаенкова, О. В. Исаенкова. М.: Норма, 2006. 147 с.
5. Исаенкова, О. В. Гражданское процессуальное право: Учебное пособие / О. В. Исаенкова М.: Проспект, 2007. 103 с.
6. Клейнман, А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права / А. Ф. Клейнман — М.: Изд-во Московского у-та, 1967. 167 с.
7. Клинова, Е. В. Проявление законной силы судебного решения: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2005. С. 14.
8. Нефедьева, Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е. А. Нефедьева. — Краснодар: Совет.Кубань, 2005. — 472 с.
9. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть: учеб. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М. 2013. 704
10. Скобелев, В. П. Понятие и содержание законной силы судебного решения / В. П. Скобелев // Тенденции развития гражданского процессуального права России. — СПб., 2008. — С. 463.

Апелляционный пересмотр принятых решений в арбитражном судопроизводстве и проблемы представительства

Занина Диана Николаевна, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В представленной статье автор рассматривает апелляционный пересмотр принятых решений в арбитражном судопроизводстве, а также проблемы представительства в суде.

Ключевые слова: арбитражный процесс, пропущенный срок, апелляционная инстанция.

Судебные акты, принятые по делам, разрешаемым в рамках Арбитражного процесса, могут быть обжалованы, в част-

ности, в апелляционную инстанцию путем подачи соответствующей жалобы.

Под апелляцией понимается пересмотр не вступивших в законную силу судебных актов по жалобе, представлению правомочных субъектов.

В данном вопросе особое значение имеет срок подачи жалобы, который законодательно установлен. По общему правилу, истечение срока подачи жалобы при отсутствии просьбы лица о его восстановлении либо при отказе в восстановлении срока является основанием для возвращения жалобы. Отказ в восстановлении срока обжалования судебных актов в данном случае является для лица, подающего жалобу, «препятствием», не позволяющим, в целом, обжаловать такие акты, принятые не в его пользу. Такой отказ можно обжаловать путем подачи соответствующей жалобы в вышестоящую инстанцию.

Восстановление пропущенного срока осуществляется судом при установлении уважительных причин его пропуска. Данная категория «уважительная причина пропуска срока на обжалование» имеет оценочный характер. В АПК РФ [1] не содержится законодательной дефиниции уважительной причины, не закреплен и перечень, хотя бы примерный, тех причин, которые надлежит трактовать как уважительные, то есть как основание для восстановления пропущенного на обжалование срока.

Помимо рассмотренного правила, законодатель применяет дифференцированный подход и к лицу, которое участником процесса не являлось, разрабатывает формулировку о том, что ему можно подать такое ходатайство о восстановлении пропущенного срока со дня, когда оно узнало о нарушении его права обжалуемым судебным решением.

Полагаем, такой подход лишен целесообразности. Применительно к оценке процессуальных гарантий лиц, являющихся участниками процесса, и лиц, участниками не являвшихся, но чьи права нарушены окончательным судебным решением, гарантии в отношении первых несколько слабее. Не может считаться такое положение дел обоснованным и правильным.

Более того, в отличие от гражданского процесса, лица, являющиеся участниками арбитражного производства, в основном, обладают правовыми познаниями, высоким уровнем ответственности, по крайней мере, эти качества предполагают их эффективное занятие предпринимательской и иными видами экономической деятельности, с большими финансовыми вложениями и обязательствами. И в этой сфере правоотношений следует, на наш взгляд, вести речь о повышенных требованиях к критериям уважительности пропуска срока на обжалование.

Полагаем, что уважительной причиной является в том случае, когда участник процесса не был надлежащим образом извещен о судебном заседании. В этом случае он узнает о своем праве на обжалование с момента, когда ему стало известно о проведенном судебном слушании и принятом решении.

Конечно, объективно уважительными и не подлежащими сомнению причинами, которые должна признаваться уважительными, являются заболевание, беспомощное состояние и, что может иногда встречаться и должно быть допущено, безграмотность заявителя.

В качестве сравнительно-правового анализа попробуем определить, какие же причины должны признаваться неуважительными и по каким критериям.

Одной из наиболее часто встречающихся причин, по которым стороны обращаются с заявлением о восстановлении пропущенного срока на обжалование, является обоснование необходимости согласовать аргументы обжалования и сам его факт с вышестоящим руководством. Нахождение в командировке также воспринимается часто как уважительная причина для пропуска срока. Отпуск, кадровые перемещения, поиск юриста, и все организационные вопросы, и проблемы юридического лица, — вот совокупность причин, по которым определения о восстановлении пропущенного срока подаются в апелляционный суд чаще всего. Так, подробно расписывается ситуация, когда один юрист был уволен, второй еще не принят на работу, или юрист был загружен и находился в судебном процессе по другому делу, допустив пропуск срока по делу, по которому подается заявление о восстановлении пропущенного срока [3, с. 69]. Полагаем, суду апелляционной инстанции приходится тратить определенное время, чтобы проводить анализ данных обращений. В то время как примерный перечень причин, которые соответствуют признакам признания их уважительными для восстановления пропущенного на обжалование срока, способствовал бы сокращению объема данной работы.

Полагаем необходимым разработать и закрепить хотя бы примерный перечень причин, которые суду апелляционной инстанции надлежит признавать уважительными, без временных затрат на данный анализ.

Исследователи отстаивают подход, согласно которому в основе должны быть процессуальные гарантии сторон, участников процесса, а они могут быть обеспечены только возвращением дела в суд первой инстанции [6, с. 92].

Мы полагаем, что данный спор надлежит разрешить, исходя из основного предназначения суда апелляционной инстанции — проверить, не допущено ли процессуальной либо материальной ошибки судом первой инстанции, и является ли принятое им решение обоснованным.

По нашему мнению, подменять при этом суд первой инстанции не допустимо. Соответственно, при выявлении ошибки правил производства, надлежит направить дело на рассмотрение в суд первой инстанции, признав, что изначально судебного разбирательства не состоялось.

Особым значением в арбитражном процессе обладает институт представительства.

Институт представительства неразрывно связан с реализацией функций профессии юриста. В целом представительство играет и социально значимую роль, так как право на квалифицированную юридическую помощь — один из важнейших конституционных догматов. Несмотря на наличие отдельной гл. 6, посвященной данной теме, в АПК РФ, сохраняются некоторые коллизии в правоприменительной практике, а также ввиду активных реформ процессуального законодательства появляются новые. Именно по этим причинам я предлагаю рассмотреть некоторые из актуальных проблем представительства в арбитражных судах.

В первую очередь стоит разобраться в определении понятия «представительства», легально оно не закреплено.

Авторы высказывают свое видение и трактовку этого понятия, из чего вырастают научные дискуссии. Ограничение представительства только рамками процессуальной деятель-

ности неминусом создает поле для дальнейшей дискуссии о том, что же понимать под такой деятельностью, а также обходит стороной вопрос взаимоотношений между представителем, доверителем и судом. С другой стороны, такое определение отражает в полной мере динамику процесса и активную роль представителя в судебном процессе.

Еще одно интересное мнение сформулировала М. С. Шакарян, которая охарактеризовала представительство как правоотношение [6].

Такое толкование понятия позволяет сделать акцент на процессуальном статусе представителя. Также важно отметить, что данная система правоотношений традиционно представляется как трехсторонняя связь представителя, доверителя и суда.

На основании изложенного можно сделать промежуточный вывод, что само понятие «представительство» несет в себе некоторую неопределенность и поле для дискуссий. Мы склоняемся к тому, что единого толкования ему дать нельзя, поскольку это, действительно, и процесс, и отношение, и деятельность и даже вид юридической услуги.

Однако это лишь в очередной раз показывает его обширность и многогранность, что подчеркивает значимость и важность данной темы.

Выше, говоря о представительстве как о правоотношении, уже была затронута тема его субъектов, основными из которых являются представитель (защищает права и интересы доверителя), представляемый (сторона по делу) и суд (проверяет полномочия и допускает представителя). В ст. 59–60 АПК РФ установлены требования к представителям. Новым и, пожалуй, основным стало наличие статуса адвоката или высшего юридического образования.

Также важнейший фактор допуска представителя к участию в арбитражном процессе — надлежащее оформление полномочий такого представителя.

В соответствии с общим правилом ст. 61 АПК РФ полномочия представителя на ведение дела в арбитражном суде должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с законом.

АПК РФ, в свою очередь, не содержит указание на возможность участия в арбитражном процессе по ордеру. На данную неопределенность норм обращает внимание Е. А. Трещёва, указывая на то, что «использование ордера для подтверждения полномочий адвоката в арбитражном процессе является незаконным и адвокат должен подтверждать свои полномочия на участие в деле доверенностью» [4, с. 70].

Представляется, что только лишь ордер лишает суд возможности учитывать весь объем полномочий, предоставленных адвокату. По этой причине в законодательстве следует установить, что адвокат вправе представлять в суд ордер, но, учи-

тывая, что круг его полномочий будет сужен, ему следует также предоставлять и доверенность по общему правилу.

Самой значимой и, по моему мнению, актуальной проблемой является введение относительно нового требования к представителям — наличия высшего юридического образования или статуса адвоката. Данное изменение было введено Федеральным законом № 451 от 28.11.2018 г. и вступило в действие с 01.10.2019 г. Новые требования действуют полтора года, сложилась определенная практика, в связи с чем уже можно дать обоснованную оценку.

Однако проблемный аспект данного нововведения — это то, что законодатель до сих пор не определил и не дал разъяснений по поводу того, какую степень образования следует считать высшим юридическим.

Практикой выработана позиция, что это может быть степень и бакалавра, и специалиста, и магистра. Также в настоящее время актуальным является вопрос недостаточного количества практических занятий в высших учебных заведениях, в том числе по направлениям подготовки «Юриспруденция». Лишь гармоничное изучение этих двух ипостасей юридического образования поможет сформировать грамотного юриста, нужного в наше время.

В целом я считаю наличие такого ценза в действующем законодательстве крайне проблемным, поскольку в гражданско-правовых отношениях, в которые, как правило, вступают лица, действует в первую очередь принцип диспозитивности, свободы договора, то есть лицо не должно быть лишено право доверить представление своих интересов любому лицу, квалификации которого оно само доверяет [5, с. 162].

Положительных тенденций, начиная с 1 октября 2019 г., связанных с участием в судебных процессах исключительно лиц с высшим юридическим образованием, установлено не было. Обоснованность данных выводов подтверждает даже то, что за эти полтора года высшей судебной инстанции, анализируя возникающие на практике однообразные проблемы, несколько раз приходилось своими актами вводить исключения на участие представителей в процессах, не отвечающих требованиям ценза. В частности, было разрешено участие независимо от наличия высшего юридического образования и статуса адвоката представителям по делам о несостоятельности (банкротстве), а также сотрудникам организации — стороны по делу.

Таким образом, рассмотрев несколько наиболее показательных и животрепещущих проблем института представительства, хочется сделать вывод, что он представляет собой довольно широкую систему, которая достаточно развита, но, по моему мнению, с учетом социальной значимости, тесной связи с профессией юриста требует модернизации, более детальной легализации и изменения некоторых положений.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский процесс: учебник / под ред. М. С. Шакарян. М., 2015.
3. Коблянский В. С., Шкурова П. Д. Восстановление срока на подачу апелляционной жалобы в арбитражном процессе // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 69–75.

4. Трещева Е. А. Субъекты арбитражного процесса: монография. Ч. 2. Правовое положение лиц, участвующих в деле, в арбитражном процессе. Самара, 2007.
5. Чубарь, А. А. Отказ в восстановлении срока обжалования в гражданском и арбитражном процессах / А. А. Чубарь // Modern Science. — 2022. — № 1–1. — С. 161–164.
6. Яковлев Н. А. Апелляционное производство в арбитражном и гражданском процессах: сравнительно-правовой анализ // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 2. № 12. С. 92–95.

Необеспечение права лиц, участвующих в деле и не владеющих языком, на котором ведется административное судопроизводство, пользоваться услугами переводчика как основание к безусловной отмене решения суда первой инстанции

Зобина Наталья Александровна, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Безусловно права и свободы человека независимо от гражданской принадлежности являются высшей ценностью.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также в соответствии с Конституцией Российской Федерации [1, ч. 1 ст. 17].

Реализация прав, предоставляемых процессуальным законодательством участникам административного судопроизводства, невозможна без обеспечения им возможности общения с судом и другими участниками судопроизводства на том языке, которым они владеют.

Совершенно очевидно, что состязательность судебного процесса, предусмотренная Конституцией Российской Федерации [1, ч. 3 ст. 123], требует создания условий, при которых все участники процесса имеют возможность равноправно состязаться, а неотъемлемой гарантией этого равноправия является создание условий для беспрепятственного общения участников процесса.

Поэтому, выступая естественной основой коммуникации в судебном процессе, язык общения требует специального регулирования, в качестве чего может послужить участие переводчика в судебном заседании.

Судебным переводчиком является лицо, свободно владеющее языком, на котором осуществляется судопроизводство, и другим языком, знание которого необходимо для перевода с одного языка на другой, либо лицо, свободно владеющее техникой общения с глухими, немыми, глухонемыми, получившее статус судебного переводчика [3].

При рассмотрении административного дела переводчик привлекается к участию в судебном процессе в случаях и порядке, предусмотренных Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации. О привлечении переводчика к участию в судебном процессе суд выносит определение [2, ч. 2 ст. 52].

В настоящее время исследователями достаточно всесторонне изучена роль и значение участия переводчика в судопроизводстве, но крайне мало уделено внимания таким вопросам:

каким образом, суд определяет необходимость обеспечения лица, участвующего в деле, переводчиком? И можно ли расценить ситуацию, когда первоначально заявляется необходимость в переводчике, а после в его услугах отказываются, как злоупотребление правом?

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 45 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации лица, участвующие в деле вправе заявлять ходатайства, в том числе ходатайство об участии в деле переводчика.

Ходатайство о переводчике рассматривается судьей единолично или судом в судебном заседании. Это будет зависеть на какой стадии оно заявлено, необходимо ли устанавливать дополнительные обстоятельства и определять переводчика. Если заявление о переводчике написано полно и понятно, судья может его разрешить без дополнительных вопросов к лицу, не владеющему русским языком.

Судье при изучении заявления о переводчике нужно определить действительно ли иностранный гражданин при рассмотрении административного дела не может обойтись без услуг переводчика.

Необходимо иметь в виду, что данное заявление, если оно не было написано непосредственно в судебном заседании, может быть переписано по образцу или написано другим лицом.

Стоит также детально обратить внимание на сведения, характеризующие личность иностранного гражданина, и непосредственно на содержание заявления об участии переводчика. Так, в случае если иностранный гражданин длительное время проживал в Российской Федерации, проходил обучение в образовательных учреждениях страны, текст заявления свидетельствует о знаниях русского языка, на дополнительные вопросы иностранный гражданин отвечает четко, полно и логично, но при этом все равно ходатайствует об обеспечении переводчиком, то возможно он в какой-то мере злоупотребляет своим правом. В следствие чего, происходит затягивание сроков рассмотрения административного дела, поскольку для обеспечения участия переводчика в соответствии с положениями ст. 152 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации суд отложит судебное разбирательство.

Кроме того, переводчику, выполнившему работу, которая не входит в круг его служебных обязанностей в качестве работника государственного учреждения, производится оплата выполненной работы. Переводчику возмещаются расходы, связанные с явкой в суд (расходы на проезд, наем жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные) [2, ч. 9 ст. 52].

Однако, в случае, когда переводчик не принимает реального участия в судебном разбирательстве, и при этом иностранный гражданин самостоятельно выражает свою позицию, отвечает на поставленные вопросы, то фактически участие переводчика не является необходимым и несет нецелесообразные судебные расходы.

Конечно же, принцип языка судопроизводства общепризнанно и бесспорно занимает одно из важнейших мест в системе принципов судопроизводства.

Когда лицо, являющееся участником судебного разбирательства, не владеет либо недостаточно владеет языком, на котором ведется производство по административному делу, то

без участия переводчика невозможно осуществление защиты прав и свобод иностранного гражданина.

Но стоит заметить, что лица, участвующие в судебном разбирательстве, должны действовать добросовестно при заявлении ходатайства о переводчике.

Суд, в свою очередь, вопрос о привлечении к участию в производстве по административному делу переводчика должен рассматривать исходя из разумных оснований полагать, что иностранный гражданин действительно нуждается в услугах переводчика.

Таким образом, при соблюдении принципа добросовестности, а также при наличии оснований, свидетельствующих о необходимости участия в судебном разбирательстве переводчика, суд обоснованно обеспечивает право лица, участвующего в деле и не владеющего языком, на котором ведется административное судопроизводство, пользоваться услугами переводчика, что в последствии при обжаловании судебного акта исключает основание к безусловной отмене решения суда первой инстанции.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.06.2022 // «Российская газета» от 11 марта 2015 г. N49
3. Проект Положения о судебном переводчике. URL: <http://translation-school.ru/index.php/ru/archive/2015/sworntranslator> (дата обращения: 14.09.2022)

Проблемы современной системы обязательного медицинского страхования в России и пути ее совершенствования

Иванихин Алексей Александрович, кандидат философских наук, доцент;

Сухорукова Анастасия Алексеевна, студент магистратуры

Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Обязательное медицинское страхование в России выступает важным звеном развития общества и государства. Каждый человек имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, что подчеркивается в Конституции Российской Федерации. Несмотря на важность данного института, на сегодняшний день существует ряд проблем, которые необходимо решать. В статье рассмотрены важные проблемы и предложены пути для их решения.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, медицинское страхование, страхование.

В жизни почти каждого человека хоть раз случались моменты, когда ему была необходима медицинская помощь. К этому нельзя подготовиться заранее, запланировать расходы и предугадать время, и поэтому не всегда есть финансовая возможность оплатить лечение, которое может по своей стоимости быть очень дорогим. Именно обязательное медицинское страхование — важная услуга, которая позволяет предостеречь себя и защитить свою семью от неожиданных расходов и не волноваться о поиске денежных средств в момент случившегося.

Как известно, Российская Федерация является социальным государством, одной из основных задач которого выступает обеспечение гражданина качественным, а также бесплатным здравоохранением. Поэтому необходимо постоянно совершенствовать данный институт, чтобы он отвечал реалиям нового времени.

Стоит сказать о том, что самым первым законом в данной отрасли был Закон РФ «О медицинском страховании граждан в РФ» от 28 июня 1991 года. Он действовал до 1 января 2011 года

и на смену ему пришел Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [1]. Данный Федеральный закон значительно обновил законодательную базу в сфере обязательного медицинского страхования, однако не смотря на все изменения, до сих пор существует ряд проблем.

Основной проблемой, которая присутствует на всем пути развития обязательного медицинского страхования является недостаточность финансирования. Среди причин можно выделить то, что на сегодняшний день в законодательных нормах отсутствуют положения по регулированию размеров финансирования на региональных уровнях. Также, отмечается, что финансирование медицинских организаций происходит по остаточному принципу [2, с. 1328].

Стоит сказать о том, что одной из причин проблем с финансированием является недостаточно проработанная система добровольного медицинского страхования (далее — ДМС). Во-первых, целесообразно ввести для граждан, которые используют систему ДМС определенные налоговые послабления. Такое положение может быть оправдано тем, что сами организации ДМС направляют средства в систему государственного здравоохранения.

Кроме того, в Российской Федерации отсутствует закон, который бы регламентировал деятельность по ДМС. В науке давно высказываются мнения о том, что необходимо законодательно определить место ДМС в системе финансирования здравоохранения.

Во-вторых, многие учреждения здравоохранения пытаются заработать на системе ДМС в противовес оказанию помощи по ОМС. Соответственно, страдает качество предоставляемых услуг, ведь можно не раз слышать истории о том, когда человек приходит за помощью по ОМС и ему не оказывают ее квалифицированно и тогда он обращается за помощью в платную клинику, где сидит тот же врач, только там он уже ведет себя по-другому.

Соответственно, в большинстве случаев работник, осуществляющий лечение по ОМС не заинтересован в предоставлении таких услуг по причине низкой оплаты труда, которая не соответствует ни занимаемой должности, ни размеру ответственности, которую он ежедневно несет.

В-третьих, сами клиники зачастую тормозят развитие системы по причине нежелания осуществлять и предоставлять сбор и анализ различной статистики. Это помогло бы оптимизировать структуру расчета страховых взносов.

Решением такой проблемы, несомненно, является цифровизация, вопрос о которой давно висит в воздухе. Необходимо создать такую электронную систему органов здравоохранения, которая могла бы работать с большими данными (big data), анализировать работу отдельных учреждений и самих врачей. К сожалению, многие учреждения до сих пор работают исключительно посредством бумажных журналов, которые могут потеряться или как-то повредиться. Более того, это в принципе пойдет на благо медицины, поскольку бывают ситуации, когда для получения какой-либо консультации не обязательно присутствие самого человека. Например, для закрытия больничного листа, когда во время пандемии коро-

навируса, ради одной печати выстраивались многочасовые живые очереди.

Еще одной проблемой является тот факт, что со стороны Министерства здравоохранения Российской Федерации отсутствует должный контроль за деятельностью учреждений здравоохранения. Так, в процессе проверки зачастую могут возникнуть ситуации, когда организация безосновательно либо завысит, либо занизит объем требуемой медицинской помощи.

Возможным вариантом решения данной проблемы может выступать усиление контроля над деятельностью комиссии, которая занимается вопросами финансирования, а также разработкой критериев для распределения объемов медицинской помощи, что еще раз подтверждает несостоятельность нормативной базы в рассматриваемой области. Более того, решение данной проблемы позволит понизить уровень и коррупционных правонарушений.

Еще одной значительной проблемой выступает то, что на сегодняшний день не существует единого кодифицированного нормативного акта, касающегося вопроса института обязательного медицинского страхования. Так, есть ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», «Об обязательном медицинском страховании в РФ».

Данный список не является законченным, есть еще достаточно большое количество актов, регулирующих данный вопрос. Их объединение в единый акт позволит не только облегчить работу государственных органов, а также квалифицированных юристов, но и позволит гражданам лучше знать свои права, так как будет отсутствовать необходимость в постоянном поиске нужной информации и ее разборе.

Зачастую на практике права работающих граждан нарушаются, пока сами граждане об этом даже не подозревают. Согласно закону, страхователь имеет право самостоятельно выбрать страховую компанию, с которой он бы хотел работать. Однако, почти всегда работодатели не учитывают данный вопрос. Гражданин, по сути, лишается права на ознакомление с предоставляемыми услугами и условиями в том или ином медицинском учреждении, не может выбрать оптимальный вариант лично для себя.

Решением подобной проблемы может быть возложение на работодателя обязанности уведомить работника о возможности выбора и ответственности за выбор медицинского учреждения без учета мнения работника.

Таким образом, можно сказать о том, что действительно, от медицинского страхования зависит жизнь не только отдельного человека, но и благополучие государства. От уровня медицинских услуг повышаются показатели населения страны, что влияет в первую очередь на демографию, а также экономику, поскольку для работы человеку важно быть здоровым. Государственная политика Российской Федерации в области здравоохранения должна быть направлена на рост качества и доступности оказываемой медицинской помощи. Видится, что решением проблемы может послужить дополнительное финансирование и серьезный контроль, что вместе позволит решить основные насущные проблемы, с которыми пытаются бороться много лет.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (с изм. от 06.12.2021 № 489-ФЗ) // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.
2. Газоян С. Г. Проблемы медицинского страхования в России / С. Г. Газоян // Инновации. Наука. Образование.— 2021.— № 28.— С. 1327–1331.

Изменение разграничения компетенции органов прокуратуры Российской Федерации в сфере оборонно-промышленного комплекса как способ повышения эффективности надзорной деятельности

Кузнецов Павел Николаевич, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор предлагает изменить действующее разграничение компетенции территориальных, военных и иных специализированных прокуратур в сфере оборонно-промышленного комплекса.

Ключевые слова: военная прокуратура, государственный оборонный заказ, оборонно-промышленный комплекс.

Сегодня, в условиях напряженности на мировой арене и сложной геополитической обстановки, когда боеготовность армии является гарантом сохранения суверенитета государства, нарушения законов в сфере оборонно-промышленного комплекса продолжают рассматриваться руководителями органов прокуратуры всех уровней как одна из угроз безопасности Российской Федерации [1].

Важнейшей задачей надзорной деятельности на данном направлении считается обеспечение законности при исполнении контрактов и договоров, заключенных в рамках выполнения государственного оборонного заказа.

Необходимо отметить, что при надзоре за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса по возможности происходит активное взаимодействие территориальных и военных прокуратур в виде проведения совместных проверок, совещаний на предприятиях, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа, круглых столов с контрольными (надзорными) органами.

В направляемых в территориальные и военные прокуратуры вышестоящими прокуратурами заданиях, поручениях зачастую прямо акцентируется внимание на подобном сотрудничестве и содействии.

Вместе с тем, порой из-за недостаточной эффективности проводимых военной прокуратурой надзорных мероприятий, неотражения в докладных записках по итогам их проведения ответов на все поставленные вопросы, первоначально ненадлежащим образом исполненные поручения и задания, связанные с проверкой объектов, относящихся исключительно к компетенции военных прокуратур, Генеральной прокуратурой Российской Федерации направляются для исполнения в территориальные прокуратуры, которые сталкиваются с огромным множеством проблем: начиная от секретности проверяемых объектов (а допуск к государственной тайне не всегда есть у надзирающего в сфере ОПК прокурорского работника) и осу-

ществления специального порядка пропуска на них, заканчивая невозможностью связаться и привлечь к проведению проверки военные представительства или военные органы контроля (надзора), получить необходимую документацию у головных исполнителей государственных контрактов по государственному оборонному заказу, государственным заказчиком по которым выступает Министерство обороны Российской Федерации.

Кроме того, в связи с несовпадением дислокации военных прокуратур, военных объектов и воинских формирований с административно-территориальным делением нашего государства, возникает необходимость проведения отдельных надзорных мероприятий на территории, на которую не распространяются полномочия конкретной военной прокуратуры, или надзорных мероприятий в отношении отдельных лиц, которые в соответствии с действующим разграничением компетенции военной прокуратуре не поднадзорны (а это большинство коммерческих организаций — исполнителей и соисполнителей в цепочке ГОЗ). Из чего возникают не поддающиеся логическому объяснению ситуации, когда военная прокуратура, контролирующая процесс поставок по государственному контракту, направляет подобные поручения в соответствующую территориальную прокуратуру, пусть даже на территории этого же муниципального образования имеется и военная прокуратура.

То есть зачастую имея фактическую возможность поручить проверку иной военной прокуратуре, расположенной на территории соответствующего муниципального образования, у военных прокуроров отсутствуют правовые основания для принятия такого решения. На территориальные прокуратуры при этом накладывается дополнительная нагрузка, что, в свою очередь, приводит к снижению эффективности надзорной деятельности по иным «общенадзорным» направлениям.

Возвращаясь к и так весьма низкой эффективности надзорной деятельности военных прокуратур в сфере оборон-

но-промышленного комплекса возникает закономерный вопрос: зачем вообще нужны военные прокуратуры, если надзорное сопровождение контрактов в рамках государственного оборонного заказа, государственным заказчиком по которым выступает Министерство обороны Российской Федерации, по факту осуществляют территориальные и иные специализированные прокуратуры. При чем, несмотря на все обозначенные сложности, осуществляют его весьма успешно.

Основным негативным последствием такой «вынужденной» подмены военных прокуратур территориальными и иными специализированными прокуратурами является снижение эффективности надзорной деятельности и статистических показателей последних в иных, отличных от оборонно-промышленного комплекса, сферах. При чем, если для прокуратур, надзирающих за особо режимными объектами это не так существенно, то в территориальных прокуратурах, особенно под конец отчетных периодов, каждая «общенадзорная» цифра, как говорится, «на вес золота».

В связи с чем, видится необходимым изменение существующего разграничения компетенции территориальных, военных и других специализированных прокуратур путем внесения

соответствующих дополнений в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.05.2008 № 84 (в редакции от 27.04.2022) [2].

Предлагается перераспределить установленную компетенцию по надзору в сфере оборонно-промышленного комплекса и закрепить за органами военной прокуратуры надзорные полномочия в цепочке кооперации по государственному оборонному заказу, где государственным заказчиком выступает Минобороны России, а контроль исполнения договоров в рамках государственного оборонного заказа с другими государственными заказчиками закрепить за прокуратурами по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах.

По мнению автора, внесение указанных изменений позволит искоренить практику «перекалывания» непосредственных обязанностей военной прокуратуры на иные звенья системы органов прокуратуры, а также будет способствовать повышению эффективности надзорной деятельности на одном из ключевых направлений работы военных прокуратур и, соответственно, увеличению цифровых статистических показателей органов военно-надзорного ведомства.

Литература:

1. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.11.2018 № 723 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса» // «Законность». — 2019. — № 1.
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.05.2008 № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.09.2022).

К вопросу об определении места Главной военной прокуратуры в структуре Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Кузнецов Павел Николаевич, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье автор предлагает изменить законодательные формулировки, связанные с определением статуса Главной военной прокуратуры.

Ключевые слова: Генеральная прокуратура Российской Федерации, Главная военная прокуратура.

На сегодняшний день видится определенная проблема организационных противоречий в нормативных документах по поводу определения места Главной военной прокуратуры в структуре Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Дело в том, что с момента принятия Федерального закона от 10.02.1999 № 31-ФЗ [1] часть 6 статьи 14 Закона о прокуратуре [2] определяет, что Главная военная прокуратура образуется на правах структурного подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Более того, зачастую в средствах массовой информации звучат положения о том, что Главная военная прокуратура по сути является одним из управлений Генеральной прокуратуры.

Казалось бы, все просто, понятно и подкреплено законодательным определением, однако в последнее время в организационно-распорядительных документах Генерального прокурора Российской Федерации все чаще в одном и том же предложении употребляется словосочетание «структурные подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Главной военной прокуратуры», тем самым, как бы подчеркивается, что Главная военная прокуратура обособляется от структурных подразделений Генеральной прокуратуры и, одновременно, имеет самостоятельное структурное разделение.

Чтобы разобраться в указанной ситуации, необходимо обратиться к ч. 4 ст. 14 Закона о прокуратуре, в соответствии с ко-

торой структуру Генеральной прокуратуры Российской Федерации составляют главные управления, управления (в том числе в составе главных управлений) и отделы (на правах управлений, в составе управлений).

При этом, начальники главных управлений, управлений и отделов на правах управлений являются старшими помощниками, а их заместители и начальники отделов в составе управлений — помощниками Генерального прокурора Российской Федерации.

В то же время законодательно установлено и никем не оспаривается, что Главный военный прокурор, возглавляющий российское военно-надзорное ведомство, имеет статус заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, в связи с чем, Главная военная прокуратура не является и не может являться главным управлением, управлением или отделом на правах управления в структуре Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Это подтверждается и положениями п. 1.3 Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации [3], согласно которым заместители Генерального прокурора Российской Федерации осуществляют функции контроля за деятельностью главных управлений, управлений и отделов Генеральной прокуратуры, а не возглавляют их.

Что же касается определения статуса Главной военной прокуратуры как самостоятельного структурного подразделения Генеральной прокуратуры, то в данном вопросе все так же неоднозначно.

Например, главное управление и управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах в соответствии с организационно-распорядительными документами всегда являлись и в настоящее время являются самостоятельными структурными подразделениями Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Вместе с тем, по своему статусу начальники указанных управлений являются старшими помощниками Генерального прокурора Российской Федерации, что опять-таки не применимо к заместителю Генерального прокурора Российской Федерации — Главному военному прокурору.

Не входит Главная военная прокуратура в структуру Генеральной прокуратуры Российской Федерации и согласно сведе-

ниям соответствующего раздела Единого портала прокуратуры Российской Федерации [4].

В свою очередь, аналогично вышеуказанному структурному делению Генеральной прокуратуры Российской Федерации (на главные управления, управления и отделы) Главная военная прокуратура в соответствии со своим Регламентом [5] имеет в своем составе собственные структурные подразделения: управления и отделы (например, организационное и правовое управления).

Таким образом, словосочетания «структурное подразделение» и «самостоятельное структурное подразделение» употребляются в нормативных документах, связанных с деятельностью органов прокуратуры Российской Федерации, преимущественно в качестве термина, обозначающего внутреннее деление конкретной прокуратуры на главные управления, управления, отделы и прочие кадровые подразделения (организационно-штатные единицы).

Определение федерального законодателя о том, что Главная военная прокуратура «образуется на правах структурного подразделения», то есть пользуется правами, идентичными правам главных управлений, управлений и отделов в структуре Генеральной прокуратуры Российской Федерации, по мнению автора также не выдерживает критики, так как Главная военная прокуратура обладает куда более солидной компетенцией по сравнению, например, с главным управлением кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

В связи с чем, представляется необходимым для определения статуса Главной военной прокуратуры, а также обозначения ее связи с Генеральной прокуратурой Российской Федерации использовать иной, отличный от «структурное подразделение», термин. К примеру, «обособленное подразделение в составе Генеральной прокуратуры», «самостоятельная единица (самостоятельное звено) в системе Генеральной прокуратуры». Другим вариантом видится отказ, по крайней мере, на законодательном уровне от подчеркивания какой-либо структурной связи и (или) зависимости Главной военной прокуратуры и Генеральной прокуратуры.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.02.1999 № 31-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон »О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 15.02.1999, № 7, ст. 878.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.05.2016 № 276 «Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации» // «Законность». — 2016. — № 8.
4. Структура Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Единый портал прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/structure/structure-divisions> (дата обращения 31.08.2022).
5. Приказ Главного военного прокурора от 30.03.2018 № 180 «Об утверждении Регламента Главной военной прокуратуры» // Система ГАРАНТ (дата обращения: 12.09.2022)

Сравнительно-правовая характеристика института ОСАГО в Российской Федерации и в Республике Беларусь

Куручкин Сергей Игоревич, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

Представляется интересным рассмотреть сходство и различия обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств в соседних государствах: в Российской Федерации и в Республике Беларусь, учитывая стремление государств создать Союзное государство.

В начале 2022 года в г. Минске прошло заседание Комиссии Парламентского Собрания по законодательству и Регламенту. В работе Комиссии приняли участие депутаты, представители Минфина Беларуси, Центробанка России, Белорусского бюро по транспортному страхованию, Российского союза автостраховщиков, а также эксперты в области законодательства и права. На заседании обсуждался вопрос создания единых условий страхования автогражданской ответственности в рамках Союзного государства. Цель — дать гражданам возможность заключения национальных договоров страхования, предусматривающих покрытие страховых случаев на всей территории Союзного государства либо только на территории государства регистрации транспортного средства (по выбору страхователя) [15].

И в Российской Федерации, и в Республике Беларусь существуют обязательное и добровольное автострахование.

Классическое автострахование КАСКО, когда владелец автомобиля приобретает полис автострахования по собственному желанию, страхуя автомобиль от различного рода ущерба (угон, поджог, различные виды повреждений, в том числе произошедших по вине автовладельца), как форма автострахования, используется в обоих странах. Данный вид автострахования является весьма популярным по причине разнообразия тарифов и вариантов такого страхования: от частных случаев до полного КАСКО. От «широты покрытия» возможного ущерба зависит цена полиса КАСКО.

Также и в России, и в Беларуси владельцы транспортных средств могут дополнительно в добровольной форме осуществлять страхование гражданской ответственности на случай недостаточности страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств для полного возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью и (или) имуществу потерпевшего в аварии. В Российской Федерации такое страхование называется ДСАГО — добровольное страхование автогражданской ответственности или «расширенное ОСАГО».

Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств в обоих государствах регламентировано законодательно.

В Российской Федерации вопросы обязательного автострахования регулируются следующими основными нормативными правовыми актами:

1) Закон РФ от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»;

2) Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»;

3) «Правила обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее Правила ОСАГО), установленные Положением Банка России 19 сентября 2014 года № 431-П «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств»;

4) Страховые тарифы по ОСАГО утверждаются указаниями Банка России. Действующие в настоящее время страховые тарифы утверждены Указанием Центрального Банка РФ от 08 декабря 2021 года № 6007-У «О страховых тарифах по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (в редакции изменений, внесённых Указанием Банка России от 28.07.2022 № 6209-У). Основная часть Указаний от 08 декабря 2021 года № 6007-У вступила в силу с 01.04.2022, ранее действующие страховые тарифы были утверждены Указанием Банка России от 28 июля 2020 года № 5515-У.

Вместе с указанными основными нормативными правовыми актами, в нашей стране вопросы обязательного страхования автогражданской ответственности регулируются также Гражданским Кодексом РФ (глава 48 «Страхование»), Федеральным законом от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», Федеральным законом от 01 июля 2011 года № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Правилами дорожного движения.

В Республике Беларусь вопросы обязательного автострахования регулируются следующими основными документами:

1) Указ Президента Республики Беларусь от 25.08.2006 № 530 «О страховой деятельности» и «Положение о страховой деятельности в Республике Беларусь», утверждённое данным Указом;

2) Указ Президента Республики Беларусь от 25.08.2006 № 531 «Об установлении размеров страховых тарифов, страховых взносов, лимитов ответственности по отдельным видам обязательного страхования»;

3) Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 04.11.2006 № 1462 «О мерах по реализации Указа Президента Республик Беларусь от 25.08.2006 № 530»;

4) «Правила проведения обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств», утверждённые Приказом Белорусского бюро по транспортному страхованию от 01.08.2019 № 31-од.

Отметим, что вопрос установления размеров страховых тарифов в Республике Беларусь вынесен на высший уровень при-

нения решения в стране — на уровень высшего должностного лица — главы государства. В Российской Федерации страховые тарифы по ОСАГО утверждаются Центральным Банком РФ — особым публично-правовым институтом России, обладающим особым конституционно-правовым статусом, закреплённым статьёй 75 Конституции РФ, во взаимодействии с Правительством РФ разрабатывающим и проводящим единую государственную денежно-кредитную политику в нашей стране [7].

Объектом обязательного автострахования и в России и в Беларуси являются имущественные интересы, связанные с риском гражданской ответственности владельца транспорт-

ного средства за вред, причиненный жизни или здоровью физических лиц, их имуществу либо имуществу юридических лиц в результате дорожно-транспортных происшествий или по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевших при использовании транспортного средства на территории государства [5, 12].

В вопросах обязательного автострахования в России и в Беларуси существуют определённые различия.

Прежде всего необходимо отметить различия в видах договоров обязательного автострахования (таблица 1).

Таблица 1. Виды договоров обязательного автострахования в Российской Федерации и в Республике Беларусь

Российская Федерация	Республика Беларусь
Договор ОСАГО	Договор внутреннего страхования
	Договор комплексного внутреннего страхования
Договор страхования «Зелёная карта»	Договор пограничного страхования
	Договор страхования «Зелёная карта»

Общим для обеих стран является наличие в обязательном страховании автогражданской ответственности договора страхования «Зелёная карта» — это международная система страхования гражданской ответственности для владельцев транспортных средств, выезжающих в другие страны. Оба государства являются участниками данной международной системы [8, 12]. При пересечении границы автовладелец обязан иметь такой полис страхования. В российском законодательства данная норма закреплена в пункте 1 статьи 31 Федерального закона об ОСАГО, в белорусском — в статье 155 Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь.

Договор страхования «Зелёная карта», заключённый владельцем транспортного средства — резидентом одной из стран со страховой организацией государства — члена системы «Зелёная карта» в отношении приобретенного за пределами данной страны транспортного средства, действителен на территории указанной страны до государственной регистрации такого транспортного средства.

Договору ОСАГО, заключаемому в Российской Федерации, в Республике Беларусь примерно соответствует самый простой вид договора обязательного автострахования — договор внутреннего страхования. Данный вид договора заключается в отношении транспортного средства, зарегистрированного (подлежащего регистрации) в Республике Беларусь либо зарегистрированного за границей и используемого в дорожном движении на территории Республики Беларусь [12, 15].

Договор комплексного внутреннего страхования в Беларуси включает обязательное страхование гражданской ответственности владельца транспортного средства и его транспортного средства на случай причинения вреда в результате дорожно-транспортного происшествия. По сути, данный вид страхования — это ОСАГО с элементами КАСКО. Белорусский страхователь по своему выбору заключает договор внутреннего страхования либо договор комплексного внутреннего страхования [15].

Договор пограничного страхования в Республике Беларусь заключается в отношении транспортного средства, зарегистрированного за границей и въезжающего на её территорию, с его владельцем или от его имени с водителем в случае отсутствия договора внутреннего страхования либо договора страхования «Зелёная карта», действительного на территории Республики Беларусь [15].

Обращает на себя внимание различия в описании в законодательстве двух стран вопроса использования или эксплуатации транспортного средства без полиса обязательного страхования гражданской ответственности его владельца.

Если в Российской Федерации нормой Федерального закона об ОСАГО установлен прямой запрет на использование транспортных средств, владельцы которых не исполнили установленную данным федеральным законом обязанность по страхованию своей гражданской ответственности, а совершение регистрационных действий, связанных со сменой владельца транспортного средства, в отношении указанных транспортных средств не производится [5], то в законодательстве Республики Беларусь данный вопрос описан более лояльно и отсутствует прямой и категоричный запрет законодателя на использование транспортного средства без полиса ОСАГО. Например, в «Положении о страховой деятельности в Республике Беларусь» содержатся следующие нормы [12]:

- статьёй 152 определено, что в отношении транспортного средства, не участвующего в дорожном движении, заключение договора страхования необязательно;

- в статье 169 указывается, что при использовании транспортного средства в дорожном движении на территории Республики Беларусь водитель обязан иметь при себе страховое свидетельство (страховой полис, страховой сертификат, действительный на территории Республики Беларусь), которое предъявляется сотруднику Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел по его требованию;

– а статья 170 определяет, что государственная регистрация транспортных средств, выдача разрешения на допуск транспортных средств к участию в дорожном движении осуществляются только при наличии у их владельцев страхового свидетельства (страхового полиса, страхового сертификата, действительного на территории Республики Беларусь).

В России и в Беларуси различны лимиты ответственности или минимальные размеры страховой суммы по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств за вред, причинённый в результате дорожной аварии:

- в России они на сегодня составляют:
- до 500 тысяч рублей при возмещении вреда жизни или здоровью каждого потерпевшего в дорожной аварии;
- до 400 тысяч рублей — возмещение вреда имуществу каждого потерпевшего [5].
- в Беларуси:
- жизни или здоровью потерпевшего — 10 000 евро, из них не более 4 000 евро — на возмещение расходов, связанных с погребением потерпевшего, лицам, понесшим эти расходы;
- имуществу потерпевших — 10 000 евро;
- транспортному средству резидента, заключившего комплексный договор внутреннего страхования — 10 000 евро [13].

Очевидно, что в Республике Беларусь лимиты страховых выплат пострадавшим в дорожных авариях существенно выше, чем в нашей стране.

В евро утверждены в Беларуси и размеры страховых взносов. При этом сами взносы и страховые выплаты производятся в национальной валюте — в белорусских рублях.

Для каждого вида обязательного автострахования в Беларуси размеры страховых взносов установлены отдельно.

Ещё одной особенностью страхового законодательства Республики Беларусь и отличием от российских нормативных правовых актов является то, что размеры страховых взносов по обязательному автострахованию дифференцированы законодателем республики в зависимости от марок автомобиля: для автомобилей марок ВАЗ, СЕАЗ, КАМАЗ, ЗАЗ, «МОСКВИЧ», АЗЛК, ИЖ, ГАЗ, ЛУАЗ, УАЗ страховые тарифы значительно, иногда в несколько раз, ниже страховых взносов для автомобилей других марок [13]. Таким образом в Республике Беларусь реализована одна из форм поддержки отечественного автопроизводителя и владельцев автомобилей, произведённых в некоторых соседних государствах.

В целом страховые тарифы по обязательному автострахованию в двух государствах рассчитываются по аналогичным критериям — учитываются:

- срок страхования;
- возраст и стаж вождения страхователя;
- территория преимущественного использования транспортного средства (в Беларуси — место регистрации транспортного средства);
- аварийность использования транспортного средства (коэффициент «бонус-малус»);
- технические характеристики, конструктивные особенности, назначение использования транспортного средства (легковые, грузовые автомобили, мотоциклы, мопеды, автобусы, трамваи, троллейбусы, такси, тракторы, тягачи, самоходные дорожно-строительные и иные машины).

В отношении технических характеристик легковых автомобилей, мотоциклов, мопедов и т.п. в качестве критерия для расчёта страхового тарифа в Беларуси используется объём двигателя (в кубических сантиметрах), а в России — мощность двигателя (в лошадиных силах).

Отличием в расчёте страховых тарифов в двух рассматриваемых государствах является то, что критерии «срок страхования» и «мощность двигателя» в нашей стране учитываются при расчёте тарифа применением соответствующих корректирующих коэффициентов страховых тарифов к базовым ставкам страхового тарифа, а в Республике Беларусь по данным критериям изначально дифференцируется размер страхового взноса, к которому впоследствии применяются корректирующие коэффициенты места регистрации транспортного средства, класса аварийности, возраста и стажа вождения [15].

В нашей стране, в отличие от Республики Беларусь, при определении страховых тарифов также учитывается через применение соответствующих коэффициентов сезонность и иное временное использование транспортного средства, а также количество лиц, допущенных к управлению транспортным средством [9]. В Беларуси данные критерии при расчёте страхового тарифа не используются.

В вопросах осуществления надзора и контроля за страховой деятельностью в целях обеспечения соблюдения требований законодательства о страховании, эффективного развития страховых услуг, защиты прав и интересов страхователей, страховых организаций и государства в Российской Федерации и в Республике Беларусь также есть определённые отличия:

- в Беларуси данные вопросы отнесены к компетенции органа исполнительной власти — Министерства финансов и территориальных органов Министерства финансов Республики [12];
- в России Центральный банк РФ — особый публично-правовой институт в РФ — в настоящее время регулирует, контролирует и надзирает за осуществлением страхования, в том числе в сфере ОСАГО.

Помимо указанных органов, правоохранительные и таможенные органы обеих стран осуществляют контроль исполнения автовладельцами требований по обязательному страхованию каждый в своей компетенции: органы, ответственные за безопасность дорожного движения — в части контроля наличия действующих полисов обязательного автострахования у автовладельцев при дорожном движении внутри страны, таможенные органы — при пересечении автовладельцами государственной границы.

Для осуществления расчётов с потерпевшими в случаях причинения вреда их жизни и (или) здоровью неустановленным транспортным средством либо транспортным средством, владелец которого не заключил договор страхования и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь создаются соответствующие фонды денежных средств.

Отличием между странами в формировании этих фондов заключается в том, что в России данный фонд, называемый «резервом компенсационных выплат», формируется профессиональным объединением страховщиков — некоммерческой корпоративной организацией, создаваемой в организацион-

но-правовой форме ассоциации (союза) и представляющей собой единое общероссийское профессиональное объединение, основанное на принципе обязательного членства страховщиков, за счёт обязательных взносов его участников [5]. Размещение временно свободных денежных средств профессионального объединения страховщиков допускается в кредитных организациях.

В Республике Беларусь для этих целей создан «Фонд защиты потерпевших в результате дорожно-транспортных происшествий по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств», который формируется, в основном, за счёт обязательных взносов страховщиков, являющихся членами Белорусского бюро по транспортному страхованию (участие страховщиков в данном бюро является обязательным). Временно свободные денежные средства Белорусское бюро по транспортному страхованию может инвестировать только в государственные ценные бумаги, ценные бумаги Национального банка, ценные бумаги государственных банков (кроме акций), недвижимое имущество (кроме жилых помещений), при этом инвестирование осуществляется на основании договоров, заключенных с государственными банками [14]. Таким образом, формирование и расходование данного финансового страхового фонда находится под контролем государства.

Развитие информационных технологий оказало влияние на совершенствование обязательного автострахования в обеих странах. Так, к примеру, и в России, и в Беларуси законодательством предусмотрена возможность для автовладельцев оформить полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в электронном виде: в российском законодательстве такое право для автовладельцев предусмотрено статьёй 15 Федерального закона об ОСАГО, в белорусском — статьёй 155 «Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь», утверждённого Указом Президента Республики Беларусь от 25.08.2006 № 530 «О страховой деятельности», и подробно раскрыто в главе 3 «Правил проведения обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств», утверждённых Приказом Белорусского бюро по транспортному страхованию от 01 августа 2019 г. № 31-од.

Однако есть особенность использования электронных полисов обязательного автострахования в каждой из рассматриваемых стран, к примеру, при необходимости подтверждения его наличия сотруднику инспекции безопасности дорожного движения: в Республике Беларусь оформление электронного полиса автоматически фиксируется в автоматизированной ин-

формационной системе по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств Белорусского бюро — АИС «Бюро», которой пользуются и сотрудники инспекции и органы регистрации транспортных средств [15]. Таким образом, для автовладельца отсутствует необходимость предъявления бумажной или электронной копии полиса. В нашей стране, несмотря на то что в Федеральном законе об ОСАГО продекларировано наличие и использование автоматизированной информационной системы (далее АИС) обязательного страхования, на практике, к примеру, при проверке документов сотрудниками ГИБДД автовладельцам необходимо предъявить сотруднику ГИБДД бумажную или электронную копию полиса. Кроме того, в законодательстве РФ прямо определено, что при совершении в отношении транспортного средства регистрационных действий исполнение обязанности его владельца по страхованию своей гражданской ответственности подтверждается путём предъявления сотруднику регистрирующего органа страхового полиса обязательного страхования на бумажном носителе, а в случае заключения договора обязательного страхования в порядке, установленном пунктом 7.2 статьи 15 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в виде электронного документа или его копии на бумажном носителе [10]. Аналогично, в 2.1.1 (1) Правил дорожного движения [11] установлена обязанность водителя представить по требованию сотрудников полиции для проверки страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности транспортного средства, который может быть представлен на бумажном носителе, а в случае оформления электронного полиса — в виде электронного документа или его копии на бумажном носителе.

Таким образом, в нашей стране АИС в полном объёме не функционирует, что создаёт определённые сложности для российских автовладельцев, оформивших электронный полис ОСАГО, но вынужденных иметь при себе бумажную либо электронную копию данного полиса обязательного автострахования.

В целом системы обязательного страхования автогражданской ответственности в обоих государствах весьма похожи, при этом существуют определённые отличия, которые делают институт ОСАГО в Республике Беларусь для автовладельцев и, в частности, автовладельцев-резидентов, более удобным, простым и доступным. Представляется, что при согласовании единых условий страхования автогражданской ответственности в рамках Союзного государства все положительные моменты ОСАГО России и Беларуси должны быть учтены.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — С. 4–6.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 года № 4015-1 // Российская газета, № 6, 12.01.1993.
4. О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 1995, № 50, ст. 4873.

5. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федеральный закон от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 06.05.2002, № 18, ст. 1720.
6. О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 01 июля 2011 года № 170-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 04.07.2011, № 27, ст. 3881.
7. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 15.07.2002, № 28, ст. 2790.
8. О национальном страховом бюро «Зелёная карта» Распоряжение Правительства РФ от 19.03.2008 № 337-р // Собрание законодательства РФ, 24.03.2008, № 12, ст. 1167.
9. О страховых тарифах по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств: указание Банка России от 08 декабря 2021 года № 6007-У (ред. от 28.07.2022) // Вестник Банка России, № 1, 12.01.2022.
10. О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Положение Банка России от 19 сентября 2014 года № 431-П (ред. от 15.07.2021): зарегистрировано в Минюсте России 01.10.2014 № 34204 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.09.2022).
11. Правила дорожного движения: утверждены постановлением Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090 // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 22.11.1993, № 47, ст. 4531.
12. О страховой деятельности: Указ Президента Республики Беларусь от 25.08.2006 № 530 [Электронный ресурс] // http://www.btib.org/download_files/ukaz_530_v_red_27-09-2021.pdf (дата обращения 10.09.2022).
13. Об установлении размеров страховых тарифов, страховых взносов, лимитов ответственности по отдельным видам обязательного страхования: Указ Президента Республики Беларусь от 25.08.2006 № 531 [Электронный ресурс] // http://www.btib.org/download_files/normative_acts/ukaz_531.pdf (дата обращения 10.09.2022).
14. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 25.08.2006 № 530: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 04.11.2006 № 1462 [Электронный ресурс] // http://www.btib.org/download_files/postanovlenie_sm_1462_v_red_18-10-2021.pdf (дата обращения 10.09.2022).
15. Правила проведения обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств: утверждены Приказом Белорусского бюро по транспортному страхованию от 01.08.2019 № 31-од [Электронный ресурс] // http://www.btib.org/download_files/prikaz_31-od_v_red_22_02_2022.pdf (дата обращения 10.09.2022).
16. Фомченков Т., Яковлев В. Как оформить страховку на машину в Беларуси и в России // Союз. Беларусь-Россия. № 8 (1020). 02.03.2022 // <https://rg.ru/2022/03/02/kak-oformit-strahovku-na-mashinu-v-belarusi-i-rossii.html> (дата обращения 14.09.2022).

Эффективность конфискации в российском уголовном праве: о постановке проблемы

Лобанов Никита Вадимович, аспирант

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Указанная статья посвящена постановке проблемы эффективности института конфискации в уголовном праве на современном этапе его развития. Произведен анализ научных позиций относительно категории эффективности как в праве, так и в иных дисциплинах. На основании статистических данных сделан вывод о преждевременности исключения конфискации из числа дополнительных видов наказаний.

Ключевые слова: уголовное наказание, конфискация имущества, меры уголовно-правового характера, экономия уголовно-правовой репрессии.

Effectiveness of confiscation in Russian criminal law: about setting problems

Lobanov Nikita Vadimovich, graduate student

Omsk State University named after FM Dostoevsky

This article is devoted to the problem of the efficiency of the confiscation in Russian criminal law on the modern stage of its development. Conducted a review of scientific opinions concerning the efficiency in law and in other disciplines. Basing on statistical data the article comes to a conclusion that excluding of the confiscation from the list of complementary punishments was premature.

Keywords: criminal penalty, confiscation of property, measures of criminal law, expediency of penalty.

Институт конфискации в российском праве прошел трудный путь, сопровождавшийся как его включением, так и исключением из Уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на это, он по сей день остается,

возможно, одним из самых спорных институтов уголовного права.

В этой связи представляется своевременным постановка вопроса об эффективности конфискации как института уголовного права на современном этапе развития.

Отметим, что в зависимости от применимой сферы знаний категория эффективности приобретает разное наполнение.

Так, эффективным, согласно толковому словарю Ожегова, является то, что дает эффект. Эффект, в свою очередь, определяется как действие как результат чего-нибудь [1, с. 910].

В области экономики эффективность рассматривается соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами [2, с. 17].

Определения, схожие с приведенным, предложены и техническими науками. В частности, в электроэнергетике об эффективности процесса, операции, проекта говорит результативность, определяемая как отношение эффекта, результата к затратам, обусловившим его получение [3].

В свою очередь, с точки зрения философии эффективность — способность причины создавать определенный эффект [4, с. 200].

Как видим, общим в означенных дефинициях является указание на зависимость между результатом действия и средствами, направленными на его достижение.

Существует несколько подходов к пониманию сущности эффективности в праве. В частности, комментируя позитивистское учение Ганса Кельзена, Н. В. Варламова указывает, что «...цель правового регулирования заключается в обеспечении определенного (желательного для государства) поведения людей и соотносится с реальным их поведением (результат) и государственно-властными ресурсами (мерами государственного принуждения), которые оказались необходимыми для приведения поведения людей в соответствие с предписаниями правовых норм [5, с. 214]». Кроме того, исходя из либертарного типа правопонимания, ученый также полагает, что «...если целью правового регулирования признается обеспечение свободы в социальной жизни, то ресурсом, за счет которого она может быть достигнута, является ограничение свободы, а результат образует гарантируемая мера свободы... Эффективным правовое регулирование может быть признано, если оно обеспечивает максимальные гарантии прав и свобод при минимальном их ограничении» [5, с. 217].

С. А. Жинкин предлагает оценивать при эффективности правовой нормы также ее психологическое воздействие, отмечая, что «в теоретико-методологическом плане» плюралистический подход к проблеме эффективности права связан с широким философско-антропологическим подходом, согласно которому эффективность права представляет собой нахождение и осуществление правом осмысленного, безопасного, психологически комфортного как для отдельного человека, так и для общества в целом способа существования личности» [6, с. 9].

Также эффективность в праве в научной литературе рассматривается как результативность правового инструментария, его способность производить необходимый эффект в общественной жизни [7, с. 151]; степень достижения правовых целей действующего законодательства в различных сферах правовой

регуляции [8 с. 210]; «способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном полезном для общества направлении» [9, с. 3]; способность с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения [10, с. 26].

Все же, не отрицая многоаспектность права, следует, тем не менее, исходить из его назначения как социального регулятора. В этой связи целесообразно принимать во внимание назначение правовой нормы, заложенное в нее законодателем.

Кроме того, правовая норма в отсутствие практического воздействия на общественные отношения теряет свою цель, приводит к появлению негативных правовых явлений, в связи с чем также следует обращать внимание на наличие или отсутствие ее положительного воздействия на общественные отношения в целом.

Таким образом, полагаем, что под эффективностью в праве целесообразно понимать зависимость между нормативным предписанием и его практическим воплощением.

Нетрудно догадаться, что вопрос эффективности действия права приобретает в уголовном праве особую значимость ввиду публично-правовой природы данной отрасли, поскольку от высокой результативности правоприменения в этой отрасли зависит нормальное функционирование весомой части общественных отношений.

В этой связи одной из фундаментальных целей нормотворчества в этой отрасли является поиск баланса между излишней гуманизацией законодательства, приводящей к отрицательной эффективности действия норм права, и позицией «цель оправдывает средства».

В частности, среди принципов уголовного права в науке выделяется принцип экономии уголовной репрессии. Его сущность, как отмечает В. М. Степашин, заключается в том, что «применяемая репрессивная уголовно-правовая мера должна быть минимально необходима и достаточна для достижения задач и целей уголовно-правового воздействия; наказание применяется лишь при недостаточности альтернативных мер уголовной ответственности» [11, с. 185–186].

В этой связи целесообразно рассмотреть вопрос эффективности конфискации в сравнении ее как дополнительного вида наказания и как иной меры уголовно-правового характера.

Так, в изначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации статья 52 содержала следующее определение конфискации в качестве дополнительного вида наказания: «Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного. Конфискация имущества устанавливается за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, и может быть назначена судом только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особой части настоящего Кодекса» [12].

Как видим, изначально конфискация рассматривалась законодателем в качестве имущественной санкции за преступления с повышенной степенью общественной опасности с корыстным элементом.

Стоит отметить, что в правоприменительной практике приведенное наказание применялось достаточно успешно. Так,

согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации конфискация за период с 1997 по 2003 гг. применялась чаще остальных дополнительных наказаний, а за 2003 год была назначена 16663 осужденным (2,2% от общего числа) [13].

Тем не менее, Государственной Думой Российской Федерации в 2003 году был внесен на рассмотрение и одобрен законопроект № 304898-3, которым, в частности, предусматривалось исключение конфискации из Уголовного кодекса. При этом в пояснительной записке законопроекта указывалось на то, что, «многие уголовно-правовые нормы необходимо совершенствовать, а уголовная политика государства нуждается в гуманизации». Непосредственное предложение об исключении конфискации было принято законодателем «с учетом весьма низкой эффективности» данного института [14].

В настоящее время конфискация имплементирована законодателем в Уголовный кодекс уже в качестве иной меры уголовно-правового характера.

В частности, конфискации в силу статьи 104.1 Кодекса теперь подлежат имущество и доходы от него, полученные в результате совершения преступлений, указанными в пункте «а» приведенной статьи, а также орудия их совершения. В число таких преступлений, к примеру, отнесены легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (статья 174), террористический акт (статья 205), получение взятки (статья 290). По непонятным причинам из перечня преступлений, охватываемых конфискацией, исключен ряд преступлений против собственности (кража, грабёж, разбой).

При этом статистика применения конфискации имущества с момента ее возвращения за период 2008–2019 гг. колеблется уже в пределах 0,1–0,4% от общего числа осужденных [15, с. 42].

Кроме того, как справедливо отмечают Татарников В. Г. и Тарасова М. В. [16, с. 62], конфискация в своем нынешнем виде обладает крайне слабым превентивным потенциалом, в особенности, в сфере коррупционных преступлений, известных высоким уровнем латентности.

К примеру, в 2014 году за совершение преступления, предусмотренного частью 4 статьи 290 Уголовного кодекса (получение взятки лицом, занимающим государственную должность

Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления), конфискация не назначена ни одному осужденному. За 2015 год конфискация за получение взятки назначена 88 осужденным из 1702, то есть 5% от общего числа. В 2016 году динамика не изменилась — 67 осужденных от 1334, или 5%. В 2017 году за получение взятки осуждено 1098 лиц. При этом конфискация имущества применена лишь к 65 осужденным, что составляет 5,9% от общего числа.

Указанные авторы также обращают внимание на то, что конфискация в отечественном уголовном праве направлена на изъятие средств совершения преступлений (так называемая специальная конфискация), а не имущества, принадлежащего виновному, что лишает ее карательного элемента, а следовательно — должной эффективности.

Приведенный тезис подтверждается материалами судебной практики.

Так, по делу, являвшемуся предметом рассмотрения Алтайского краевого суда, обвиняемому вменялась незаконная рубка лесных насаждений. По результатам рассмотрения дела обвиняемый признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 260 Уголовного кодекса Российской Федерации, применена конфискация вещественного доказательства (бензопила) в доход государства [17].

В другом деле предметом судебного разбирательства являлась дача взятки должностному лицу. В приговоре суд пришел к выводу о его виновности и постановил денежные средства, переданные в качестве взятки, конфисковать в доход государства [18].

Таким образом, принимая во внимание приведенные статистические данные, следует констатировать снижение случаев ее применения в правоприменительной практике после ее возвращения в качестве иной меры уголовно-правового характера. Соответственно, снижение случаев свидетельствует ни о чем ином, как о снижении эффективности конфискации как уголовно-правового института.

В этой связи полагаем, что смена законодателем концепции уголовной политики в сторону смягчения уголовной репрессии была явно поспешна, для решения этой проблемы целесообразно вернуть конфискацию в качестве дополнительного вида наказания.

Литература:

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — 21-е изд., перераб. и доп. — М.; Рус. Яз., 1989. 924 с.
2. ГОСТ Р ИСО 9000–2015. Системы менеджмента качества. Основные положения. // М.: Стандартинформ, 2016. 48 с.
3. Коммерческая электроэнергетика: слов.-справ. М.: НИЦ ЭНАС, 2006. 112 с.
4. Кожокарь И. П. Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Выпуск № 48. С. 196–225.
5. Варламова Н. В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. С. 212–232.
6. Нугаева Н. Р. Проблема эффективности права в истории отечественного правоведения // История государства и права. 2015. № 21. С. 8–13.
7. Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. — М.: Юрист, 1999. — 517 с.
8. Нерсисянц В. С. Теория права и государства / В. С. Нерсисянц. — М.: Норма, 2009. — 816 с.
9. Чечот Д. М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / Д. М. Чечот, А. С. Пашков // Советское государство и право. — 1965. — № 8. — С. 3–11.

10. Фаткуллин Ф.Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф.Н. Фаткуллин, Л.Д. Чулюкин.— Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1977.— 119 с.
11. В. М. Степашин. Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении // В. М. Степашин // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции, Омск, 27 марта 2020 года.— Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2020. С. 185–191.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
13. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074>
14. Законопроект № 304898–3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части гуманизации уголовно-правовых норм)» // URL-ссылка: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/304898-3>.
15. Куликов А. В., Хибнерс А. Ю. Проблемы назначения и применения конфискации имущества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. С. 39–46.
16. Татарников В. Г., Тарасова М. В. Юридическая природа конфискации имущества в российском уголовном законодательстве // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 2 (16). С. 61–64.
17. Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 17.12.2020 по делу № 22–5296/2020 // [Электронный ресурс] URL-ссылка: https://sudact.ru/regular/doc/Qnk73VuivfxV/?page=3®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ularlawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+104.1.+%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%B8%D0%BC%D1%83%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%28%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4%29®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular_txt=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F&_=1657692593256®ular-judge=&snippet_pos=1642#snippet.
18. Приговор Шемышейского районного суда от 24.03.2021 по делу № 1–18/2021 // // [Электронный ресурс] URL-ссылка: <https://sudact.ru/regular/doc/xiDbhSDtatx4/>.

Роль адвоката при пересмотре гражданских дел в суде апелляционной инстанции

Лукин Денис Андреевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье выявлена роль адвоката при пересмотре гражданских дел в суде апелляционной инстанции. Автором отмечено, что роль адвоката при составлении апелляционных жалоб заключается в обязательном учете оснований, при которых эти жалобы оставляются судьей без движения или возвращается лицу, их подавшему. В статье показаны отдельные аспекты, на которые должен обратить внимание адвокат, обжалующий решение в апелляционном порядке по просьбе своего доверителя.

Ключевые слова: адвокат, пересмотр, апелляционная инстанция, гражданские дела, жалоба, доверитель.

The role of lawyer in reviewing civil cases in court appellate instance

The article reveals the role of a lawyer in the review of civil cases in the court of appeal. The author notes that the role of a lawyer in drafting appeals is to take into account the grounds for which these complaints are left without movement by the judge or returned to the person who filed them. The article shows some aspects that a lawyer who appeals against a decision on appeal at the request of his client should pay attention to.

Keywords: lawyer, review, appellate instance, civil cases, complaint, principal.

В соответствии со статьей 48 ГПК РФ [1] граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Правовой институт представительства и соответствующая ему гражданская категория известны давно и представляют собой

не только особое правовое явление, но и имеют весьма важное значение, так как наличие такого института предоставляет возможность для субъекта права действовать за пределами своей физической досягаемости, участвовать в отношениях, свя-

занных с возникновением, изменением и прекращением субъективных прав и обязанностей вне зависимости от своего фактического местонахождения. Кроме того, институт представительства позволяет субъекту привлекать к участию в правоотношении лиц, обладающих специальными знаниями в области права, что в условиях гражданских правоотношений имеет немаловажное значение. Все эти свойства института представительства всегда привлекали внимание правоведов. Таким образом, возникновение института представительства обусловлено тем, что лицо не может или не желает осуществлять самостоятельно действия и поэтому требуются услуги иных лиц — представителей.

Участие адвоката в пересмотре судебных актов можно разделить на два этапа: участие в пересмотре в судах апелляционной инстанции, участие в пересмотре судебных актов, вступивших в законную силу. В рассматриваемом контексте нас интересует участие адвоката в пересмотре в судах апелляционной инстанции.

Первое, на что должен обратить внимание адвокат, обжалующий решение в апелляционном порядке по просьбе своего доверителя, это срок обжалования. ГПК РФ [1] предусматривает возможность подачи апелляционной жалобы в срок, не превышающий одного месяца со дня принятия решения. При этом днем принятия решения признается день, когда решение сформулировано в полном объеме. Адвокат должен учитывать порядок исчисления сроков, например, при обжаловании решений, принимаемых в порядке упрощенного производства.

Подаявая апелляционную жалобу, адвокату необходимо проследить, все ли сведения, требуемые ст. 322 ГПК РФ [1], указаны в жалобе. Тем более это важно в свете не так давно введенных изменений Федеральным законом от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ [2]. Указанным законом сделан акцент на обязанности представителя подтвердить свои полномочия, если в деле отсутствуют подтверждающие документы.

Кроме того, законом перераспределяются полномочия сторон по уведомлению другой стороны о факте подачи апелляционной жалобы и прилагаемых к ней документах. До 1 октября 2019 года жалоба и прилагаемые к ней документы подавались в суд по количеству лиц, участвующих в деле. После 1 октября 2019 года к жалобе необходимо приложить документы, подтверждающие их направление или вручение другим лицам. Это необходимо иметь ввиду адвокату, который по просьбе клиента обращается за апелляционным обжалованием.

Несомненным положительным аспектом такого нововведения является то, что у оппонента имеется достаточно вре-

мени, чтобы подготовить отзыв на жалобу. Поэтому он сможет сформулировать аргументированную правовую позицию по жалобе, что сэкономит суду время на рассмотрение дела в апелляционном порядке.

Ст. 322 ГПК РФ [1] предусматривает формальные требования к содержанию жалобы. Чем «наполнять» жалобу решает адвокат. При ее составлении необходимо помнить, что апелляционная инстанция проверяет законность и обоснованность решения. Поэтому в жалобе должны быть изложены аргументы, подтверждающие или опровергающие данные обстоятельства, в зависимости от того, на чьей стороне действует адвокат [3, с. 144].

Еще одно важное обстоятельство сводится к тому, что суд апелляционной инстанции осуществляет проверку в пределах доводов апелляционной жалобы, выходя за них только для проверки оснований для безусловной отмены судебного постановления. Поэтому все, что адвокат не указал в апелляционной жалобе, приниматься во внимание не будет. А то, что было указано, не допускается подтверждать с помощью доказательств, которые не были рассмотрены в суде первой инстанции.

Представление новых доказательств допускается только в исключительном случае, при обосновании невозможности их предоставления в суд первой инстанции по объективным причинам. Равно как и не допускается заявление в апелляционной инстанции новых требований.

Эти же обстоятельства должен учитывать и адвокат оппонента. Если им будет установлено, что в жалобе заявлены новые требования или лицо ходатайствует о представлении новых доказательств, он должен указать на это в своем отзыве на жалобу.

Роль адвокатов, при составлении апелляционных жалоб заключается в обязательном учете оснований, при которых эти жалобы оставляются судьей без движения или возвращается лицу, их подавшему.

Если жалоба составлена грамотно, с учетом всех обстоятельств дела, то жалоба передается в соответствующий суд апелляционной инстанции.

Хотя ГПК РФ [1] предусматривает, что дело должно рассматриваться по правилам разбирательства в суде первой инстанции, адвокату необходимо учитывать, что некоторые правила в апелляционной инстанции не применяются. Так, нельзя осуществлять распорядительные права, менять ответчика, привлекать третьих лиц.

Таким образом, формируя процессуальную позицию по делу, адвокат должен учитывать те рекомендации, которые он давал сторонам в суде первой инстанции, но с учетом особенностей рассмотрения дела в апелляции.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. № 220. 20.11.2002.
2. Федеральный закон от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.
3. Жилин Г. А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2002. — 316 с.

Роль адвоката при пересмотре гражданских дел в суде кассационной инстанции

Лукин Денис Андреевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье выявлена роль адвоката при пересмотре гражданских дел в суде кассационной инстанции. Автором отмечено, что функция адвоката на стадии кассационного пересмотра по сравнению с первой и апелляционной инстанцией меняется коренным образом. В статье показаны отдельные аспекты, на которые должен обратить внимание адвокат, обжалующий решение в кассационном порядке по просьбе своего доверителя.

Ключевые слова: адвокат, пересмотр, кассационная инстанция, гражданские дела, жалоба, доверитель.

The role of a lawyer in reviewing civil cases in court cassation instance

The article reveals the role of a lawyer in the review of civil cases in the court of cassation instance. The author notes that the function of a lawyer at the stage of cassation review in comparison with the first and appellate instance is changing radically. The article shows some aspects that a lawyer who appeals a decision in cassation at the request of his principal should pay attention to.

Keywords: lawyer, review, cassation instance, civil cases, complaint, principal.

Все лица, участвующие в деле, а также иные лица, чьи права были нарушены обжалуемым судебным постановлением, обладают правом обратиться в суд кассационной инстанции независимо от их участия в рассмотрении дела по первой инстанции (ст. 376 ГПК РФ) [1].

Однако ГПК РФ [1] придерживается правила последовательного обжалования. Поэтому обращение в суд кассационной инстанции допускается только при условии предварительного обжалования судебного постановления в апелляции и первой кассации. В связи с этим, подавая кассационную жалобу, адвокат должен убедиться, что все остальные способы обжалования исчерпаны.

Несмотря на то, что жалоба адресуется в кассационный суд, подается она через суд, который принял обжалуемое судебное постановление. В полномочия этого суда входит решение о принятии жалобы к производству.

Если жалоба была подана непосредственно в суд кассационной инстанции, ее могут вернуть, что может привести к пропуску установленного срока кассационного обжалования (три месяца на первую кассацию и три — на вторую). Причем восстановлен срок в этом случае не будет, т.к. уважительность его пропуска отсутствует [3, с. 98].

Важно помнить и об особенностях исчисления срока. Ошибочное мнение, что срок исчисляется с момента получения копии мотивированного судебного постановления, может также привести к пропуску срока кассационного обжалования.

Современное гражданское процессуальное законодательство требует от адвоката знания информационных технологий, поскольку в настоящее время обращение в суд, обжалование судебных постановлений, совершение отдельных процессуальных действий возможно посредством Интернет.

Функция адвоката на стадии кассационного пересмотра по сравнению с первой и апелляционной инстанцией меняется коренным образом. Если в первой и апелляционной инстанции у адвоката есть возможность по ходу процесса корректировать

свою позицию, в суде кассационной инстанции такой возможности нет.

Суд кассационной инстанции пересматривает дело и проверяет законность обжалуемого постановления в рамках тех документов, которые уже имеются в деле. Поэтому составляя кассационную жалобу, адвокат должен проанализировать все имеющиеся в деле материалы, изучить протоколы судебных заседаний и их аудиозаписи, пересмотреть все постановления, которые принимались судами при рассмотрении дела.

Такой анализ имеющихся процессуальных документов должен сопровождаться подробнейшим изучением материального и процессуального права.

В первую очередь, цель такого изучения должна заключаться в том, чтобы обнаружить, а впоследствии обосновать основания обращения в суд кассационной инстанции. Дело в том, что ГПК РФ [1], как и другие процессуальные кодексы стараются свести к минимуму перечень оснований для обращения в суды кассационной инстанции, особенно во второй кассации [2, с. 22]. И учитывая, что в кассации проверяется только законность судебного постановления, адвокату нужно очень грамотно составить кассационную жалобу.

Значение кассационной инстанции заключается еще и в том, что доступ в Президиум Верховного Суда РФ, т.е. в надзорную инстанцию, возможен только после пересмотра судебного постановления в кассационной инстанции.

Поэтому грамотно составленная кассационная жалоба позволит избежать обращения за пересмотром в инстанцию надзорную или, наоборот, откроет в нее путь. При этом Президиум Верховного Суда РФ, пересматривая судебное постановление в порядке надзора, проверяет лишь его законность в пределах материалов дела. Президиум не может устанавливать новые обстоятельства, которые не были предметом рассмотрения в нижестоящих инстанциях.

Подготавливая кассационную жалобу, адвокат должен указать все сведения, который требуется указать в соответствии

с требованиями ст. 378 ГПК РФ [1]. Так же, как и в апелляции, необходимо не забыть указать сведения, подтверждающие полномочия адвоката на обжалование судебного постановления.

Составление кассационной жалобы тоже обладает своей спецификой. В деле уже есть материалы, которые отражают ход мыслей судьи, рассматривающего дело ранее. Поэтому в кассационной жалобе необходимо сосредоточиться на обосновании обстоятельств, которые могут послужить основаниями для отмены или изменением судебного постановления. При этом адвокату целесообразно кратко изложить суть исковых требований, основные аргументы, которые легли в основу решения, принятого судьей, и, наконец, требования, о которых просит адвокат.

Суд кассационной инстанции тоже проверяет законность судебного постановления в пределах доводов жалобы. В любом случае он обязан проверить наличие оснований для безусловной отмены судебного постановления. Адвокат не вправе давать юридическую квалификацию дела, это право и обязанность судьи. Но адвокат может при составлении кассационной жалобы таким образом изложить свою правовую позицию, чтобы суду бросились в глаза те обстоятельства, которые хочет

подчеркнуть адвокат. Как уже было указано, право предоставления новых доказательств в суде кассационной инстанции ограничено законом. Следовательно, если суду представляется новое доказательство, в жалобе необходимо сразу же обосновать, по каким причинам данное доказательство не было представлено в суд первой инстанции.

Уделяя внимание содержанию кассационной жалобы, адвокат не должен забывать и о соблюдении формальных требований. Так, госпошлина должна быть уплачена в размере, определяемом законом. Другими словами, адвокат должен исключить основания для отказа в принятии кассационной жалобы к производству.

В завершении отметим, что если адвокат представляет интересы стороны, против которой подана кассационная жалоба, то он должен приложить усилия для того, чтобы грамотно изложить возражения по всем доводам, изложенным в кассационной жалобе. Возражения вправе представлять все лица, участвующие в деле. Другим категориям участников гражданского процесса такое право не предоставлено. Поэтому необходимо аргументировано дать возражения по каждому резону лица, изложенному в жалобе.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. № 220. 20.11.2002.
2. Власов А. А. Правовые основания и виды судебного представительства // Адвокатские вести. 2001. № 7. С. 22–25.
3. Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 2000. — 318 с.

Судебная система Великобритании

Михайлова Анна Анатольевна, студент магистратуры
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова (г. Чебоксары)

Статья посвящена вопросам правового устройства судебных системы Великобритании. Автором рассмотрены вопросы классификации судебных систем, вопросы реформирования, исторических предпосылок становления судебной системы Великобритании.

Ключевые слова: суды Великобритании, судебная система Англии и Уэльса, судебная система Шотландии и Северной Ирландии, судебные органы, Апелляционный суд, Верховный суд, Суд Короны, юрисдикция, право.

The judicial system of the United Kingdom

The article is devoted to the legal structure of the UK judicial system. The author considers the issues of classification of judicial systems, issues of reform, historical prerequisites for the formation of the judicial system in Great Britain.

Keywords: courts of Great Britain, judicial system of England and Wales, judicial system of Scotland and Northern Ireland, judiciary, Court of Appeal, Supreme Court, Crown Court, jurisdiction, law.

Цель исследования — определение особенностей судебной системы Великобритании, определение функции, юрисдикции судов Англии и Уэльсе, Шотландии и Северной Ирландии. Научная новизна состоит в комплексном анализе судебной системы каждого государства Среднего Королевства с позиции принципа единства и дифференциации с учетом потребностей в их реформировании.

В исследовании применялись следующие *методы*: анализ, синтез, системный анализ, метод восхождения от абстрактного конкретному, сравнительно-правовой метод, формально-юридических методов.

Судебная система Соединенного Королевства Великобритании — это совокупность судебных органов, которые осуществляют правосудие в Северной Ирландии, Англии и Уэльсе,

Шотландии. Стоит отметить, что характерной чертой судебной системы Великобритании является ее неоднородность и независимость. Англия и Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия, и даже острова Провиала и Мэн имеют собственные судебные системы.

Суды в Великобритании, а именно в Северной Ирландии, Шотландии, Англии и Уэльса, отличаются по форме деятельности. Они также подчиняются разным законам. Эти три системы отражают историческое происхождение ранее независимых частей Великобритании. Высшей инстанцией данных судебных систем является Верховный Суд Великобритании, которая начала функционировать с 01.10.2009 года, что кардинально изменила систему судов палаты лордов.

Так, Судебная система Англии и Уэльса состоит из так называемых «высших судов», которыми являются Апелляционный суд, Высокий суд правосудия и Суд Короны. Суд Короны рассматривает наиболее сложные уголовные дела. К нижестоящим судам относят суды графств, семейные и мировые суды, а также трибуналы. Также в Англии и Уэльсе имеются такие специальные суды, как церковный и военный [1, с. 371], промышленные трибуналы. [2, с. 624].

Система судов Северной Ирландии включает в себя Апелляционный суд, Высокий суд правосудия, Суд короны (Coroners Courts) (высшие суды), а также мировые суды и суды графств (нижестоящие суды). Судам Короны подсудны дела проверки по факту внезапной или подозрительной смерти [3].

Шотландская судебная система исторически выделяется среди остальных в Великобритании. Высшими судами Шотландии являются Сессионный суд (по гражданским делам) и Высший уголовный суд (по уголовным делам). При этом в Шотландии Верховный суд Великобритании имеет апелляционную юрисдикцию только над гражданскими делами. Низшие суды Шотландии — шерифские, мировые и специализиро-

ванные. В Шотландии судом высшей инстанции по уголовным делам является Высший уголовный суд Шотландии, а не Верховный суд Великобритании [4, с. 117–119].

Судами Великобритании управляет Министерство юстиции. По рекомендации премьер-министра монарх назначает судью. Но при этом судьи действуют независимо от правительства. Суды рассматривают дела, которые связаны с гражданскими, уголовными, государственными и частными законами. Уголовные дела проходят в открытом судебном заседании с участием 12 или 15 (в Шотландии) присяжных, которые принимают единогласное решение. Однако, например, в Северной Ирландии судебные заседания по обвинению в террористических актах могут проводиться без участия присяжных заседателей.

В Великобритании судебная, законодательная и исполнительные власти тесно переплетаются между собой. В ходе анализа институтов властей можно сделать, что происходит не столько разделение, а сколько их слияние [5].

Однако если говорить о судебной власти, то в отличие от других ветвей власти в Великобритании, исторически, она имеет большую автономность. Развитие независимости института судебной власти на законодательном уровне можно проследить, начиная с 18 века.

Стоит отметить, что Великобритания была государством-членом Европейского союза 47 лет, что конечно же повлияло на судебную систему страны. Так, благодаря ЕС правовая система Соединенного Королевства сблизилась с правовыми системами, в частности с романо-германской, других стран членов ЕС [6, с. 52–60]. Государству необходимо было соблюдать решения европейских судов, так как их юрисдикция распространяется на все государства Европейского союза [7, с. 416].

Таким образом, судебная система Великобритании — это результат исторического развития самой страны и ее частей.

Литература:

1. Попова, А. В. Конституционное право зарубежных стран: учебник и практикум для вузов / А. В. Попова, М. Г. Абрамова. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 371 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-01448-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/468862>;
2. История государства и права зарубежных стран. Часть 1 / Под ред. проф. Крашенинниковой Н. А. и проф. Жидкова О. А. — М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. — 624 с.;
3. Legal systems in the UK (England and Wales): overview (англ.). Thomson Reuters Practical Law;
4. Руденко В. Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире: монография. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. С. 117–119.;
5. Глаголева О. С. Судебная власть в системе разделения властей Великобритании: история и современность // Международный студенческий научный вестник. — 2019. — № 1.;
6. Волков А. С. — Влияние Европейского Союза на современную правовую систему Великобритании // Право и политика. — 2018. — № 8. — С. 52–60. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.8.27183 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27183;
7. Тонков, Е. В. Значение прецедента в английской доктрине толкования закона // Теория и практика общественного развития. — 2013 г. — № 10. — С. 416.

Сравнительный анализ состояния нормирования в области охраны окружающей среды в Российской Федерации и ряде зарубежных государств

Нещиров Вячеслав Александрович, студент магистратуры
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

Устойчивое социально-экономическое развитие России может быть в условиях сбалансированности и равновесия, чему способствует в т.ч. такой механизм как нормирование в области охраны окружающей среды (экологическое нормирование). Совершенствованию данного механизма способствует применение такой правовой конструкции как наилучшие доступные технологии, которые давно действуют за рубежом и обладают множеством положительных характеристик, но в России сталкивается с некоторыми сложностями. Так, проведенный сравнительный анализ зарубежной практики осуществления нормирования эмиссий на основе применения наилучших доступных технологий и информации о категориях регулируемых предприятий, видах экологических нормативов, регулируемых загрязняющих веществах, а также подходах определения нормативов выбросов и сбросов загрязняющих веществ в зарубежных странах, позволил сделать вывод о целесообразности одновременного применения репрессивных и экономических мер, стимулирующих переход к производству, отвечающему требованиям, установленным в сфере охраны окружающей среды, вплоть до создания предприятий замкнутого цикла. Также сравнение опыта нормативного регулирования автоматизированных средств измерения и учета объема выбросов загрязняющих веществ на промышленных объектах в России и странах Евросоюза, США и Китая позволило предложить закрепление на уровне федерального законодательства возможные критерии обязательности применения вышеуказанных средств измерения.

Ключевые слова: экологическое нормирование, окружающая среда, негативное воздействие, наилучшие доступные технологии, выбросы загрязняющих веществ.

Государственное регулирование в сфере охраны окружающей среды обладает множеством инструментов, одним из которых является экологическое нормирование. Представители эколого-правовой доктрины, а также законодательство нашей страны и иностранных государств выделяют два его основных направления (рис. 1).

Второе из вышеуказанных направлений предусматривает использование наилучших доступных технологий (далее — НДТ), которые давно используются за рубежом, в частности в странах Евросоюза, Китае, США и Норвегии. Так, Директивой «О промышленных выбросах (о комплексном предотвращении загрязнения и контроле над ним)» НДТ признаны в качестве основного способа нормирования воздействия на окружающую среду и устанавливаются общие правила их применения [2].

Однако предусмотрены и исключения. К примеру, в случае, когда финансовые расходы, которые требуются для дости-

жения предусмотренных для НДТ уровней, несоизмеримо большие из-за технических характеристик источника негативного воздействия на окружающую среду (далее — НВОС), особенностей его географического положения или местных экологических условий, допускается установление менее жестких нормативов воздействия на окружающую среду. Также необходимость минимизации НВОС может возникнуть в границах территорий (акваторий), в отношении которых невозможно соблюдать требования стандартов качества окружающей среды только применяя НДТ.

В России правовую основу нормирования в сфере охраны окружающей среды составляет Федеральный закон «Об охране окружающей среды», в т.ч. устанавливающий экологические критерии, по которым определяются наилучшие технологии. Один из таких критериев подразумевает обеспечение наименьшего уровня НВОС на всех стадиях производства при сохранении его экономической эффективности. Но НДТ внедряются

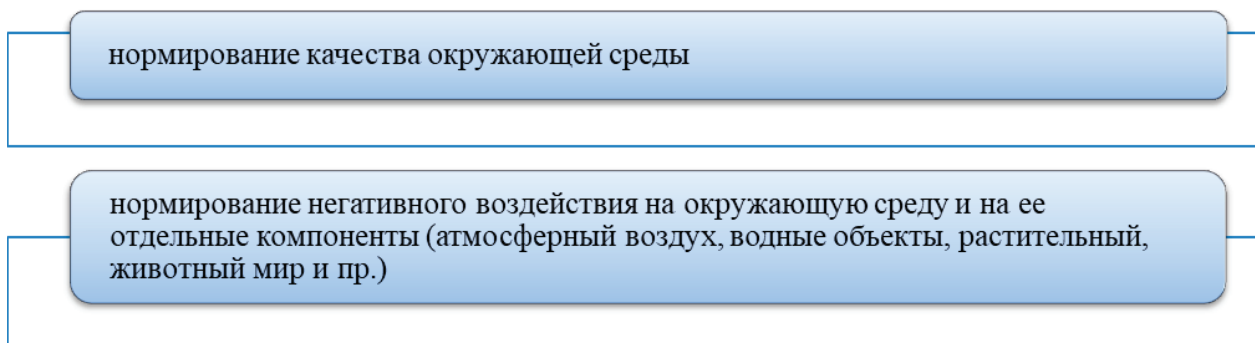

Рис. 1. Основные направления нормирования в области охраны окружающей среды [1, с. 15]

и применяются добровольно, а не в силу установленных требований [3].

Со стороны государства осуществляется поощрение и стимулирование такого внедрения и применения НДТ, в первую очередь, освобождая от платы за НВОС внедривших их субъектов, продекларировавших применение таких технологий и придерживающихся экологических показателей (технологических нормативов), которые предусмотрены для конкретных НДТ. В этих же целях предусмотрен, например, инвестиционный налоговый кредит (ст.ст. 66, 67 Налогового кодекса РФ) и ряд других налоговых льгот [4].

Также со стороны государства помимо поощрительных мер реализуются и репрессивные — в отношении субъектов, продолжающих оказывать НВОС в рамках временно разрешенных нормативов воздействия и отказывающихся от внедрения и применения НДТ, создавая для них экономически невыгодные условия. При этом все жестче становятся условия выдачи соответствующих разрешений, в т.ч. из-за того, что повышающие коэффициенты к базовым ставкам платы за НВОС увеличиваются. Однако ряд субъектов, оказывающих НВОС, как представляется, все равно не откажутся от применения индивидуальных нормативов воздействия на окружающую среду в пользу НДТ.

Таким образом, вызывает сомнение эффективность репрессивных мер в отношении субъектов, оказывающих НВОС, но не применяемых НДТ, поскольку приводят к попыткам с их стороны избежать наказания путем сокрытия истинных масштабов загрязнения и создания коррупционных схем. Более эффективным представляется сочетание репрессивных и экономических мер, стимулирующих переход к производству, отвечающему требованиям, установленным в сфере охраны окружающей среды, вплоть до создания предприятий замкнутого цикла.

Вызывает интерес практика использования автоматизированных средств измерения и учета объема выбросов загрязняющих веществ (или системы непрерывного мониторинга выбросов) в России и за рубежом (страны Евросоюза, США, Китай).

Так, в ст. 67 Федерального закона «Об охране окружающей среды» закреплена обязанность по применению объектами I категории по определяемому Правительством РФ перечню таких средств измерения и учета. Но в основе критериев, которые позволяют отнести тот или иной объект к I категории, вместо показателей объемов загрязнений в разрезе тех или иных загрязняющих веществ лежат определенные виды деятельности и производственные показатели (выпуск продукции за единицу времени и т.п.) [5]. Отечественный законодатель не определил критерии обязательности применения рассматриваемых средств измерения и учета.

В странах Евросоюза Директива «Об ограничении выбросов некоторых загрязняющих воздух веществ от крупных установок сжигания» регулирует применение систем непрерывного мониторинга содержания азота, твердых частиц, оксидов серы в выбросах энергетических установок обеспечивают вышеназванные средства измерения, устанавливаемые обычно на источнике выброса (трубе) [6].

В США соответствующий федеральный стандарт обязует все энергетические установки мощностью более 25 МВт, использующие для своей работы органическое топливо, использовать системы непрерывного мониторинга выбросов, обеспечивающие контроль соответствия установленным для предприятий нормативам допустимых выбросов содержания серы, оксидов углерода, хлористого водорода, ртути, азота и твердых частиц. Проверка таких систем осуществляет каждый год, чтобы обеспечить достоверность получаемых результатов измерений [7].

В Китае с 2001 г. действует национальный стандарт по выбросам для энергетических паровых котлов, работающих на природном газе, с 2003 г. — по выбросам тепловых электростанций, работающих на твердом топливе. Обязательность использования во всех крупных китайских теплоэлектростанциях систем непрерывного мониторинга выбросов обусловлена необходимостью контроля эмиссии твердых частиц, серы, оксидов азота, объемов, давления и температуры дымовых газов [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что требование о применении автоматизированных средств измерения и учета объема выбросов загрязняющих веществ, закрепленное на за-

1) неоднократное в течение одного года выявление органами государственного экологического надзора нарушений объемов и иных условий выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, предусмотренных разрешением на выбросы или комплексным экологическим разрешением

2) осуществление выбросов загрязняющих веществ на основании временно разрешенных нормативов выбросов

Рис. 2. Критерии обязательности применения автоматизированных средств измерения и учета объема выбросов загрязняющих веществ [10]

конодательном уровне в России, соответствует опыту в этой сфере других стран мира. Однако в зарубежных странах использовать данные средства обязаны в основном установки по сжиганию разных видов топлива, а не все крупные источники выбросов загрязняющих веществ, а также определены перечни постоянно контролируемых веществ.

В связи с этим, следует согласиться с необходимостью закрепления на уровне федерального законодательства критериев обязательности применения автоматизированных средств измерения и учета объема выбросов загрязняющих веществ (рис. 2) [9].

Также приобретение, установка и применение автоматизированных средств контроля выбросов требует определенных

затрат, минимизация которых возможна путем разрешения на использование аналогичных средств измерения, обеспечивающих промышленную безопасность, при условии, что они могут измерять, учитывать уровень загрязнения и передавать полученные данные.

Таким образом, в законотворческой и практической сфере РФ, хотя и немало заметных сдвигов, до сих пор значительно расходятся декларируемые цели и их реализация на практике, что препятствует устойчивости развития. При этом отечественное законодательство в сфере охраны окружающей среды соответствует мировому опыту, отвечает современным вызовам и способствует скорейшей нейтрализации возникающих экологических рисков.

Литература:

1. Экологическое право: учебник для академического бакалавриата / под редакцией С. А. Боголюбова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2019. 281 с.
2. Directive 2010/75/EU of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on industrial emissions (integrated pollution prevention and control) // OJ. 2010. № L334. P. 17–119.
3. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; Рос. газета. 2022. № 160.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5301.
5. Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2398 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий» (ред. от 07.10.2021) // СЗ РФ. 2021. № 2 (ч. II). Ст. 447; 2021. № 42. Ст. 7116.
6. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 23 октября 2001 г. № 2001/80/ЕС «Об ограничении выбросов некоторых загрязняющих воздух веществ от крупных установок сжигания» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Исследование действующих практик экологического законодательства в странах ОЭСР, России и Бразилии: отчет. Астана: KAZENERGY, 2018. 357 с.
8. Колесников С.И. Охрана природы и природоохранное законодательство: учебное пособие / С.И. Колесников. М., 2022. 210 с.
9. Об охране атмосферного воздуха: Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2222; 2021. № 24 (ч. I). Ст. 4188.
10. Петрова Т.В. Проблемы нормирования воздействия на окружающую среду в российском законодательстве / Т.В. Петрова // Правоведение. 2018. Т. 62. № 4. С. 640–650.

Юридическая ответственность за разглашение государственной тайны по законодательству Российской Федерации

Нурмагамбетов Талгат Мансурович, студент магистратуры

Научный руководитель: Бровченко Наталья Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В данной статье на основе анализа доктрины, судебной практики, нормативных правовых актов Российской Федерации анализируется правовая природа ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, по законодательству Российской Федерации. Автором исследуются различные виды ответственности, наступающие за разглашение сведений, составляющих государственную тайну. Поднимается вопрос о конституционно-правовой ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну.

Ключевые слова: юридическая ответственность, государственная тайна, разглашение сведений, составляющих государственную тайну.

Legal liability for disclosure of state secret under the legislation of the Russian Federation

Nurmagambetov Talgat Mansurovich, student master's degree

Scientific adviser: Brovchenko Natalya Valentinovna, candidate of legal sciences, associate professor

Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

In this article, based on the analysis of the doctrine, judicial practice, regulatory legal acts of the Russian Federation, the legal nature of liability for the disclosure of information constituting state secrets under the legislation of the Russian Federation is analyzed. The author explores various types of liability arising for the disclosure of information constituting a state secret. The question is raised about the constitutional and legal responsibility for the disclosure of information constituting a state secret.

Key words: legal responsibility, state secret, disclosure of information, constituting a state secret.

Государственная тайна является не только залогом сохранности определенной информации, но и составляющей механизма работы системы власти в стране, поэтому ее значение для политического устройства государства сложно переоценить. Сохранение информации, составляющей государственную тайну, крайне важно для осуществления работы органов власти и обеспечения позиций государства на мировой арене. Именно поэтому ее защита является одним из главных направлений деятельности государства, что предопределяет повышенный характер юридической ответственности за распространение сведений, составляющих государственную тайну [1, С. 18].

Следует отметить, что разглашение сведений, составляющих государственную тайну, может стать основанием для привлечения к различным видам юридической ответственности — уголовной, административной, гражданско-правовой или дисциплинарной, что следует из ст. 26 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (далее — Закон о гостайне, Закон № 5485-1) [3].

В частности, уголовно наказуемые деяния предусмотрены сразу несколькими статьями уголовного законодательства, в частности, ст. 275 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) «Государственная измена», ст. предусматривает ответственность граждан РФ за выдачу государственной тайны иностранному государству, международной либо иностранной организации исключительно гражданами РФ, которым данная информация стала известна в связи со службой, работой, учебой и в иных случаях, установленных законом; ст. 276 УК РФ «Шпионаж» также содержит составы, связанные с разглашением секретных сведений в интересах иностранных государств, организаций, но только уже не гражданами РФ, а иностранными гражданами и лицами без гражданства; а также собственно ст. 283 «Разглашение государственной тайны» предусматривает ответственность за разглашение сведений, составляющих государственную тайну для тех, кому они стали известны по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законом. Так, например, в 2017 году два журналиста в Перми написали статью, в которой раскрыли личные данные агента правоохранительных органов, а это совершенно секретная информация. Журналистов и сотрудника полиции, который им про это рассказал, обвинили в разглашении государственной тайны и дело направили в суд. В результате сотрудник полиции был привлечен к уголовной ответственности [4].

Отличительными признаками указанных преступлений выступают высокая общественная опасность, что сказывается и на повышенных мерах ответственности.

В свою очередь, административная ответственность за разглашение секретной информации возможна только в том случае, если действия злоумышленников не влекут последствий, предусмотренных уголовным законом. Об этом говорится в ст. 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ «Разглашение информации с ограниченным доступом».

Фактически данный состав в практике встречается очень редко. Как правило, привлекают или к уголовной ответственности, если есть ущерб от разглашения, или к дисциплинарной, если его нет. Например, в Петропавловске-Камчатском военнотрудовой в социальных сетях разместил на своей странице сведения о находящихся на вооружении воинской части боевых машинах и снарядах к ним, а также сведения об учениях. Ущерб государству это не причинило, но раз факт был, военная прокуратура решила привлечь его к административной ответственности, тем более что военнотрудовой своей вины не отрицал. Однако, гарнизонный суд с мнением прокуратуры не согласился. За такое нарушение административная ответственность для военнотрудовых не предусмотрена. Производство по делу прекратили. Постановление о прекращении производства направили командиру части, чтобы он привлёк виновного к дисциплинарной ответственности [4].

Гражданско-правовая ответственность подразумевает возмещение материального ущерба государству от действий лица, разгласившего государственную тайну. Возможно это в том случае, если ущерб удастся оценить, например если кто-то раскроет иностранным агентам устройство систем распознавания самолетов и его придется срочно менять. Стоимость замены посчитают, и виновному придется ее возместить.

Привлечение к дисциплинарной ответственности зависит от формы вины и тяжести содеянного. Если служащий из корыстного, злого умысла передал секретные сведения третьим лицам, то он подлежит увольнению, и есть большая вероятность того, что его привлекут еще и к уголовной ответственности. Если ущерб от разглашения нет и содеянное произошло по неосторожности, то к служащему применяют менее строгое наказание (замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии).

Вместе с тем, в науке в качестве самостоятельного вида выделяют конституционно-правовую ответственность, обладающую как общими, так и специфическими признаками (основание ответственности, механизм привлечения к ответственности, конституционно-правовые санкции). Не отрицая самостоятельность указанного вида ответственности, считаем необходимым проанализировать возможность привлечения к конституционно-правовой ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну [2, С. 318].

Проанализировав Закон о гостайне нами было установлено, что разглашение государственной тайны, в частности, может служить основанием для прекращения (ст. 23) или ограничения (ст. 24) допуска к государственной тайне. На наш взгляд, установленная мера является примером применения конституционно-правовой санкции, отличной от иных мер юридиче-

ской ответственности, и применяемой наряду с привлечением к иным мерам ответственности, что свидетельствует о возможности привлечения к конституционно-правовой ответственности за разглашение государственной тайны. Например, в случае разглашения должностным лицом сведений, составляющих государственную тайну, он может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в виде выговора, а также ограничен в праве допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Указанное позволяет сделать вывод о необходимости внесения изменений в ст. 26 Закона о гостайне, ограничивающей нарушения законодательства Российской Федерации о государственной тайне возможность привлечения к уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности.

Литература:

1. Верютин, В. Н. Общественные отношения, возникающие в сфере отнесения сведений к государственной тайне / В. Н. Верютин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 4. — С. 318–325.
2. Виноградов, В. А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности // Законодательство. 2002. — № 10. — С. 18–22.
3. Добрынская, (Спиридонова) В. В., Бадалянц, Э. Ю., Бевзюк Е. А. Комментарий к Закону РФ от 21 июля 1993 г. N5485-1 «О государственной тайне» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cloud.consultant.ru/>
4. Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-pro-ugolovnym-delam/>

Доказывание отрицательных фактов по делам об установлении фактов владения, пользования и распоряжения недвижимым имуществом в арбитражном суде

Потапенко Евгений Георгиевич, кандидат юридических наук, доцент;

Муханова Динара Гаппасовна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье проанализирована судебная практика по доказыванию отрицательных фактов по делам об установлении фактов владения, пользования и распоряжения недвижимым имуществом в арбитражном суде.

Ключевые слова: отрицательный факт, недвижимое имущество, бремя доказывания

Актуальность темы заключается в необходимости теоретического и практического осмысления особенностей установления фактов владения, пользования и распоряжения недвижимым имуществом

Следует отметить, что юридические факты можно определить как обстоятельства реальной действительности, с которыми действующие нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [1, С. 62]. При этом анализ части 1 статьи 218 АПК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель под юридическими фактами понимает факты, имеющие юридическое значение для возникновения, изменения или прекращения прав соответствующих лиц.

Следует обратить внимание на то, что в процессе доказывания по делам анализируемой категории лица в отдельных случаях могут ссылаться на отрицательные факты. Возникает практическая проблема доказывания таких фактов, поскольку в исковом производстве отрицательные факты могут устанавливаться путём доказывания противоположного по своему содержанию факта [6], суд при этом перераспределяет бремя доказывания. В особом производстве не во всех случаях в процессе могут участвовать заинтересованные лица, поэтому зачастую объективно невозможно перераспределить бремя доказывания, что приводит, соответственно, к ситуации невозможности доказывания отрицательных фактов [8, с. 336].

Нередко доказать отрицательный факт невозможно. Но при этом в процессуальных кодексах нет специальных указаний о доказывании отрицательного факта в арбитражном процессе или гражданском процессе либо о невозможности этого (ч. 1 ст. 65 АПК РФ, ч. 1 ст. 56 ГПК РФ). Напрямую ни в АПК, ни в ГПК не говорится, что отрицательный факт не подлежит доказыванию. Но хотя прямого правила в законе нет, участника спора нельзя обязать доказывать отсутствие. О том, что отрицательные факты не доказываются, Верховный суд РФ сделал отдельное пояснение: «... на конкурсного кредитора налагалось бы бремя доказывания отрицательного факта, что недопустимо с точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения» (п. 32 обзора судебной практики ВС РФ, № 3, утв. Президиумом ВС 12.07.2017) [9].

В ряде случаев суд самостоятельно определяет срок приобретательной давности. Приведем пример: объект недвижимости был передан заявителю от прежнего собственника ЗАО «Интеравто» (ИНН 6658213048) в 2015 году. Таким образом, в настоящее время не истек срок приобретательной давности в отношении указанного объекта.

Ссылку заявителя на то, что он является сингулярным правопреемником всех предшествовавших ему собственников объекта, суд отклонил, поскольку при совершении сделок купли-продажи, иных сделок, являющихся основанием для перехода права собственности на вещь имеет место не сингулярное правопреемство, а возникновение прав и обязанностей, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности (абз. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ).

Кроме того, из материалов дела, представленных в отношении спорного объекта Управлением Росреестра по Свердловской области, видно, что прежний собственник спорного объекта приобрел право собственности на него 18.10.2006 на основании договора купли-продажи недвижимого имущества от 14.11.2005 и акта приема-передачи недвижимого имущества № Д2879/2005 от 17.12.2005. Соответствующая запись регистрации произведена 18.10.2006, что уже опровергает довод заявителя о том, что ему не был и не мог быть известен прежний владелец (собственник) спорного объекта.

И от перехода данного объекта во владение ЗАО «Интеравто» к настоящему времени срок приобретательной давности не истек.

Таким образом, в настоящее время заявление признано судом необоснованными [7].

Доказывание так называемых отрицательных фактов в большинстве случаев либо невозможно, так как несостоявшиеся события и деяния не оставляют следов, либо крайне затруднительно» [11].

Литература:

1. Аргунов В. В. Производство по установлению фактов, имеющих юридическое значение: в суде или у нотариуса? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. 2. С. 62–71.

По конкретному делу Верховный Суд РФ отметил: «Исходя из объективной невозможности доказывания факта отсутствия правоотношений между сторонами, суду на основании ст. 65 АПК РФ необходимо делать вывод о возложении бремени доказывания обратного (наличие какого-либо правового основания) на ответчика» [12].

Так, при оспаривании мнимой сделки действует пониженный стандарт доказывания — достаточно обосновать разумные сомнения в реальности сделки (определение ВС от 25.07.2016 по делу № А41–48518/2014). В документах вряд ли удастся найти ошибки, и участники мнимой сделки будут убеждать в ее реальности. Вам потребуется доказать отрицательный факт — отсутствие исполнения. Для этого нужно будет выявить несоответствия между заявленным в документах и имеющимися обстоятельствами.

Как указал верховный суд РФ бремя доказывания отрицательного факта, что недопустимо с точки зрения поддержания баланса процессуальных прав и гарантий их обеспечения» [13].

Следующим нюансом, на который хотелось бы обратить внимание является своеобразная формула, выведенная арбитражной практикой, которая заключается в следующем: «трансформация отрицательного факта для истца в положительный для ответчика». Такую презумпцию можно найти во многих судебных актах: например, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.03.2018 № Ф03–532/2018 по делу № А59–834/2017, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2017 № Ф03–5085/2017 по делу № А59–5210/2016, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.04.2015 № Ф04–18791/2015 по делу № А03–16993/2014, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.01.2016 № Ф08–9317/2015 по делу № А22–973/2015, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.02.2017 № Ф09–11662/16 по делу № А60–16680/2016, Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 17.10.2018 № 05АП-7227/2018 по делу № А51–29812/2017, Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 09.10.2018 № 05АП-7037/2018 по делу № А59–3882/2018, Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 03.05.2018 № 05АП-1987/2018 по делу № А51–18654/2016 и др. дела.

Таким образом, в процессе рассмотрения дел об установлении фактов владения, пользования и распоряжения недвижимым имуществом возникает необходимость перераспределения бремени доказывания, что связано со ссылкой заинтересованных лиц на отрицательные факты.

Верховный суд РФ прямо указал на то, что отрицательные факты не подлежат доказыванию.

Анализ судебной практики вывел следующую презумпцию: отрицательный для истца факт трансформируется в положительный факт для ответчика.

2. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2013 г. по делу № 41-КГ12–30 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://clck.ru/ZQvUb> (дата обращения 12.07.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21.06.1985 г. № 9 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение» // СПС «Консультант Плюс».
4. Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2013 г. по делу № 18-КГ13–68 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://clck.ru/ZQvVJ/> (дата обращения 12.07.2022).
5. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016)» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 12, декабрь, 2016
6. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 17.11.2020 г. по делу № А3321793/2020 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://clck.ru/ZQvVt> (дата обращения 12.07.2022).
7. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 19.10.2020 по делу N А60–30471/2020 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 30.07.2022).
8. Кадлец В. А., Зеленская Л. А. К вопросу о доказывании отрицательных фактов // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сборник статей по материалам X Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 120-летию И. С. Косенко. 2017. С. 778–779.
9. Шихова, М. В. Особенности доказательств и доказывания по делам об установлении юридических фактов в гражданском и арбитражном процессах / М. В. Шихова // Modern Science. 2021. № 12–3. С. 336–338.
10. <https://www.law.ru/article/21010-qqe-16-m9-13-09-2016-nujno-li-dokazyvat-otritsatelnye-fakty>
11. Определение Верховного Суда РФ от 29.10.2018 N308-ЭС18–9470 по делу N А32–42517/2015 // СПС «Консультант плюс».
12. Определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2016 г. N307-ЭС16–7988 по делу N А56–19/2014.
13. Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2018 по делу N308-ЭС17–12100, А32–1593/2016 // СПС «Консультант плюс».

Проблемы извещения должника о возбуждении исполнительного производства посредством портала «Госуслуги»

Рыбко Екатерина Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Корнилова Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В 2019 году был запущен проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика», которая была разработана совместно Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации и Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации с целью повышения эффективности работы органа принудительного исполнения. Была разработана концепция суперсервиса «Цифровое исполнительное производство», а также утверждена Ведомственная программа цифровой трансформации ФССП России на 2021–2023 годы.

В свете внедрения новых технологий в процессы осуществления принудительного исполнения судебных актов, хотелось бы подробнее рассмотреть вопрос извещения должника и взыскателя о возбуждении исполнительного производства.

Вопрос надлежащего извещения сторон исполнительного производства о его возбуждении на протяжении многих лет стоит остро. Проблемы на данном этапе влекут дальнейшее нарушение прав как должника, так и взыскателя и, чаще всего, приводят все субъекты исполнительного производства в суд (чаще всего по причине обжалования исполнительского сбора). Судебная практика по такой категории дел свидетельствует о том, что в подавляющем числе случаев нормы закона о направлении судебным приставом-исполнителем постановления о возбуждении в адрес сторон исполнительного производства

попросту не исполняются. Предметом доказывания по подобным делам является именно факт направления должнику и взыскателю копии постановления. Бремя доказывания возложено на должностное лицо службы судебных приставов.

Отношения в сфере принудительного исполнения регулируются Федеральным законом от 02.07.2010 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон). Статьей 24 Закона закреплен порядок извещения и вызова сторон. В силу ч. 3 названной статьи извещения, адресованные гражданину, могут быть направлены по адресам, которые указаны в исполнительных документах, по его месту жительства, месту работы, либо в его единый личный кабинет на Едином портале государственных и муниципальных услуг. Извещения, адресованные организации или гражданину, осуществляющему деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, могут направляться по их адресам электронной почты, содержащимся в едином государственном реестре юридических лиц или едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей, либо в единый личный кабинет организации или гражданина, осуществляющего деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, на Едином портале государственных и муниципальных услуг (при их наличии).

Таким образом, законодательно закреплена возможность судебного пристава-исполнителя направлять извещения сто-

ронам посредством единого портала государственных и муниципальных услуг (далее — ЕПГУ).

Беря во внимание постоянный технологический прогресс, такой вариант видится лучшим решением для осуществления надлежащего извещения сторон исполнительного производства. Данный портал является надежным способом для направления информации органом принудительного исполнения. Если же у участников отсутствует личный кабинет на сайте госуслуг или возникли трудности при регистрации, они всегда могут обратиться за помощью в МФЦ. На наш взгляд, внедрение извещения лиц, участвующих в производстве, путем направления извещения в личный кабинет портала «Госуслуги» является наиболее эффективным, поскольку таким образом у сторон исполнительного производства появляется возможность общаться с судебным приставом-исполнителем напрямую в онлайн режиме, минуя очереди, записи в установленные часы приема и различные другие сложности. С помощью возможностей сервиса «Госуслуги» пользователь может подавать ходатайства в электронном виде, отслеживать всю историю действий, совершенных в рамках исполнительного производства.

По мнению автора, именно внедрение новых цифровых технологий в деятельность службы должно способствовать повышению эффективности работы органа принудительного исполнения, поскольку позволит в установленном порядке и в установленные сроки автоматически разрешать ответы, возникающие в рамках исполнительных производств. Кроме того, с появлением возможности электронного документооборота, работа службы судебных приставов становится все более прозрачной, а механизм взаимодействия всех субъектов исполнительного производства все более простым.

Если обратиться к статистическим данным Федеральной службы судебных приставов, то можно проследить нарастающее количество исполнительных производств. Так, в 2019 году на исполнении находилось 103 343 450 исполнительных производств, с января по декабрь 2021 эта цифра составила 119 999 785 исполнительных производств. Таким образом, виден значительный прирост объема работы для должностных лиц службы судебных приставов. Невозможно отрицать общую чрезмерную загруженность органа принудительного исполнения. В этой связи упрощение процедуры взаимодействия пристава с гражданами и организациями, ее цифровизация и автоматизация, конечно, позволяет судебному приставу оптимизировать свое рабочее время, а гражданам и организациям избежать бюрократические проволочки и излишне потраченного времени.

Кроме того, в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID — 19, объявленной Всемирной организацией здравоохранения такой вариант взаимодействия государственных органов с гражданами кажется просто необходимым. Так, за весь период пандемии, самоизоляции, объявленных нерабочих дней ФССП России не прекращало свою деятельность. В соответствии с приказами директора службы была определена необходимая численность сотрудников, которые обеспечивали функционирование органа принудительного исполнения.

В соответствии с Приказом ФССП от 19.03.2020 г. № 202 в работе органа принудительного исполнения в период пан-

демии были введены определенные ограничения, в частности был полностью прекращен личный прием граждан в отделах и отделениях судебных приставов. В таких условиях возможность оперативного получения информации о ходе исполнительного производства в личном кабинете портала «Госуслуги» видится особенно ценной.

Порядок направления информации от судебного пристава-исполнителя в адрес должника и взыскателя урегулирован постановлением Правительства РФ от 29.06.2016 г. № 606 «О порядке направления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, и об использовании федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для подачи ходатайств, объяснений, отводов и жалоб» (далее — Порядок).

Вместе с тем по прошествии времени выявилась проблематика и в таком способе оповещения. Так, извещение в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, предусмотренное п. 4 ч. 2 ст. 29 Закона, может быть направлено лицу, участвующему в исполнительном производстве, посредством федеральной государственной информационной системы ЕПГУ. В соответствии с п. 3 Порядка извещение считается доставленным с момента, когда лицо, участвующее в исполнительном производстве, входило на единый портал с использованием единой системы идентификации и аутентификации. Уведомление о факте доставки передается в Федеральную службу судебных приставов для принятия судебным приставом-исполнителем решений по исполнительному производству.

Таким образом, Порядок обозначает лишь момент, с которого извещение считается доставленным, но непрочитанным, что вызывает неоднозначную практику правоприменения судами указанных норм.

На практике получается следующее: судебный пристав-исполнитель, возбудив исполнительное производство, направляет в личные кабинеты сторон на портале «Госуслуги» постановление о возбуждении, получает ответное уведомление о том, что сообщение доставлено и начинает отсчитывать с данной даты срок для добровольного исполнения требований исполнительного документа. По истечении такого срока, если должник в добровольном порядке требование не исполнил, сотрудник органа принудительного исполнения взыскивает исполнительский сбор. Должник же, узнав, что на него наложена штрафная санкция, обращается в суд с тем обоснованием, что он не был надлежащим образом извещен, о том, что в отношении него имеется возбужденное исполнительное производство.

И далее практика разнится. Одни суды отказывают в удовлетворении заявленных требований, ссылаясь на Порядок, а также на ч. 12 ст. 30 Закона, в силу которой срок для добровольного исполнения составляет пять дней со дня получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства, в том числе через единый личный кабинет на ЕПГУ в соответствии с частью 2.1 ст. 14 указанного закона [3].

В данном случае суды исходят из того, что в силу названной нормы начало течения срока для добровольного исполнения требований исполнительного документа закон связывает с моментом доставки извещения о размещении информации о возбуждении исполнительного производства в банке данных или доставки постановления о возбуждении исполнительного производства, вынесенного в форме электронного документа и направленного адресату в его единый личный кабинет на ЕПГУ.

Данные выводы содержатся в решении Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 23.09.2021 г. по делу № А75–8513/2021, решении Арбитражного суда Челябинской области от 24.08.2021 г. по делу № А76–18819/2021, решении Центрального районного суда г. Челябинска от 07.12.2021 г. по делу № 2а-9057/2021, решении Ленинского районного суда г. Кирова от 17.08.2021 г. по делу № 2а-3303/2021, решении Бутырского районного суда г. Москвы от 05.10.2021 г. по делу № 2а-561/2021.

Кроме того, в решении Московского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 01.11.2021 г. по делу 2а-3984/2021 дополнительно указано, что согласие стороны на получение копии постановлений о возбуждении исполнительного производства посредством ЕПГУ, выраженное в какой-либо форме (отдельное заявление на получение почты непосредственно от ФССП России) не требуется.

Вместе с тем имеется иное мнение по данному вопросу.

Согласно решению Арбитражного суда Республики Коми от 12.11.2021 г. по делу № А29–8553/2021 срок для добровольного исполнения требований исполнительного документа подлежит исчислению с даты авторизации должника в личном кабинете на ЕПГУ после получения письма с постановлением о возбуждении исполнительного производства [4].

В рассматриваемом кейсе суд исходит из того, что извещение считается доставленным с момента, когда лицо, участвующее в исполнительном производстве, вошло на единый портал с использованием единой системы идентификации и аутентификации. Уведомление о факте доставки передается в Федеральную службу судебных приставов для принятия судебным приставом — исполнителем решений по исполнительному про-

изводству. Доказательством в таком случае служит история авторизации должника в ЕСИА, судами устанавливается дата авторизации должника в личном кабинете на ЕПГУ после поступления письма с постановлением о возбуждении исполнительного производства, с которой, по мнению суда, подлежит исчислению срок для добровольного исполнения требований исполнительного документа. Аналогичные выводы изложены также в апелляционном определении судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 27.12.2021 г. № 33а-21914/2021.

Таким образом, подытоживая, можно сказать, что в целом, механизм извещения сторон посредством ЕПГУ работает отлажено и является одним из самых надежных и оперативных способов направления информации. Внедрение в работу приставов цифровых технологий также видится очень перспективным направлением. При должном развитии этого направления, а также улучшении материально-технической составляющей и повышении уровня квалификации сотрудников органа принудительного исполнения работа службы станет более эффективной и прозрачной, а взаимодействие граждан и организаций с должностными лицами ФССП России — доступной. Также, по мнению автора, все это должно способствовать повышению уровня доверия граждан к органам государственной власти.

Однако, если рассматривать данный вопрос в плоскости предоставления срока для добровольного исполнения требований исполнительного документа, то здесь имеется необходимость в законодательном закреплении понятия момента, с которого такой срок может начинать течь. Либо с момента, когда сообщение доставлено в личный кабинет и оператором ЕПГУ направлено обратное сообщение о доставке в адрес службы судебных приставов, либо с момента, когда такое сообщение направлено и лицо осуществило вход в личный кабинет. В этой связи видится необходимым внести изменения в Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», а именно, в главу 4 «Извещения и вызовы в исполнительном производстве». Альтернативой изменения законодательства может служить разъяснение Пленума Верховного суда РФ по рассматриваемому вопросу.

Литература:

1. Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. От 14.07.2022) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации от 8.10.2007. № 41. Ст. 4849.
2. Постановление Правительства РФ от 29.06.2016 г. № 606 «О порядке направления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом-исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, и об использовании федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для подачи ходатайств, объяснений, отводов и жалоб» (ред. 26.11.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации от 11.07.2016 г. № 28 ст. 4732.
3. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 15.12.2021 г. по делу № 33а-10337/2021 // Официальный сайт Приморского краевого суда.
4. Решение Арбитражного суда Республики Коми от 12.11.2021 г. по делу № А29–8553/2021 // Сервис «Картоoteca арбитражных дел».
5. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов // <https://fssp.gov.ru/statistics>

Диффамация в интернет-пространстве

Рынке Елена Евгеньевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В работе автор дает краткую характеристику особенностей такого правового явления как диффамации в глобальной сети «Интернет».

Ключевые слова: защита чести, достоинства и деловой репутации, информационный посредник, диффамация.

Несмотря на то, что в российском законодательстве сам термин диффамация не представлен, однако, под этим явлением ученые юристы понимают распространение порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений. При этом факт умышленного распространения данных сведений, которые являются не соответствующими действительности, не является главным критерием, так как Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 [1] внесло ясность в этот вопрос, однозначно определив, что дела по защите чести, достоинства и деловой репутации будут рассматриваться судами при наличии трех признаков: наличие самого факта распространения информации, степень морального вреда, причиненного тому, против кого распространялись диффамационные сведения и не соответствия вышеназванных сведений действительности.

В современном мире каждый из членов общества так или иначе плотно вовлечен в так называемую «всемирную паутину Интернета». Мало кто сейчас ежедневно не использует социальные сети, мессенджеры или просто не получает актуальную новостную или развлекательную информацию, которую предоставляет нам интернет-пространство.

Но вместе с такой вовлеченностью огромного числа людей в общее виртуальное пространство, где каждый волен транслировать свои мысли и умозаключения без какой-либо цензуры, возникает вседозволенность. Так как не каждый участник виртуального диалога может модерировать свои сообщения и корректно выражать свои мысли, стараясь не допускать оскорблений или информации, которая может опорочить честь, достоинство личности или нанести вред деловой репутации юридического лица. Это может привести нарушению личных неимущественных прав гражданина и тот, в свою очередь, имеет право подать на нарушителя в суд.

В связи с этим, сегодня число дел, рассматриваемых в судах в категории защиты чести, достоинства и деловой репутации неукоснительно растет. Но необходимо понимать, что диффамация в сети Интернет имеет множество аспектов и особенностей, затрудняющих рассмотрения подобных дел в судах. Поэтому процент удовлетворения судами заявленных требования по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации в 2019 году составлял 34,2%, в 2020–30%, а в 2021–28,3%.

Главной особенностью виртуального общения является анонимность. Любой интернет-пользователь вправе взять ник или псевдоним для общения в сети и свободно выражать свое мнение. В связи с этим, самая частая неблагоприятная ситуация для истца, который желает привлечь к ответственности автора порочащих сведений, это то, что зачастую уста-

новить реальную личность ответчика не представляется возможным [2].

В подобных ситуациях ответственность может нести администратор сайта, лицо, ответственное за ведение интернет-страницы, тот, кому было передано право на модерацию контента на сайте или сам информационный посредник, то есть тот, кто предоставляет возможность пользователю выхода в пространство сети [3].

Однако существует и множество примеров, когда самого автора привлекали к гражданской ответственности за распространение порочащей информации. Примером может служить Решение Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14.09.2020 по делу № 2–1404/2020 [4], согласно фабуле дела истец Лалетина А.С. обратилась в суд с иском к Овчинникову А. в связи с тем, что в сети Интернет в социальной сети «ВКонтакте» ответчиком была опубликована информация в отношении истца, гласившая что «Главу департамента Аллу Лалетину обвиняют в краже коллекционного вина на сумму 1 миллион долларов». Требования истца заключались в обязанности ответчика удалить порочащую честь и достоинство информацию.

Важной особенностью является и сам статус интернет-страницы, где были размещены порочащие сведения. Согласно Закону Российской Федерации «О средствах массовой информации» [5], интернет-ресурс может иметь статус официально-зарегистрированного СМИ. В таком случае, если на подобном сайте была размещена информация, которая может попасть под категорию диффамационного высказывания, то при рассмотрении подобного дела, суд должен руководствоваться не только Гражданским Кодексом, но и законами, регулирующими деятельность СМИ.

Например, Решением Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 10.11.2020 по делу № 2–2871/2020 [6] требования истца об удалении порочащих его сведений, опубликованных на странице интернет-СМИ, были удовлетворены полностью. Согласно фабуле дела истец Яшин И. обратился в суд с иском к ООО «Федеральное агентство новостей» о признании не соответствующими действительности сведения, так как на официальном интернет-сайте данного СМИ была опубликована новость под заголовком «Народный депутат Яшин наварился на »празднике для москвичей«. К тому, согласно Решению суда, ответчик обязан не просто удалить данную статью с сайта, но также и опубликовать опровержение на сайте «Федеральное агентство новостей» в открытом доступе, тем же шрифтом и под заголовком «Опровержение». Подобная судебная практика ярко демонстрирует тот факт, что в отношении интернет-СМИ действуют те же правила, как и для обычных СМИ.

Стоит отметить, что у истца есть право досудебного урегулирования конфликта, если он официально обратиться к потенциальному ответчику с просьбой удалить или отредактировать информацию, которая может оскорбить его. Если ответчик проигнорирует данную просьбу, то это впоследствии может навредить ему в суде, так как будет использовано как доказательство позиции истца.

В случае, когда просьба об удалении или рецензировании исходит от уполномоченных на это действие инстанций, то интернет-ресурс обязан выполнить такое поручение в течение одних рабочих суток [7].

Согласно российскому законодательству, лица, признанные информационными посредниками, не должны нести ответственность в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации, так как порочащие сведения опубликованы третьими лицами. Однако, подобное утверждение будет признано судом

только при наличии определенных условий. В статье 1253.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации обозначено, что информационный посредник будет освобожден от ответственности, если он, при передаче какой-либо информации, которая трактуется как порочащая, не будет признан инициатором; также, если порочащие сведения при передаче не менялись самим информационным посредником и, если он не знал или не мог знать, что передача подобных сведений может быть признана умаляющей честь и достоинство или наносящей вред деловой репутации [8].

Диффамацию в сети отличает ряд особенностей: сложность в определении и привлечении к гражданской ответственности надлежащего ответчика, статус ответственности информационных посредников за публикации других интернет-пользователей, а также статус интернет-сайтов, публикующих новостные материалы.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 [Электронный ресурс] URL: <https://legals.ru/sud/obzor-praktiki-rassmotreniia-sudami-del-po-sporam-o-zashchite-chesti-dostoinstva-i-delovoi-reputatsii/> (дата обращения 11.09.2022);
2. Чеботарева А. А. Гражданско-правовые методы борьбы с интернет-диффамацией // Юридический мир. М., 2010. № 8. С. 26–29;
3. Там же;
4. Решение Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14.09.2020 по делу № 2–1404/2020 [Электронный ресурс] URL: https://ksl-sp.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=615119361&case_uid=f040efe5-6a2e-45c7-b0f2-649bdea3bc30&delo_id=1540005 (дата обращения 11.09.2022);
5. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/10164247/> (дата обращения 11.09.2022);
6. Решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 10.11.2020 по делу № 2–2871/2020 [Электронный ресурс] URL: https://primorsky-sp.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=618248866&case_uid=9e1182be-7b93-4b9a-9131-1c71f56ff710&delo_id=1540005 (дата обращения 11.09.2022);
7. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 06.07.2010 № 420 «Об утверждении порядка направления обращений о недопустимости злоупотреблений свободой массовой информации к средствам массовой информации, распространение которых осуществляется в информационно-коммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/198960/> (дата обращения 11.09.2022);
8. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения 11.09.2022).

Теоретические аспекты абсолютных и относительных прав как классификации субъективных прав

Трямкина Наталья Викторовна, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье исследуются теоретические аспекты абсолютных и относительных прав, также рассматривается вопрос невозможности разделения абсолютных и относительных прав по числу обязанных субъектов.

Ключевые слова: абсолютные права, относительные права, субъективные права, юридическая обязанность, защита прав.

Исследование проблематики субъективных прав занимает главенствующее место в правовом регулировании лю-

бого порядка, вне зависимости от исторического этапа, социального, правового или экономического развития государства.

Механизм материально-правового регулирования общественных отношений невозможен вне субъективных прав в сфере тех обстоятельств, в связи с которыми законодатель связывает наступление правовых последствий, исходя из вышесказанного стоит отметить, что субъективные права имеют значение как объекта правового регулирования в части предоставления законом свободы поведения субъектам права.

Субъективные права неотделимые от личности, являются выражением степени свободы индивида в правоотношении. Что касается субъективных прав, неотделимо не связанных с личностью субъекта права, то они обладают экономической ценностью и стоимостью, из чего следует, что неотделимо не связанные с личностью субъективные права могут рассматриваться уже как самостоятельный объект гражданского оборота.

Субъективные права регулируются конституционным, гражданским, административным, семейным, трудовым, жилищным и земельным законодательством. Содержание и порядок осуществления субъективных прав в судебном процессе определяет процессуальное законодательство, механизмы охраны субъективных прав физических и юридических лиц, осуществляются в соответствии с уголовным правом.

Основная задача субъективных прав закреплена в статьях 17, 18 Конституции РФ, где определено, что права человека и гражданина гарантируются, являются непосредственно действующими, ими определяется содержание применения законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, они же обеспечены правосудием. Также в Конституции РФ закреплены основные виды субъективных прав в различных сферах российского общества (политической, социальной, экономической).

Понятие «субъективное право» является многогранным, многие не только отечественные, но и зарубежные авторы не могут едино интерпретировать классификацию субъективных прав. Однако, существует преобладающая точка зрения, которая исходит из того, что субъективные права соотносятся в пассивной юридической обязанности, то есть с тем, чтобы не нарушать права и не препятствовать осуществлению действий уполномоченным лицом [1].

Пассивная юридическая обязанность по не нарушению субъективных прав — это критерий правомерного поведения, который не является гражданско-правовой обязанностью, в связи с тем, что её несоблюдение не влечёт за собой возникновения гражданско-правовых последствий, вместе с тем, нарушение субъективных прав можно отнести к причинению вреда другому лицу, в данном случае, право потерпевшего требовать возмещения вреда за причинённый ущерб, будет являться гражданско-правовым.

Существуют значительные и существенные отличия между пассивной юридической обязанностью и гражданско-правовой ответственностью. В отличие от гражданско-правовой ответственности, пассивная юридическая обязанность не может быть адресной, по причине того, что государственная власть не может выборочно допускать нарушение одних прав и запрещать другие. Гражданско-правовая обязанность всегда возникает между конкретными лицами, то есть является адресной.

Укоренённое в юридической науке понятие «абсолютное право» вызывает некоторые трудности. Несмотря на то, что уполномоченных органов и третьих лиц не связывают никакие гражданско-правовые отношения, тем не менее, как третьи лица, так и уполномоченные органы подчиняются дозволениям и запретам, санкционированным нормам права, но это также не говорит о каком-либо об особом правоотношении, а характеризуется только юридическим статусом субъектов права, деятельность которых регулируется законодательно установленными запретами и дозволениями.

Важно отметить, что главенствующее в российской и зарубежной юридической литературе представление о понятии абсолютного права, как о праве, принадлежащего субъекту, которому противостоит неопределённое количество пассивно обязанных лиц, не отражает основной особенности субъективного права и его внутренней составляющей.

Абсолютность субъективного права не может быть определена через характеристику соответствующей ему же обязанности, количество обязанных лиц, свойств объекта права, а должна быть предопределена качественной особенностью содержания самого субъективного права. Это связано с тем, что и субъективное право, и субъективное юридическая обязанность — самостоятельные явления в правах. Абсолютное право не противостоит гражданской правовой обязанности неопределённого круга лиц.

В научной литературе существуют два подхода, касающихся изучения вопроса об абсолютной защите относительных прав: в одном из подходов говорится о потенциальной возможности защиты прав субъекта от третьего лица, последователи второго подхода утверждают, что существует смешанная форма абсолютно-относительных прав.

С. А. Сеницын предлагает рассматривать абсолютность и относительность права с точки зрения философской концепции, где абсолютность права можно ассоциировать с категорией самодостаточности, а относительность как свойство правового явления, взаимосвязанного с прочими элементами. Тем самым, автор утверждает, что абсолютность находится в статичном состоянии, не предполагающая неограниченности права (то есть правовых возможностей, принадлежащих субъекту) и основная задача законодателя состоит в том, чтобы вернуть и сохранить связь субъекта права над объектом [2]. Осуществление абсолютного права предопределено волей субъекта и не зависит от третьих лиц. Абсолютность является внутренней сущностью определённых видов гражданских прав, а также характеристикой родовой принадлежности субъективного права.

Если говорить о возникновении относительных прав, то для их осуществления необходимо взаимодействие с третьими лицами, с целью не сохранения (как это происходит при абсолютных правах), а изменения и возникновения новых гражданских прав. Исходя из этого, следует, что относительные права — антагонисты абсолютных прав.

Подводя итог вышесказанному, мы пришли к выводу, что абсолютные и относительные субъективные права являются самостоятельными и равнообъёмными, их подчинение и пересечение и смешение невозможны, в связи со спецификой содер-

жания и целями. Абсолютность определяет родовую принадлежность гражданских прав, является неотъемлемой частью любого субъективного права, а относительность права является механизмом регулирования правовой связи независимых

друг от друга субъектов. При возникновении и осуществлении относительных прав необходимо взаимодействие с третьими лицами. При возникновении и осуществлении абсолютных прав достаточно волеизъявления субъекта.

Литература:

1. Александров, Н. Г. Трудовые правоотношения / Н. Г. Александров [Электронный ресурс] // Электронная библиотека eLibrary. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 03.09.2022).
2. Сеницын, С. А. Субъективные публичные права: к разработке вопроса о понятии и системе / С. А. Сеницын [Электронный ресурс] // Электронная библиотека eLibrary. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 03.09.2022).

Абсолютные права в Конституции Российской Федерации и зарубежном законодательстве

Трямкина Наталья Викторовна, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены конституционно закреплённые возможности и необходимые условия ограничения прав и свобод человека и гражданина. А также исследована целесообразность ограничения прав и свобод человека и гражданина с целью защиты основ конституционного строя и третьих лиц. Проведён сравнительный анализ определения «абсолютные права» в отечественном и зарубежном законодательстве.

Ключевые слова: абсолютные права, международное право, Конституция Российской Федерации, ограничение прав и свобод человека и гражданина.

В соответствии с ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации могут быть ограничены все права человека и гражданина без исключений, при этом, важно отметить, что Конституция РФ не содержит определения «абсолютные права», что вызывает множество споров в научных кругах.

В юридических публикациях существует мнение, что описание и перечисление абсолютных прав приведены в ч. 1 и ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации, однако, в данной статье указаны отдельные аспекты ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения. В ч. 3 ст. 56 сказано, что отдельные права и свободы, связанные с правом на жизнь (ч. 1 ст. 20), достоинством личности (ч. 1 ст. 21), неприкосновенностью частной жизни, личной и семейной тайны, а также защиты своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23), распространения информации о частной жизни субъекта без его ведома (ч. 1 ст. 24), свободы совести и вероисповедания, свободы, осуществления предпринимательской деятельности и раскрытия своего потенциала (ч. 1 ст. 34), права на жилище (ч. 1 ст. 40), судебную защиту (ч. 1 ст. 46) не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах, даже в случае чрезвычайной ситуации. Однако, в той же ч. 3 ст. 56 говорится о правах, указанных в ст. 20, 23, 24, 28, 34, 40 Конституции Российской Федерации, которые могут быть ограничены в условиях нормального правопорядка.

По мнению Подмарева, А. А. трактовать ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации следует как конституционное предписание, которое запрещает дополнительное ограничение некоторых прав и свобод человека и гражданина, также автор

предлагает перенести перечень абсолютных прав в ст. 55 Конституции российской Федерации, обосновывая это тем, что в ст. 55 Конституции изложены общие условия ограничения всех прав и свобод человека [5].

В научных кругах нет господствующей точки зрения по критериям выделения абсолютных прав и свобод человека и гражданина. Так, по мнению А. А. Малько абсолютные права указаны в ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации [4, с. 134]. Данного мнения придерживаются и другие авторы (К. К. Гасанов и А. В. Стремоухов) [2, с. 164–165]. Например, Н. В. Витрук считает возможным выделение абсолютных прав и свобод человека и гражданина [1, с. 256]. В. Д. Зорькин подчеркнул, что в Конституции РФ уже закреплён перечень прав и свобод, которые не могут быть ограничены [3]. Противоположного мнения придерживаются такие авторы, как В. Е. Чиркин, считающих, что абсолютных прав нет. Т. Я. Храбриева считает, что все права могут быть ограничены, но только на основе закона, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, международными договорами и только в определённых пределах и соответствии с определёнными целями [6, с. 30–31]. Исходя из исследования различных взглядов, следует констатировать, что большинство авторов считают, что абсолютные права и свободы человека и гражданина существуют.

Как обоснование данной точки зрения можно привести решения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых говорится о конституционно-закреплённом существовании абсолютных прав и свобод человека. Нельзя не отметить, что и основные международные акты о правах человека придают статус абсолютных некоторым правам и свободам.

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации некоторые права человека и гражданина являются абсолютными, то есть неприкосновенными, при этом остальные права и свободы, не являющиеся абсолютными могут быть ограничены федеральным законом. Для обоснования существования абсолютных прав и свобод человека и гражданина Конституционный Суд Российской Федерации высказывает своё мнение, опираясь на правовую позицию, в которой говорится, что некоторые права и свободы не могут вступить в противоречие с установленными в части 3 ст. 55 Конституции РФ целями ограничений прав и свобод; этими целями никаким образом нельзя оправдать ограничение этих прав и свобод.

Важно отметить, что признание Конституционным Судом Российской Федерации того или иного права влечёт за собой определённые последствия, которые Суд объясняет, так, например, в одном из дел от 06.07.1998 г N21-П Суд разъяснил, что закреплённое в ч. 3 ст. 50 право осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом является абсолютным, в связи с чем федеральный законодатель не имеет права ограничивать ни по каким-либо обстоятельствам [5].

Что касается международного законодательства, то оно напрямую влияет на перечень, формулировку, содержание и регулирование основных прав человека и гражданина, а также на возможность ограничения или абсолютизации прав, об этом сказано в ч. 4 ст. 15 и ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации.

Основными международными актами по правам человека являются Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Междуна-

родный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. В вышеперечисленных международных актах, в качестве абсолютных прав закреплены те права, которые защищают физическую свободу и неприкосновенность личности, а также, правосубъектность, целостность личности и право человека на защиту.

По мнению А. А. Подмарева, к правам, защищающим физическую свободу неприкосновенность и целостность личности, относятся:

- свобода от подневольного состояния, подразумевающее под собой положение человека, над которым осуществляется право собственности и распоряжения (передача несовершеннолетнего другому лицу с целью эксплуатации ребёнка, выдача женщины замуж без её согласия). Сказано в ст. 4 Декларации, ст. 8 Пакта, ст. 4 Конвенции.

- право не подвергаться пыткам и научным опытам без согласия человека (ст. 5 Декларации, ст. 7 Пакта, ст. 3 Конвенции).

- право человека о признании его правосубъектности, подразумевает под собой быть невиновным до тех пор, пока виновность человека не будет доказана (ст. 8 Декларации, ст. 2 Пакта, ст. 13 Конвенции).

Исходя из вышеизложенного следует, что выделение абсолютных прав является возможным. Положения международного права позволяют более верно квалифицировать и дополнять перечень абсолютных прав Конституционным Судом Российской Федерации. На сегодняшний день тема исследования абсолютных прав имеет большие перспективы.

Литература:

1. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук [Электронный ресурс] // Электронная библиотека eLibrary.— Режим доступа: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 03.09.2022).
2. Гасанов, К. К. Абсолютные права человека и ограничения прав / К. К. Гасанов, А. В. Стремюхов [Электронный ресурс] // Электронная библиотека eLibrary.— Режим доступа: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 03.09.2022).
3. Зорькин, В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки / В. Д. Зорькин [Электронный ресурс] // Электронная библиотека eLibrary.— Режим доступа: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 03.09.2022).
4. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько [Электронный ресурс] // Электронная библиотека eLibrary.— Режим доступа: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 03.09.2022).
5. Подмарев, А. А. Неограничиваемые (абсолютные) права и свободы человека и гражданина в конституции РФ 1993 г. И международных актах / А. А. Подмарев [Электронный ресурс] // Электронная библиотека eLibrary.— Режим доступа: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 03.09.2022).
6. Хабриева, Т. Я. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева, Чиркин В. Е. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека eLibrary.— Режим доступа: <https://www.elibrary.ru> (дата обращения: 03.09.2022).

Субъекты, к которым применяется дисквалификация как административное наказание, их особенности

Хмель Анна Николаевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Русанова Светлана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В статье раскрывается дисквалификация — как один из самых эффективных видов административного наказания, его исполнение можно подразделить, основываясь на субъекте административной ответственности: должностного лица или индивидуального предпринимателя. Контроль за исполнением дисквалификации имеет ряд особенностей.

Ключевые слова: дисквалификация, административная ответственность, должностное лицо, административное наказание, санкция.

Дисквалификация является, непосредственно, мерой административной ответственности, которая устанавливается в целях защиты законных экономических интересов общества и государства, физических и юридических лиц, охраны здоровья граждан, а также предупреждения совершения административных правонарушений в сфере, касающейся трудовой и экономической деятельности. [1, с. 215]

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации впервые установил такую возможность применять достаточно серьезное административное наказание — дисквалификацию — за нарушение трудового законодательства (ст. 5.27). В изначальной редакции Кодекса данное наказание было связано с лишением права занимать руководящие должности в исполнительном органе управления юридического лица, входить в совет директоров, осуществлять предпринимательскую деятельность по управлению юридическим лицом, осуществлять предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Таким образом, в Российской Федерации в первоначальном виде дисквалификация допускалась как административное наказание, только применительно к должностным лицам и в качестве санкции за административные правонарушения в сфере предпринимательской деятельности. Однако она не рассматривалась именно как гарант персональной ответственности в государственном управлении, следовательно, государственные служащие по закону под такую меру административной ответственности как дисквалификация не попадали.

Уже к 2009 году список лиц, которым может быть вменена дисквалификация, был расширен. 17 июля 2009 года был принят Федеральный закон № 160-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации». [2, с. 3597] Следствием его принятия стала возможность применения административного наказания в виде дисквалификации, в том числе и в отношении гражданских служащих.

Представитель Правительства Российской Федерации 27 февраля 2009 года выступил на заседании Государственной Думы, где отметил, что вышеуказанный законопроект нацелен на установление ответственности должностных лиц, и в особенности, в первую очередь государственных служащих, представителей органов власти, за нарушения антимонопольного законодательства. Также, в озвученном докладе, приводились данные, свидетельствующие о том, что более половины нарушений в сфере антимонопольного законодательства составляют нарушения, совершаемые непосредственно чиновниками. [3, с. 23]

Введение законодателем возможности применения данного вида административного наказания на государственных гражданских и муниципальных служащих, доказывает признание дисквалификации эффективной.

В 2012 году Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию выразил свое мнение о необходи-

мости кардинально повысить персональную ответственность, и акцентировал внимание на вопросе, касающемся временной дисквалификации. Такая мера, считает Президент, будет свидетельствовать, о том, что недобросовестный служащий не только может и должен быть отстранен от занимаемой должности, но ему следует также на какой-то период времени запретить заниматься соответствующим видом деятельности. [4]

Таким образом, существует необходимость ужесточения контроля над представителями нанимателя в виде нетерпимого отношения к любым случаям нарушения служебной дисциплины со стороны их подчиненных, установление так называемой «нулевой толерантности», то есть абсолютной нетерпимости к любым деяниям, которые могли иметь признаки дисциплинарного проступка. Данный процесс необходимо основывать на совокупности видов контроля, это жесткий ведомственный контроль и вневедомственный надзор, с одной стороны, и гражданский контроль, то есть контроль непосредственно граждан и структур гражданского общества, с другой. [5, с. 14]

Проблем в практике при применении и назначении дисквалификации достаточно большое количество. Так, в их число входит такая проблема, как специфичность субъектов ответственности.

По правовому статусу субъекты административной ответственности за нарушение трудового законодательства очень различны, и данный факт сильно затрудняет правоприменителю возможность определения лица, который будет подвергнут наказанию, вследствие чего часто происходят ошибки.

По ч. 2 ст. 5.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации касательно выявления субъекта административной ответственности, нарушителя трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в настоящее время, на первый взгляд, полная определенность. Таким субъектом выступает должностное лицо.

В свою очередь, из практики органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, можно сделать вывод, что к должностным лицам применительно к статьям Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации относятся те служащие, деятельность которых непосредственно связана с совершением юридически значимых действий. При этом, содержание и объем этих юридических действий могут варьироваться, и определяться в зависимости от занимаемой должности. Осуществляющие свою деятельность чиновники должны осознавать, «что все предоставленные им возможности сопровождаются адекватной ответственностью». [6, с. 183]

Принимая во внимание содержание понятия должностного лица, указанного в законодательстве, и его толкование Пленумом Верховного Суда РФ, Б.Т. Разгильдиев сформулировал ряд следующих выводов:

1) должностное лицо наделено специальным служебным статусом;

2) статус должностных лиц определяется нормативным актом;

3) именно статус придает лицу функции представителя власти, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные.

Последние две функции характеризуют лицо в качестве должностного, если оно в одно и то же время наделяется обоими свойствами. В случае если же речь заходит только об одной из функций, возьмем как пример распорядительную, без организационной, хозяйственной, но без административной, то этих функций будет недостаточно для того что бы отнести лицо к должностному;

4) реализация непосредственно должностным лицом своих функций порождает юридический факт, изменяющий правовое положение лица, относительно которого осуществлялись эти функции. [7, с. 87–89]

Также, стоит заметить, что дисквалификация как мера административной ответственности применима к определенному перечню категорий работников, исходя из чего, не может быть применима в расширенных сферах трудовой деятельности, а именно к гражданам: замещающим должности федеральной государственной гражданской службы РФ, того или иного субъекта РФ; замещающим должности муниципальной службы Российской Федерации; к отдельным категориям граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица; занимающимся вопросами практического осуществления «частной практики»; занимающим должности в многофункциональных центрах Российской Федерации; занимающим должности профессиональных экспертов в сфере закупок товаров, промышленной безопасности, осуществления оценки пожарного и иного риска и так далее. [8, с. 289–292]

Исходя из вышеперечисленного, у дисквалификации как меры административного наказания, целью является наложение запрета гражданам, допустившим нарушение определенных норм действующего законодательства Российской Федерации, занимать особо ответственные и особо значимые области современной общегражданской жизнедеятельности.

Стоит отметить, что в соответствии с ч. 2 статьи 3.11 КоАП РФ, дисквалификация как мера административной ответственности, может быть установлена на срок от шести месяцев до трех лет. Закрепление указанного в законодательстве срока для дисквалификации, обусловлено тем, что в случае переосмыс-

ления подвергнутого такой ответственности лица, и исправления своего отношения к вопросам, послуживших основанием для применения рассматриваемого вида административного наказания, гражданин мог еще раз претендовать на занятие иной или аналогичной должности.

Однако, даже с учетом того, что количество административных правонарушений, за которые предусмотрено наказание в виде дисквалификации, постоянно увеличивается, расширения практики применения дисквалификации происходит достаточно медленно.

И при обращении к судебной статистике можно сделать вывод, что дисквалификацию обоснованно можно рассматривать как относительно редкое, административное наказание, которое по сравнению с такими традиционными и, в общем, привычными для российской действительности административными наказаниями, как, скажем, штраф или административный арест, применяется довольно-таки нечасто.

Собственно, сама дисквалификация как безальтернативное наказание предусмотрена лишь в некоторых статьях Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и чаще всего используется как альтернатива такой меры административной ответственности как штраф. Это является результатом низкой эффективности применения данной меры ответственности и сложности при осуществлении контроля за ее исполнением. В тоже время, при сравнении последствий от применения штрафа и от дисквалификации, то от последней они гораздо более существенные. И все же, как вид административного взыскания дисквалификация, на мой взгляд, имеет положительное значение для предотвращения нарушений должностными лицами требований законодательства, касающегося — в частности, законодательства о труде и о банкротстве.

Делая вывод, необходимо будет заметить, что применительно к дисквалификации, по крайней мере, в ее современном виде, четко виднеется, в основной степени, только четко выраженная карательная направленность. Однако следует помнить, что: эффективность применения наказания не в его суровости, а в его неотвратимости. Еще Чезаре Беккариа в своем, далеко опередившем время, знаменитом трактате «О преступлениях и наказаниях» верно заметил, что уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемый надеждой на безнаказанность. [9, с. 72]

Литература:

1. Словарь современных иностранных слов. М., Русский язык, 1992. — 740 с.
2. Собрание законодательства Российской Федерации 2009. № 29. — 6686 с.
3. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 77 (1050). 27 февраля 2009 г. Изд. Государственной Думы. — 66 с.
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации. М., 2012. [Электронный ресурс]: СПС «Консультант Плюс» — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/
5. Гришковец А. А. Дисквалификация государственных гражданских служащих // *ВВ: Административное право и практика администрирования*. — 2013. — № 11. — С. 14.
6. Ньестром Дж. В., Дэвис К. Организационное поведение / под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб., 2000. — 447 с.
7. Разгильдиев Б. Т. Некоторые уголовно-правовые проблемы взяточничества по УК РФ // *Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ*. Челябинск, 2002. Ч. 2. — С. 87–89.

8. Терентьев, Н. С. Дисквалификация как мера административного наказания / Н. С. Терентьев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 44 (334). — С. 289–292. правонарушениях / Под ред. Н. Г. Салищевой. 7-е издание. — М., Проспект. 2011. — 1291 с.
9. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. — М.: Юридическое издательство НКЮ СССР. 1939. — 464 с.

Процессуальные особенности рассмотрения трудовых споров с участием иностранных работников

Цыганков Антон Викентьевич, студент магистратуры
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В настоящей статье рассматриваются различные процессуальные особенности трудовых споров с иностранными работниками. Рассматриваются общие положения о труде иностранных работников в Российской Федерации. В статье рассматриваются положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в приложении к трудовым спорам с иностранными работниками, рассматриваются вопросы подсудности трудовых споров, осложненных иностранным элементом. В статье также делается вывод, что при соблюдении всех правил административного регулирования трудовых отношений иностранные граждане обладают всем объемом прав на судебную защиту в рамках трудовых споров, предоставленных гражданам Российской Федерации.

Ключевые слова: трудовой спор, иностранный гражданин, Трудовой кодекс РФ, подсудность дел, трудовой договор, право на труд, защита прав, трудовое право, Конституция РФ.

Procedural features consideration of labor disputes with participation of foreign employees

This article discusses various procedural features of labor disputes with foreign workers. General provisions on the work of foreign workers in the Russian Federation are considered. The article deals with the provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation as an appendix to labor disputes with foreign workers, considers the issues of jurisdiction of labor disputes complicated by a foreign element. The article also concludes that, subject to all the rules of administrative regulation of labor relations, foreign citizens have the full scope of rights to judicial protection in the framework of labor disputes granted to citizens of the Russian Federation.

Keywords: labor dispute, foreign citizen, Labor Code of the Russian Federation, jurisdiction of cases, labor contract, right to work, protection of rights, labor law, Constitution of the Russian Federation.

Значительная часть споров, сочетающих в себе элементы трудового права, осложненного иностранным элементом, являются административные дела, которые возбуждаются за неисполнение, ненадлежащее исполнение законодательства, регулирующего вопросы привлечения иностранцев к трудовой деятельности.

Такое положение вещей нетрудно объяснить, поскольку значительная часть иностранцев находится в России без надлежащих документов, при этом осуществляют трудовую деятельность, при этом, в силу таких обстоятельств, иностранцы крайне редко обращаются с исковыми заявлениями о защите своих прав в сфере труда.

Тем не менее данный вопрос требует более детального теоретического обоснования и исследования практических аспектов применения права в отношении рассматриваемого в настоящей статье предмета.

Отметим, что основной закон РФ — Конституция напрямую указывает на возможность защиты прав и свобод человека и гражданина (статья 2 Конституция РФ) [1].

Право осуществлять труд является одним из фундаментальных правовых основ любого человека. Система междуна-

родного труда включает в себя самые различные способы применения труда, как российских, так и иностранных граждан.

Развитие правовых отношений и сопутствующее им развитие теоретических разработок в правовой сфере, в конечном итоге, определили право на труд, труд, как таковой, как базис социального статуса человека.

Отметим, что государственное развитие Российской Федерации, в процессе изменений и реформ, повлекло за собой существенные изменения при регулировании отношений, которые строятся вокруг осуществления труда как гражданами, так и иностранцами.

Такое развитие можно проследить в двух аспектах. Во-первых, в Российской Федерации было разработано и принято законодательство, которое установило порядок и принципы участия граждан в трудовых отношениях, во-вторых, были внедрены возможности применения зарубежных правовых норм при участии граждан Российской Федерации за ее пределами. [6, с. 149–150]

Рассматривая различные подходы к понятию защиты трудовых правоотношений можно прийти к выводу о необходи-

мости разграничивать узкий и широкий подходы в понимании такой защиты. Так, согласно первому подходу, защита трудовых прав является действиями, связанными с реализацией трудовых прав, защиту их от различных нарушений, а равным образом предупреждение, недопущение, пресечение и восстановление прав, которые были незаконно нарушены. Во-втором значении, под защитой трудовых прав допустимо понимать осуществление охранительной функции трудового права.

Касательно второго подхода, можно указать, что такое понимание защиты трудовых прав подразумевает под собой установление на общегосударственном уровне трудовых гарантий, условий труда, их дальнейшее развитие таких положений на уровне региональном и локальном. В широком смысле защита трудовых прав также может пониматься как развитие трудовой демократии, что осуществляется посредством создания профсоюзов, различных представительств стороны работников.

Общегосударственным источником трудового права является Трудовой кодекс РФ. Так, в статье 352 данного нормативно-правового акта приводятся три способа защиты трудовых прав работников, а равным образом и их, работников, законных интересов. [3]

В целях регулирования и недопущения неоднозначности понимания, в Трудовом кодексе содержится понятие способа защиты трудового права. Так, под способом защиты трудовых прав и интересов понимается выраженные вовне действий уполномоченных субъектов, при этом направленное на реализацию субъективных прав.

Таковыми способами являются следующие: государственный контроль и надзор, который осуществляется в отношении соблюдения законодательства в сфере труда, судебная защита и защита прав посредством создания и действия профсоюзов, также трудовое законодательство предусматривает самозащиту трудовых прав и интересов. [8, с. 178]

Перейдем к более детальному рассмотрению вопросов относительно трудовых споров с иностранным элементом. Основным источником, который освещает правовые стороны регулирования трудовых отношений в международной сфере является Конвенция Международной организации труда, которая подчеркивает, что в трудовых отношениях наиболее незащищенной стороной выступает работник.

Работникам необходима государственная защита в сфере их трудовых взаимоотношений с их работодателями. Защита прав работников в суде является одной из самых важных сторон государственного воздействия на урегулирование трудовых отношений.

Отметим, что в соответствии со статьей 62 Конституции РФ иностранные граждане могут использовать свои права наравне с гражданами России, за исключением случаев, которые устанавливаются федеральным законодательством или международным договором. [1]

В статье 11 Трудового кодекса РФ указано, что нормы трудового права распространяются на трудовые отношения при участии, в том числе, иностранных лиц. [3] Исходя из этого иностранные работники, которые осуществляют трудовую функцию в пределах России, используют все юридические сред-

ства защиты, которые предусмотрены российским законодателем для граждан РФ.

Статьей 352 Трудового кодекса РФ предусмотрено право каждого лица защищать свои трудовые права разрешенным законом способом. [3]

Иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные (международные) юридические лица имеют право обращаться в суды РФ за защитой своих нарушенных прав, свобод и законных интересов.

При этом они пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности наравне с гражданами и юридическими лицами Российской Федерации.

Гражданская процессуальная правоспособность и дееспособность иностранных граждан и лиц без гражданства определяются их личным законом.

При этом стоит отметить, что в соответствии со статьей 402 Гражданского процессуального кодекса РФ установлено, что если суть искового заявления, вытекает из тех договоров, которые должны были иметь исполнение на территории Российской Федерации. То такие споры рассматриваются по правилам главы 3 Гражданского процессуального кодекса РФ. [5, с. 430]

Такое положение наводит на мысль о том, что если трудовая функция иностранного работника осуществляется на территории Российской Федерации, то, соответственно, при заключенном трудовом договоре, действуют правила главы 3 Гражданского процессуального кодекса РФ. [4, с. 201]

Укажем, что исходя из вышеизложенного иностранные граждане, которые осуществляют свою трудовую деятельность в Российской Федерации обладают правом на защиту всего спектра своих трудовых интересов в том же объеме и той же степени, что и граждане Российской Федерации. При этом, на таких иностранных работников распространяется действие российского трудового права, кроме случаев отдельно оговоренных международным соглашением.

Соответственным образом трудовые споры с участием иностранных лиц могут быть рассмотрены в досудебном порядке, во внесудебном порядке, в судебном порядке. [7, с. 158]

Возвращаясь к рассуждению о подсудности трудовых споров, проанализировав положения как трудового законодательства, так и законодательства процессуального, можно заключить, что споры, которые возникают по поводу осуществления трудовой деятельности иностранных граждан и возбуждаются на основании их заявления, рассматриваются российскими судами в случае, если:

- 1) работодатель находится на территории Российской Федерации;
- 2) в пределах России находится представительство, филиал, иное обособленное территориальное подразделение иностранной организации, которая в таком споре будет выступать в качестве ответчика;
- 3) у ответчика имеется имущество на территории Российской Федерации;
- 4) иск основан на трудовом договоре либо гражданско-правовом договоре по выполнению работ или услуг, которые должны быть осуществлены на территории Российской Федерации;

5) спор напрямую связан с возмещением вреда, который был причинен на территории Российской Федерации.

Приведенные выше условия подсудности дел по трудовым спорам с участием иностранного гражданина не создают необходимости наличия их одновременно в рамках того или иного спора, достаточно наличия хотя бы одного условия для определения подсудности дела российскому суду.

При этом подсудность может быть изменена соглашением сторон.

Подводя итог, отметим, что в целом, при соблюдении работодателем и работником административного механизма привлечения иностранных граждан к труду на территории Российской Федерации, то есть соблюдения всех необходимых процедур, оформляющих такие трудовые отношения, работник будет обладать всем объемом трудовых прав, которые предоставлены трудовым законодательством гражданам Российской Федерации.

Однако, при нарушении законодательства в сфере миграционного учета, положений законодательства регулирующих трудовые отношения иностранных граждан в аспекте госу-

дарственного контроля, то о наделении иностранных граждан спектром трудовых прав, которые предусмотрены действующим законодательством сложно, поскольку такое нарушение влечет за собой недействительность последующего оформления трудовых отношений.

Таким образом, административно-правовой механизм привлечения иностранных работников к труду на территории Российской Федерации напрямую связан с реализацией прав в трудовой сфере, тем самым соблюдение административных процедур оказывает в итоге положительное воздействие на права и обязанности как работодателя, так и иностранного работника.

Поскольку для первого выполнение норм административного характера не приведет к последствиям в виде привлечения его к административной ответственности, а для второго обеспечит комплекс необходимых прав для того, чтобы полноценно реализовать свои права как субъекта процессуальных отношений, направленных на судебную защиту законных прав и интересов иностранного работника.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: электронный // СПК КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.04.2022);
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022);
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). — Текст: электронный // СПК КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 21.04.2022);
4. Абдуллаев, Э.Э. Современные проблемы регулирования трудовых правоотношений с участием иностранных граждан на территории Российской Федерации / Э.Э. Абдуллаев. — Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 1. — с. 200–206;
5. Карасева, А. А. Некоторые аспекты понятия и формы защиты трудовых прав с иностранным участием / А. А. Карасева. — Бюллетень науки и практики. — 2018. — № 1. — с. 428–433;
6. Кудрявцева Л. В., Колесникова В. А., Базалей А. А. К вопросу о понятии трудовых отношений, осложненных иностранным элементом // Социально-политические науки. 2018. № 2. — с. 148–151;
7. Кудрявцева Л. В. Правовые меры привлечения высококвалифицированной рабочей силы в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья // Бизнес в законе. 2011. № 2. — с. 158.
8. Кириченко Л. В. Проблемы правового регулирования использования труда иностранных граждан в РФ // Территория науки. — 2015. — № 2. — с. 176–179.

О некоторых аспектах рассмотрения судами дел об обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях за незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина

Цыганков Антон Викентьевич, студент магистратуры
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности рассмотрения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел об обжаловании постановлений о привлечении к административной ответственности по делам об административном правонарушении за незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина. Раскрываются основные основания для отмены вынесенных постановлений о привлечении к административной ответственности и способы реализации данных оснований на практике.

Ключевые слова: административная ответственность, трудовые отношения, иностранные граждане, обжалование, постановление, отмена постановлений, работодатель, трудовой договор, разрешение, судопроизводство по рассмотрению дел об административных правонарушениях.

On some aspects of consideration by the courts on appealing regulations on cases on administrative offenses for illegal attribution of a foreign citizen to labor activities

This article examines some of the features of consideration by courts of general jurisdiction and arbitration courts of cases on appeal against decisions on bringing to administrative responsibility in cases of an administrative offense for illegally engaging a foreign citizen in labor. The main grounds for the cancellation of the decisions on bringing to administrative responsibility and the ways of implementing these grounds in practice are revealed.

Keywords: administrative liability, labor relations, foreign citizens, appeal, ruling, cancellation of rulings, employer, labor contract, permission, legal proceedings for considering cases of administrative offenses.

Трудовые отношения, участниками которых становятся иностранные граждане имеют значительную специфику, которая, в частности обуславливается необходимостью соблюдения не только Трудового кодекса, как основного регулятора трудовых отношений, но и миграционного законодательства.

Взаимное применение этих норм часто приводит к судебным процессам. Необходимо учитывать, что за несоблюдение требований законодательства при реализации трудовых отношений, одним из субъектов которых выступает гражданин иностранного государства предусмотрена ответственность. По таким делам складывается в основном арбитражная практика: работодатели обращаются в арбитражный суд с исками, оспаривая наложенные на них штрафы за различные нарушения, связанные с трудом иностранных граждан.

Одной из норм, предусматривающих ответственность за нарушение порядка привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности в Российской Федерации, является статья 18.15 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее — «КоАП РФ»). Целью настоящего изложения является обозначение и раскрытие оснований для обжалования постановлений о привлечении лиц к административной ответственности по данной статье, а также особенности обжалования лицами, привлеченными за совершение указанного правонарушения, постановлений о таком привлечении.

Обжалование привлечения к ответственности — основные аспекты

Обжалование решений органов исполнительной власти о привлечении лица к административной ответственности имеет прежде всего два основания — материальное и процессуальное (процедурное). В целях настоящего изложения под материальным основанием мы подразумеваем незаконность вынесенного решения о привлечении к административной ответственности исходя из того, что привлекаемое к такой ответственности лицо не нарушало норм действующего законодательства в рассматриваемой сфере, а равно органом власти были неправильно применены нормы, предусматривающие ответственность за совершение правонарушения. Так, например,

лицо привлечено к административной ответственности, без полного исследования фактических обстоятельств, без принятия во внимания действий, предпринятых привлекаемым лицом к недопущению совершения административного правонарушения, представленных таким лицом доказательств, документов, подтверждающих отсутствие в действиях лица состава правонарушения (к примеру, территориальный орган исполнительной власти в сфере миграции был уведомлен надлежащим образом, однако, по какой-то причине лицо, все равно привлекается, как нарушившее норму данного закона). К процессуальным (процедурным) основаниям отнесем неисполнение обязанности органа власти исполнить форму привлечения к административной ответственности (так, например, лицо не было надлежащим образом уведомлено о дате и времени рассмотрения вопроса о привлечении к административной ответственности, составления протокола; насколько протокол об административной ответственности может быть составлен и при отсутствии привлекаемого лица, не явившегося по вызову органа власти для составления соответствующего протокола, если такое лицо было надлежащим образом уведомлено, при этом орган власти может полагать, что лицо уведомлено надлежащим образом, хотя это не так, — например, иногда допускаются опечатки в уведомлении в части указания даты на которую назначено рассмотрение административного правонарушения). Статья 327.1. Трудового кодекса РФ предусматривает возможность участия иностранных граждан, а также лиц без гражданства, в трудовых отношениях на территории Российской Федерации, как в рамках трудового договора, так и по гражданско-правовому договору [1]. Согласно пункту 8 статьи 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» работодатель или заказчик работ (услуг), привлекающие и использующие для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, обязаны уведомлять территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции (внутренних дел) в субъекте Российской Федерации, на территории которого данный иностранный гражданин осуществляет трудовую деятельность, о заключении и прекращении (расторжении) с данным иностранным гражданином трудового дого-

вора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) в срок, не превышающий трех рабочих дней с даты заключения или прекращения (расторжения) соответствующего договора [2].

В соответствии с частью 1 статьи 18.15 КоАП РФ привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства при отсутствии у этих иностранного гражданина или лица без гражданства разрешения на работу либо патента, если такие разрешение либо патент требуются в соответствии с федеральным законом, либо привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства по профессии (специальности, должности, виду трудовой деятельности), не указанной в разрешении на работу или патенте, если разрешение на работу или патент содержит сведения о профессии (специальности, должности, виде трудовой деятельности), либо привлечение иностранного гражданина или лица без гражданства к трудовой деятельности вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого данному иностранному гражданину или лицу без гражданства выданы разрешение на работу, патент или разрешено временное проживание влечет наложение административного штрафа на юридических лиц от двухсот пятидесяти тысяч до восьмисот тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок от четырнадцати до девяноста суток [3].

Обозначим и раскроем основные вопросы, возникающие в ходе рассмотрения судами дел об обжаловании решений органов исполнительной власти в сфере миграции о привлечении к административной ответственности за незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина.

Решением Краснооктябрьского районного суда Волгоградской области от 03.03.2015 г. по делу № 12–216/2015 постановление административного органа о привлечении к административной ответственности в соответствии со статьей 18.15 КоАП было отменено в виду следующих обстоятельств. Так, должностное лицо организации было признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 18.15 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде штрафа. Однако, при рассмотрении жалобы на указанное постановление, суд установил, что данное должностное лицо не было извещено надлежащим образом о месте и времени составления протокола, при том, что в материалах дела содержалась повестка должностному лицу о составлении протокола, тем не менее отсутствовали данные о вручении ее адресату. Таким образом, при составлении протокола об административном правонарушении были допущены существенные процессуальные нарушения требований КоАП РФ. В данном случае должностным лицом был нарушен порядок рассмотрения дела об административном правонарушении, дело было рассмотрено без участия привлекаемого лица, притом, что материалы дела не позволяли сделать однозначный вывод о его надлежащем извещении о месте и времени рассмотрения дела. Указанное постановление было отменено по основанию несоблюдения процедуры привлечения к административной ответственности [4]. Исследуя фактуру дела № А33–7888/2012, рас-

смотренного Арбитражным судом Красноярского края, можно прийти к следующему выводу — не представление (отсутствие) доказательств, которыми бы подтверждался факт привлечения иностранного гражданина к трудовой деятельности в Российской Федерации именно лицом, привлеченным к административной ответственности по части 1 статьи 18.15 КоАП РФ, влечет незаконность вынесенного в отношении в него постановления по делу об административном правонарушении. Так индивидуальный предприниматель обратился с иском к органу исполнительной власти в сфере миграции, оспаривая постановление о привлечении к административной ответственности. Истец указал, что административным органом ни одним достоверным доказательством не подтвержден факт совершения вменяемого административного правонарушения именно индивидуальным предпринимателем. При этом, как усматривается в тексте решения суда, органом власти были представлены акт обследования производственного помещения, протоколы об административном правонарушении, объяснения иностранных граждан, видеозаписи по факту совершения административных правонарушений и т.д. При этом суд пришел к выводу о доказанности лишь факта нахождения иностранных граждан на производстве во время проведения административным органом проверки, однако ни одно из доказательств не подтвердило факт привлечения иностранных граждан индивидуальным предпринимателем к трудовой деятельности. В протоколах отсутствовали сведения о лице, допустившем к работе иностранных граждан, при этом трудовые договоры между индивидуальным предпринимателем и иностранными гражданами в письменной форме не заключались, доказательств фактического допуска к трудовой деятельности указанных лиц именно индивидуальным предпринимателем административным органом не предъявлено, суд пришел к выводу, что не представлена совокупность доказательств, с очевидностью, определенностью и достоверностью подтверждающая событие административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 18.15 КоАП РФ, и совершение его именно индивидуальным предпринимателем [5]. При указанных обстоятельствах законные основания для привлечения индивидуального предпринимателя к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 18.15 КоАП РФ, отсутствуют. Данный случай выражено демонстрирует отмену постановления по процедурному основанию. При этом, ряд дел, рассмотренных тем же Арбитражным судом Красноярского края указывает на то, что не заключение трудового договора между иностранным работником и работодателем, фактически допустившим иностранного гражданина к выполнению работ, не исключает обязанность работодателя по соблюдению правил привлечения и использования иностранных работников, в том числе по привлечению иностранных работников только при наличии у них разрешения на работу, требуемого в соответствии с федеральным законом [6].

Основной проблемой при привлечении к ответственности по статье 18.15. КоАП, является необходимость доказывания обстоятельства привлечения таким лицом иностранных граждан к трудовой деятельности без соответствующего разрешения — то есть, фактического допуска к трудовой деятель-

ности. Случается, что к ответственности привлекаются собственники, арендаторы помещений, где были обнаружены иностранный гражданин, у которого отсутствовали разрешение на работу либо патент, частные охранные предприятия, осуществлявшие на основании договора охрану помещений и территории, где были обнаружены указанные лица. В силу п. 3 ст. 26.1 КоАП РФ выяснению подлежит виновность лица в совершении правонарушения. Однако, лица зачастую привлекаются к ответственности без достоверного выяснения в рамках административного расследования и судебного рассмотрения, какой субъект фактически допустил к трудовой деятельности указанных лиц [7]. Ответственность несут лица, не являющиеся субъектом административного правонарушения и постановление об административном правонарушении, подлежит отмене, поскольку отсутствует один из элементов состава административного правонарушения. Отмена постановления о привлечении к административной ответственности в данном случае является отменой по материальному основанию. При этом при обжаловании вынесенных судебных актов в апелляционной и кассационной инстанциях в резолютивной части решений суды указывают не на установление судами факта вины лица, привлекаемого к ответственности, а на наличие у данного лица возможности для выполнения требований законодательства, соблюдения норм, правил, нарушение которых влечет наложение административной ответственности, а на непринятие таким привлекаемым лицом мер по соблюдению таких требований, мер, которые зависят от такого лица.

В деле № 34-АД14-7, рассмотренном Верховным судом Российской Федерации, об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 18.15, было вынесено постановление об отмене постановления о привлечении к административной ответственности в отношении привлекаемого лица. В ходе производства по делу привлекаемое лицо оспаривало свою осведомленность о том, что на объекте осуществляют трудовую деятельность иностранные граждане, не имеющие разрешения на работу. Бесспорные доказательства, которые могли бы свидетельствовать об обратном, в материалах дела отсутствовали. Таким образом, не представилось возможным сделать однозначный вывод о том, что иностранный гражданин был допущен к выполнению работ именно привлекаемым лицом. При таких обстоятельствах постановления нижестоящих судов по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 18.15 КоАП РФ, подлежали отмене. [8] Здесь также очевидно материальное основание к отмене постановления о привлечении к административной ответственности.

Санкция части 3 статьи 18.15 КоАП РФ предусматривает, помимо прочего, административное приостановление деятель-

ности на срок до девяноста суток. Административное приостановление деятельности назначается судьей [3].

Как указывается в Обобщении судебной практики Ростовского областного суда от 06.12.2016 года суды устанавливая наказание в соответствии с ч. 3 ст. 18.15 КоАП, часто не конкретизируют объем и содержание наказания в виде приостановления деятельности. Судам при назначении наказания в виде административного приостановления деятельности необходимо указывать с какого периода подлежит исчислению срок приостановления, какие мероприятия необходимо выполнить в рамках назначенной меры наказания. Нельзя говорить о том, что исполнение обязанности по уплате наложенного на лицо административного штрафа приведет к его банкротству, поскольку заявитель не имеет собственности никакого имущества, а его доходы незначительные. Данное обстоятельство не является основанием для назначения более строгого вида административного наказания в виде административного приостановления деятельности, которое иногда применяют суды, заменяя административное наказание в виде штрафа приостановлением деятельности, поскольку у лица нет средств для оплаты административного штрафа. [6]

Заключение

Учитывая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что, допуская обжалование по материальным и процессуальным (процедурным) основаниям, можно конкретизировать их следующим образом:

- отсутствие верной квалификации состава административного правонарушения, а равно недоказанность обстоятельств, в соответствии с которыми было вынесено постановление о привлечении к административной ответственности, что свидетельствует об отсутствии того или иного элемента необходимой совокупности, которая достаточна, для классификации деяния как правонарушения в смысле статьи 18.15 КоАП;
- нарушение процедуры расследования дела об административном правонарушении, которое выражено в несоблюдении требований нормы статьи 28.2 КоАП (не разъяснение прав привлекаемому к административной ответственности лицу, отсутствие надлежащего уведомления о времени и месте рассмотрения дела и т.д.).

Таким образом, основания к отмене постановления о привлечении к административной ответственности по статье 18.15 КоАП его обжаловании в суде разнятся по своей природе, что демонстрирует важность полноты исследования всех аспектов дела, соблюдения формы и содержания, требуемых при рассмотрении дела об административном правонарушении, как на этапе его рассмотрения административным органом, так и при обжаловании вынесенных постановлений в суде.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 7 января 2002 г. — № 1. — Ст. 3.
2. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2020): Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 29 июля 2002 г. — № 30 — Ст. 3032.

3. Кодекс об административных правонарушениях РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. 22.12.2020).— 2001.— СПС Консультант-Плюс.
4. Решение Краснооктябрьского районного суда города Волгограда от 31 марта 2015 г. по делу № 12–216/2015 // Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/regular/doc/UGR9z6En72lh/?regular-txt=®ular-case_doc=12-216%2F2015 (дата обращения: 09.01.2020).
5. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 27.08.2012 г. по делу № А33–7888/2012 // МойАрбитр URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d0a8da6-1f04> (дата обращения: 09.01.2020).
6. Обобщение практики рассмотрения дел, связанных с применением миграционного законодательства — Арбитражный суд Красноярского края от 22.03.2013 г. // Арбитражный суд Красноярского края URL: <https://krasnoyarsk.arbitr.ru/node/15903> (дата обращения: 09.01.2020).
7. О допуске к работе нелегалов собственники помещений нередко узнают из постановлений МВД // Адвокатская газета URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-dopuske-k-rabote-nelegalov-sobstvenniki-pomeshcheniy-neredko-uznayut-iz-postanovleniy-mvd/> (дата обращения: 09.01.2020).
8. Постановление Верховного суда РФ от 22 мая 2014 г. по делу № 12–34/12 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/o10V3zi9EwJN/?vsrf-txt> (дата обращения: 09.01.2020).
9. Обобщение судебной практики рассмотрения судьями Ростовской области дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. ст. 18.10, 18.15 КоАП РФ от 16.12.2016 г. // Гарант.ру URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/9887322/> (дата обращения: 09.01.2020).

К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение действий сексуального характера в отношении лиц, не достигших шестнадцати лет

Шалимова Алена Андреевна, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

Автором рассматривается вопрос о необходимости внесения законодательных изменений в уголовное законодательство в части приведения в соответствие содержания и диспозиции ст. 134 и 135 УК РФ, предусмотрев конкретные формы преступных действий, за которые следует определить соответствующий вид наказания с учетом общественной опасности обозначенных деяний, по признаку наличия физического контакта с потерпевшим.

Ключевые слова: наказание, развратные действия, половое сношение, иные действия сексуального характера, лицо, не достигшее шестнадцати лет.

Проблема защиты прав и законных интересов личности в сфере сексуальных отношений в последние годы привлекает все большее внимание общественности в связи с возрастанием доли данной категории преступлений в структуре российской преступности, изощренности способов их совершения, а также в связи с тенденцией к уменьшению возраста как лиц, совершающих половые преступления, так и возраста потерпевших.

Особого внимания заслуживает проблема снижения возраста потерпевших: по информации Следственного комитета Российской Федерации за последние пять лет в России на 20% увеличилось количество преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних [5]. В силу высокой общественной значимости совершения сексуальных преступлений в отношении самой незащищенной категории граждан — детей — представляется обоснованным возрастающий интерес к теме ужесточения уголовной ответственности за совершение преступлений сексуальной направленности в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста.

В рамках исследования вопросов уголовной ответственности за совершение таких преступлений особый интерес представляет вопрос анализа диспозиции и санкции полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшем шестнадцатилетнего возраста, (ст. 134 УК РФ) и развратных действий в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста (ч. 1 ст. 135 УК РФ).

Основное различие указанных норм сведено к тому, что совершение в отношении потерпевшей (потерпевшего), не достигшей (не достигшего) шестнадцатилетнего возраста, иных, кроме указанных в диспозиции ст. 134 УК РФ, сексуальных действий на добровольной основе требует квалификации по ст. 135 УК РФ как развратные действия. При этом согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» к числу развратных действий относятся все иные действия сексуального характера, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства.

Следовательно, уголовная ответственность за действия сексуального характера, имеющие физический контакт с лицом, не достигшем шестнадцати лет, наступает:

- по ст. 134 УК РФ за половое сношение, мужеложство, лесбиянство;
- по ст. 135 УК РФ любые иные действия, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям.

При этом в том же п. 17 ППВС РФ № 16 говорится о том, что развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей.

Следовательно, по ст. 134 УК РФ уголовно наказуемыми признаются исключительно действия, имеющие физический контакт с телом потерпевшего, а по ст. 135 УК РФ — как имеющие физический контакт, так и не имеющие такого контакта.

Анализ указанных норм позволяет сделать вывод о том, что санкция, предусмотренная ст. 135 УК РФ, мягче, чем предусмотренная ст. 134 УК РФ. В этой связи возникает вопрос — почему одни действия сексуального характера, в рамках которого происходит физический контакт с потерпевшим, наказываются строже, чем иные?

О данной проблеме писала В. В. Романова [4] еще в 2010 году, однако до сих пор законодатель не урегулировал существующее противоречие. На практике это проявляется таким образом, что совершение добровольного полового сношения совершеннолетнего мужчины с девушкой 15 лет влечет максимальное наказание — 4 года лишения свободы, а осуществление анального контакта на добровольной основе влечет максимальное наказание в размере 3 лет лишения свободы. Исследователи [1] называют такое противоречие «остаточным принципом», отмечая сомнительность возможности логически обосновать разницу в общественной опасности указанных действий.

О характеристике «остаточности» исследуемого преступления говорят и другие исследователи: «в соответствии со сложившейся судебной практикой ст. 135 УК РФ выступает в качестве своего рода «факультативной» нормы, которая применяется для квалификации посягательств на половую неприкосновенность, не охватываемых ст. 134 УК РФ (например, для

добровольного орального сексуального контакта взрослого мужчины с лицом, не достигшим 16-летнего возраста). Следовательно, содержание объективной стороны состава развратных действий определяется не только диспозицией ч. 1 ст. 135 УК РФ, но и предписаниями ст. 134 УК РФ» [3, с. 21].

Отдельно отметим, что в доктрине А. В. Мотиным [2, с. 10] предлагается внести изменения следующим образом: предлагается в ст. 134 УК РФ установить уголовную ответственность за все возможные виды телесных сексуальных действий с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: в части 1 — за половое сношение, а в части 2 — за иные действия сексуального характера, без детализации их на виды. В ст. 135 УК РФ предлагается сохранить ответственность только за бестелесные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (сексуальное растление). При этом обязательным признаком таких действий должна выступать специальная цель (удовлетворение сексуального влечения виновного, пробуждение у потерпевшего интереса к сексуальным отношениям и его сексуальное возбуждение).

Таким образом, в настоящее время за развратные действия (то есть все иные действия сексуального характера, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства) (ст. 135 УК РФ), предусмотрена более мягкая санкция, чем за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ), в условиях равной степени общественной опасности совершенного деяния в случае осуществления развратных действий посредством физического контакта.

Сказанное обуславливает необходимость внесения законодательных изменений в уголовное законодательство в части приведения в соответствие содержания и диспозиции анализируемых правовых норм. Представляется необходимым предусмотреть конкретные формы преступных действий, за которые следует определить соответствующий вид наказания с учетом общественной опасности обозначенных деяний, по признаку наличия физического контакта с потерпевшим. Необходимость таких изменений подтверждается также тем, что сексуальные действия (в том числе развратные), нарушающие телесную половую неприкосновенность несовершеннолетних, обладают большей общественной опасностью, они должны влечь более строгое наказание, чем действия, воздействующие только на психику, при которых непосредственный физический сексуальный контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал (например, при развратных действиях через интернет).

Литература:

1. Дядюн К. В. К вопросу о разграничении понятий «развратные действия» и «иные действия сексуального характера» // *Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн.* 2019. № 5 (62).; Островецкая Ю. А. Развратные действия: проблемы квалификации // *Вестник ЮУрГУ. Серия Право.* 2010. № 38.
2. Мотин А. В. Квалификация преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности автореф. дис... канд. юрид. наук. Москва, 2019. С. 10.
3. Оберемченко А. Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации): автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 21.
4. Романова В. В. Особенности состава преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // *КриминалистЪ.* 2010. № 2(7). С. 25–29.
5. Известия. В СК сообщили о росте сексуальных преступлений против детей URL: <https://iz.ru/1213100/2021-08-26/v-sk-soobshchili-o-rostе-seksualnykh-prestuplenii-protiv-detei> (дата обращения: 11.07.2022)

К вопросу о реализации права на защиту на стадии исполнения приговора

Шарапов Сергей Александрович, студент магистратуры
Оренбургский государственный университет

Принцип права на защиту действует на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и при решении вопросов, связанных с исполнением приговора. В настоящее время в законодательстве имеются несовершенства и пробелы, которые требуют внесения уточнений в законодательство. Предложено внесение дополнения ч. 4 ст. 399 УПК РФ, направленное на реализацию права на защиту осужденного.

Ключевые слова: уголовный процесс, принцип права на защиту осужденного, стадия исполнения приговора, услуги адвоката.

To the question of the realization of the right to defense at the stage of execution of the sentence

Sharapov Sergey Alexandrovich, student master's degree
Orenburg State University

The principle of the right to defense is valid at all stages of criminal proceedings, including when resolving issues related to the execution of a sentence. Currently, there are imperfections and gaps in the legislation that require clarifications in the legislation. It is proposed to introduce an addition to Part 4 of Art. 399 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, aimed at realizing the right to defend the convict.

Keywords: criminal process, the principle of the right to defend the convict, the stage of execution of the sentence, the services of a lawyer.

Стадией исполнения приговора завершается деятельность всех участников уголовного судопроизводства. Данная стадия является конечным продуктом правосудия, на которой должно быть применено справедливое наказание с соблюдением всех правил и норм уголовно-процессуального законодательства.

Такой правовед, как И.Д. Перлов придавал большое значение данной стадии в виду того, что приговор постановляется для того, чтобы быть исполненным, и без законной реализации потеряет свое назначение. Кроме того, ученый утверждал, что если данный приговор будет исполнен плохо, с нарушениями, то тогда теряется весь смысл деятельности по раскрытию преступлений и судебного рассмотрения дел [1, с. 54].

Другой советский правовед — М.С. Строгович утверждал, что приведение вступившего в законную силу приговора в исполнение есть последняя стадия уголовного процесса, в которой проводится в жизнь его постановления, то есть происходит реализация [2, с. 488].

Как и на других стадиях, на стадии исполнения приговора важно соблюдение всех принципов уголовно-процессуального права, закрепленных в главе 2 УПК РФ.

В данной статье рассмотрим реализацию такого принципа уголовного судопроизводства, как права на защиту (ст. 16 УПК РФ).

Конституционный суд РФ в Постановлении от 26.12.2003 N20-п КС РФ постановил, что право на получение квалифицированной юридической помощи должно обеспечиваться обвиняемому (подсудимому, осужденному) на всех стадиях уголовного процесса, в т.ч. и при исполнении приговора [3].

Подобную позицию занимает и Верховный суд РФ, утверждая, что принцип обеспечения права на защиту является одним из основных принципов и применяется на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Кроме того, Верховный суд РФ пришел к выводу, что «применительно к реализации осужденными права на судебную защиту уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство не содержит каких-либо изъятий или ограничений и не допускает понижения уровня гарантий права на судебную защиту для осужденных при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» [4].

В июне 2015 г. Верховным судом РФ принято Постановление Пленума N29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», которое более подробно раскрыло данный принцип (далее — Постановление N29).

В пп. 2 и 3 Постановления N29 развернуто разъяснены положения, раскрывающие содержание права на защиту, применяемого на стадии исполнения приговора: «данное право включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, но и право защищаться лично и (или) с помощью законного представителя всеми не запрещенными законом способами и средствами. Процессуальные права лица не могут быть ограничены в связи с участием в деле его защитника и (или) законного представителя» [5].

Анализируя судебную практику, можно сделать вывод, что судебная система Российской Федерации периодически сталкивается с нарушениями вышеуказанного принципа при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Судам следует реагировать на нарушение принципов уголовного судопроизводства на всех стадиях уголовного судопроизводства. При нарушении данного принципа при решении вопросов, связанных с исполнением приговора, решение суда может быть отменено и направлено на новое рассмотрение.

Например, Шестой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 29.01.2020 г. N77-140/2020 указывает, что при решении вопросов, связанных с исполнением приговора, при поступлении материалов в суд судья назначает судебное заседание, о чем выносит соответствующее постановление.

При этом постановление по представлению учреждения, исполняющего наказание, судьей не выносилось, соответственно, участники не были уведомлены о месте и времени судебного заседания. Суд также отметил, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ предусматривается обязательное участие защитника в уголовном процессе, если обвиняемый не отказался от защитника в порядке ст. 52 УПК РФ, т.е. письменно. Суд не разъяснил осужденному его законные права, осужденный не отказывался от участия адвоката. При таких обстоятельствах суд усмотрел в действиях судьи нарушение права на защиту осужденного, вследствие чего отменил постановление нижестоящего суда и направил дело на новое рассмотрение [6].

Одной из проблем реализации принципа права на защиту на стадии исполнения приговора является отсутствие обязанности суда обеспечивать осужденного адвокатом-защитником по назначению, так как перечень обстоятельств, предусматривающий обязательное участие защитника с возложением оплаты его участия на бюджет Российской Федерации, не предусматривает его участие в стадии исполнения приговора. В соответствии с ч. 4 ст. 399 УПК РФ осужденный имеет право самостоятельно пригласить адвоката для защиты его прав при решении вопросов, связанных с исполнением приговора.

В данном случае не исключаются ситуации, при которых осужденный в силу финансовых трудностей не имеет возможности оплатить юридические услуги адвоката, поэтому на стадии исполнения приговора вынужден защищать свои права самостоятельно. Особенно требуется квалифицированная юридическая помощь при рассмотрении вопросов об изменении вида испра-

вительного учреждения либо об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, замене наказания в связи со злостным уклонением от его исполнения и др.

Данная проблема актуальна в настоящее время. Так, Девятый кассационный суд общей юрисдикции постановлением от 22.02.2022 г. N77-450/2022 отменил постановление нижестоящего суда о взыскании судебных издержек за юридические услуги адвоката в доход федерального бюджета с осужденного. В кассационной жалобе осужденный указал, что является финансово несостоятельным для оплаты услуг адвоката, кроме того, адвокат не явился в судебное заседание. Кассационный суд по протоколу суда первой инстанции установил, что суд не разъяснил осужденному право воспользоваться услугами защитника. В данном случае нарушено право осужденного на защиту, которое должно соблюдаться на всех стадиях уголовного судопроизводства [7].

Во избежание вышеуказанной проблемы необходимо дополнить ст. 399 УПК РФ положением, предусматривающим обязательное участие адвоката-защитника по назначению суда при рассмотрении вопросов, указанных в ст. 397 УПК РФ.

Например, ч. 4 ст. 399 УПК РФ возможно дополнить следующей формулировкой: «Осужденный имеет право обратиться к суду с ходатайством, в котором излагается просьба о назначении судом адвоката для оказания квалифицированной юридической помощи, с указанием причин, по которым осужденный не имеет возможности самостоятельно обеспечить участие адвоката. Суд, при нахождении причин уважительными, обязан обеспечить участие адвоката для защиты прав осужденного.

Таким образом, принцип права на защиту является одним из основополагающих принципов, который должен быть реализован на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и при решении вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора.

Литература:

1. Перлов Н.И. Исполнение приговора в советском уголовном процессе: учебное пособие/ Н.И. Перлов.— Москва: Юридическая литература, 1963.— 227 с.
2. Шабанов В. Б., Буданова Л.Ю., Крамаренко В.П. Исполнение приговора-самостоятельная стадия уголовно-процессуальной деятельности // Пенитенциарная наука.— 2020.— С. 485–491.
3. По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй ст. 118 УИК РФ в связи с жалобой Шенгеля З. Р.: Постановление КС РФ от 26.12.2003 N20-П // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
4. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 N21 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
5. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 N29 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
6. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.01.2020 N77-140/2020 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 28.02.2022 N77-450/2022 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Типичные следы и причинно-следственные связи как структурные элементы криминалистической характеристики телефонного мошенничества, осуществляемого с территории учреждений уголовно-исполнительной системы

Экономюк Виктория Сергеевна, аспирант
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье освещаются криминалистические характеристики типичных следов, а также причинно-следственных связей при совершении телефонного мошенничества, осуществляемого с территорий учреждений уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: телефонное мошенничество, криминалистическая характеристика, причинно-следственная связь, типичные следы, биткоин-кошелек, дроп.

Мошенничество с использованием средств сотовой связи и комплектующих к ним, осуществляемое из учреждений уголовно-исполнительной системы — явление новое и недостаточно изученное. С течением времени механизм совершения таких преступлений усложняется и принимает изощренный характер, поскольку злоумышленники изобретают новые способы завоевания доверия граждан, а также меняется степень технической оснащённости самих преступников и технологий получения данных банковских счетов и персональных данных клиентов банков.

Важное место в структуре криминалистической характеристики телефонного мошенничества, осуществляемого с территорий учреждений уголовно-исполнительной системы, как и в структуре иного преступного посягательства, занимает вопрос о типичных следах преступления и местах их возможной локализации.

Совершение мошенничества с использованием средств сотовой связи в виртуальном пространстве, как особенность указанного преступного деяния, предопределяет появление особой **группы следов** преступления — виртуальных. Следовательно, в целях успешного выявления и раскрытия данного вида мошенничества необходимы более глубокие знания механизма совершения преступления.

Мошенник, держа в руке мобильный телефон, произносит слова и предложения, средство связи сохраняет введенные номера телефонов, в приложении интернет-банка видны транзакции с передачей денежных средств. На аппарате остаются следы пальцев рук звонившего лица, а голос является индивидуальной характеристикой человека.

Именно поэтому приобретают важное значение речевые характеристики звонящего, например, интонации, лексика, словарный запас, тембр голоса, особенности произношения (заикание, шепелявость, кашель) и другие. Голос человека является индивидуально неповторимой характеристикой наравне с линиями папиллярного узора или ДНК. Как следствие, идентификация человека по голосу возможна по записям телефонных разговоров с помощью фоноскопической экспертизы.

Важно понимать, что цифровой след от телефонных мошенничеств не ограничивается моментом перечисления денежных средств со счета потерпевшего на счет исполнителя, звонящего, низшего звена в цепочке организованной преступной группы. Цифровой след также имеет место быть,

когда похищенные денежные средства обналичиваются через посредников и переводятся в криптовалюты с целью отправки их за рубеж организаторам преступных сообществ. Таких посредников, отвечающих за обналичивание денежных средств, весьма успешно избобличают сотрудники правоохранительных органов Российской Федерации. Например, в колл-центре каждый день на доске перед всеми операторами висит номер карты какого-нибудь гражданина России. На языке жаргона таких лиц именуют как «дроп». В течение определенного промежутка времени на банковских картах «дропов» копятся похищенные в результате звонков денежные средства, поступающие от операторов колл-центров. Впоследствии, посредством социальных сетей, исключая реальный контакт членов организованной преступной группы, «дроп» получает сообщение о снятии денежных средств с банковской карты и покупке на них определенной криптовалюты. Указанная криптовалюта, например, биткоин, переводится на электронные кошельки граждан Украины. При этом, «дроп» удерживает себе часть денежных средств в качестве вознаграждения, примерно 10 процентов. В целях усложнения организации перевода денежных средств, участники преступления не знакомы друг с другом лично, а переписка происходит через мессенджеры, например, Телеграм.

Таким образом, имеют место цифровые следы, отследить которые возможно на территории России. Лица, осуществляющие деятельность «дропов» успешно избобличаются и привлекаются к уголовной ответственности.

Причинно-следственная связь при осуществлении умышленного преступления направлена на получение какого-либо результата. Другими словами, при совершении преступления мошенник преследует определенные цели. В случае с телефонным мошенничеством злоумышленник преследует цель завладения денежными средствами на банковских счетах, чтобы впоследствии распорядиться ими по собственному усмотрению. Таким образом, мошенник присваивает денежные средства потерпевших, выводя их с одного банковского счета на собственные реквизиты. Преследуя цель остаться безнаказанным, мошенник чаще всего пытается потратить денежные средства следующими путями:

1. Заказ через интернет дорогостоящей техники или предметов роскоши на подставные лица (друзья, родственники) или же на иных лиц за небольшую плату.

2. Перевод денежных средств на неперсонифицированные или инспирированные электронные кошельки. В данном случае процедура возврата денежных средств их законному владельцу является затруднительной, поскольку такие кошельки зарегистрированы на инспирированных лиц, установить личность которых не всегда возможно.

Отдельный научный интерес вызывает способ отправки украденных денежных средств на анонимные крипто (или биткойн) кошельки. На практике данный вид передачи денежных средств в телефонном мошенничестве еще не применяется, но уже активно набирает обороты в вымогательствах, связанных с вредоносными спам-рассылками на электронные почты. Опасность заключается в том, что оператор, сгенерировавший биткойн кошелек, скорее всего, зарегистрирован за границей, потому своевременно запросить данные о владельце кошелька не представляется возможным. Также возможна ситуация, когда площадка не собирает персональные данные о владельцах кошельков, чаще всего на страницах таких пользователей указаны любительские никнеймы, не имеющие ни-

чего общего с именем или фамилией человека. Таким образом, имеет место беспрецедентная ситуация, когда есть возможность пополнить конкретный биткойн кошелек без данных о его владельце!

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что типичные следы совершения телефонного мошенничества, имеют специфические черты. Во-первых, цифровой след начинается с момента поступления телефонного звонка потенциальной жертве, затем имеет место вход в приложение банка злоумышленником, перевод денежных средств на контролируемые банковские карты, как следствие — отправка криптовалюты на анонимные виртуальные кошельки за рубеж.

С другой стороны — фоноскопический след преступника, представляющий собой запись голоса. Имея базу данных образцов голосов лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и содержания под стражей, появилась бы возможность с помощью фоноскопической экспертизы идентифицировать звонящих и успешнее раскрывать телефонные мошенничества.

Литература:

1. 17 петербуржцев признаются в помощи украинским телефонным мошенникам URL: <https://www.fontanka.ru/2021/04/21/69879017/> Дата посещения: 14.09.2022 г.
2. Интернет-ресурс: «Telegram» URL: <https://web.telegram.org/k/>.
3. Что делать, если вам пришло письмо от мошенника URL: <https://reddock.ru/help/articles/585-660-cto-delat-esli-s-vashej-korporativnoj-pochty-prishlo-pismo-ot-moshennika/> Дата посещения: 14.09.2022 г.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 37 (432) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 28.09.2022. Дата выхода в свет: 05.10.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.